

Научное издание

К.И.Поляков

АРАБСКИЕ СТРАНЫ И ИСЛАМ В РОССИИ (90-е годы XX века)
М., 2001, 132 стр.

Рецензенты: кандидат философских наук **С.А.Мельков**
кандидат исторических наук **А.Ж.Хасянов**

Ответственный редактор: доктор политических наук **П.В.Чернов**

Монография посвящена влиянию Арабского Востока на ислам в России на рубеже XX и XXI веков как на государственном, так и негосударственном уровнях. Особое внимание уделяется деятельности международных мусульманских организаций. Подробно анализируется место Северного Кавказа (прежде всего Чечни) в российско-арабских отношениях. В заключение автор предлагает свои решения существующих здесь проблем.

ISBN 5-89394-059-8

ISBN 5-89394-059-8

© Поляков К.И.

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

ВВЕДЕНИЕ

Проблема религиозного экстремизма на постсоветском пространстве носит многоплановый характер, а поиск путей ее решения требует взвешенного и беспристрастного подхода. Это вызвано не только опасным характером любых экстремистских проявлений самих по себе, но и деликатностью религиозного аспекта проблемы, связанного с необходимостью уважения чувств верующих. Многоплановость этой проблематики предполагает рассмотрение весьма сложной и противоречивой совокупности внутренних и внешних предпосылок и условий социально-экономического и политического характера, которые способствуют формированию религиозных экстремистских тенденций.

Среди наиболее актуальных на сегодня можно выделить вопросы, связанные с влиянием внешнего фактора на распространение идеологии исламского экстремизма в России и других странах СНГ. Тем более что и в отечественной и зарубежной политологии продолжается дискуссия о природе и объективной роли политического ислама (исламизма). Среди отечественных исследователей, которые наиболее активно разрабатывают данную проблематику (А.А.Игнатенко, Р.Г.Ланда, А.В.Малашенко, С.А.Мельков, В.В.Наумкин, Л.Р.Сюкияйнен, А.Ю.Умнов и др.), существуют разные точки зрения в оценке как самого феномена этого явления, так и степени влияния внешнего фактора на радикализацию ислама в СНГ.

Очередная волна радикализации и политизации ислама в современном мире происходит в форме процессов, которые по-разному квалифицируются разными исследователями. Одни рассматривают их как следствие «цивилизационного противостояния», и трактовка происходящих в мусульманском мире событий осуществляется, условно говоря, с позиций «возрождения ислама». Обращение к «первоосновам» религии (фундаментализм) рассматривается в этом случае как закономерное явление в рамках очередной волны «исламского ренессанса», отражающей стремление в условиях глобализации сохранить и возродить «истинно исламские» ценности в условиях глобализации.

Другие ученые делают акцент на конкретных социально-экономических интересах, которые, по их мнению, стоят за этим процессом. Несправедливое место в системе международных отношений, отсутствие прогресса в построении демократического (гражданского) общества, нерешенность острых социально-экономических проблем – все это факторы, способствующие переходу фундаменталистов на позиции политического экстремизма. При таком подходе «исламский терроризм» предстает как экстремальная форма борьбы за равноправное участие в мировой поли-

тике, за национальный (или конфессиональный) суверенитет, иногда за сохранение права на социокультурную самобытность, но чаще всего – как стремление к решению внутренних проблем на путях установления «исламского порядка».

Третьи исследователи делают исходным пунктом своего подхода геополитику. По их мнению, за «ваххабизмом» в России (движением «Талибан» в Афганистане, «салафитами» в Египте, Йемене и других арабских странах) стоят внешние политические силы, которые используют их радикализм для решения своих корыстных задач. Под таким углом зрения исламские экстремисты могут предстать всего лишь орудием для проведения политики отдельных государств, направленной на достижение конкретных целей: создание позиций в жизненно важных для них регионах, установление своего контроля над торговыми путями, транспортировкой энергоносителей, добычей отдельных видов минералов и т.п.

Приведенное выше схематичное и далеко не полное изложение некоторых точек зрения показывает необходимость дальнейшей разработки этой проблемы. Вместе с тем наиболее обоснованным представляется мнение, что воздействие внешнего фактора на радикализацию ислама России по сравнению с внутренними факторами носит ограниченный второстепенный характер. Как справедливо пишет Д.В.Макаров: «Признавая очевидную роль внешнего фактора в распространении фундаменталистских идей на Северном Кавказе, все же следует подчеркнуть, что этот процесс отражает прежде всего глубинные социокультурные сдвиги внутри местных обществ и неспособность традиционного ислама удовлетворить формирующиеся в них новые интеллектуальные, духовные, социальные и политические интересы» [17, с. 42].

В этом плане одним из наиболее значимых является вопрос соотношения идеологии национализма и религиозного фундаментализма, который может послужить фактором, сдерживающим процессы радикализации ислама в Российской Федерации. Рассматривая эту проблему в середине 90-х годов, Р.Г.Ланда обоснованно прогнозировал, что «одной из причин неудачи фундаменталистов на всем постсоветском пространстве будут национализм и регионализм. В сущности, они весьма сходны и иногда проявляются даже одновременно. Невозможно установить ни солидарность всех мусульман СНГ, ни даже исламских фундаменталистов в условиях, когда сугубо националистические настроения берут верх практически во всех мусульманских республиках бывшего Союза, а внутри некоторых из них регионализм оказывается сильнее национализма» [16, с. 267].

Как представляется, для дальнейшего анализа развития этих процессов наиболее продуктивным будет рассмотрение всей совокупности социально-экономических и соответствующих им политических интересов всех слоев исповедующего ислам населения. В конечном счете, «спрос» различных социальных групп населения на «радикальный» ислам, который предполагает, помимо прочего, решительные шаги по установлению «исламского порядка» (отождествляемого частью населения с социальной

справедливостью, национальным равноправием, равенством всех перед законом и т.п.), рождает соответствующее «предложение». При этом социальная база исламистов пополняется за счет представителей тех групп населения, которые связывают удовлетворение своих социально-экономических и соответствующих им политических интересов с установлением исламской формы правления.

Сами по себе внутренние условия, способствующие появлению у населения потребности выражать свои интересы с использованием лозунгов «радикального» ислама, не могут быть достаточными для возникновения широких исламских общественно-политических движений фундаменталистской направленности. Даже при наличии субъективного фактора (каковой в России пока отсутствует) возможность создания основных предпосылок для распространения идей «радикального» ислама реализуется на первоначальном этапе через влияние внешних условий. В этом плане для России в 90-е годы было особенно характерно воздействие представителей арабо-мусульманских стран.

В предлагаемой монографии на примере арабских стран при использовании доступных источников и литературы, а также личных наблюдений в период работы на Ближнем Востоке предпринимается попытка рассмотреть лишь некоторые из наиболее актуальных для минувшего десятилетия аспектов влияния внешнего фактора на российский ислам. Ограничивая временные рамки исследования 90-ми годами XX века, автор исходил из того, что именно в этот период в силу ряда международных изменений, а также перемен в нашей стране арабо-мусульманское проникновение в Россию стало особенно заметным. Значение ряда арабских государств для России в 90-е годы определялось также их ролью в международных делах: Египет – ведущая страна арабского региона, Саудовская Аравия – один из признанных лидеров мусульманского мира, Ливия и Ирак – последовательные противники политики США и Израиля на Ближнем Востоке. Кроме того, в связи с событиями на Северном Кавказе для российской внешней политики возросло значение отдельных арабских стран: Иордании и Сирии, на территории которых имеются значительные северокавказские общины; ОАЭ, поддерживающих тесные контакты с чеченскими сепаратистами; Кувейта и Бахрейна, где среди общественности и религиозных кругов высказываются требования предоставить Чечне независимость, Ливана, где действует ряд экстремистских организаций и т.д.

После распада СССР Россия, к сожалению, не учла в достаточной степени те изменения, которые способствуют российско-арабскому взаимодействию. Это – прежде всего исчезновение опасений арабо-мусульманских стран в отношении коммунистической экспансии и укрепление позиций ислама в нашей стране.

Положение российской мусульманской общины – предмет повышенного интереса арабо-мусульманских стран. Реакция политических, религиозных и общественных кругов арабских государств на события в россий-

ском исламе должна приниматься во внимание при формировании внешней политики Российской Федерации.

Используя имеющийся потенциал, Россия может и должна играть активную роль в исламском мире. Это позволит частично компенсировать утрату позиций на Ближнем Востоке, связанную с развалом Советского Союза, существенно расширит возможности России в разрешении региональных конфликтов, в том числе, возникающих на межконфессиональной основе. В конечном счете, усиление значения России в мусульманском мире будет способствовать более эффективному решению внутренних проблем, обеспечению территориальной целостности и внешней безопасности Российской Федерации.

В то же время «исламская составляющая» внешнеполитического курса ряда арабских стран в отношении России неоднозначна. В частности, в последние годы некоторые аналитики выражали тревогу по поводу возможности создания структуры политико-экономического и военного сотрудничества государств Ближнего и Среднего Востока, рассматривающей в качестве зоны своих интересов не только государства Закавказья и Центральной Азии, но и российский Северный Кавказ. При этом, например, Л.Хоперская отмечает, что «для достижения поставленных целей мусульманские государства активно используют национальные спецслужбы, которые предпринимают попытки к созданию широкомасштабного происламского лобби во властных структурах всех уровней. Среди их приоритетных задач – стремление обеспечить единое руководство над всеми мусульманскими организациями России, усилить позиции исламского фундаментализма на территории Северного Кавказа» [32, с. 65]. Другими исследователями (В.А.Ахмедов) высказывается мнение о том, что «складывающаяся сегодня на Кавказе ситуация является для арабов весьма непростой и даже потенциально опасной, поскольку новые геополитические реалии здесь могут сформироваться без участия арабов и должного учета их интересов. В этой связи в ряде арабских государств весьма неоднозначно воспринимают попытки США, Турции и Израиля по установлению нового миропорядка на части Ближнего Востока, прилегающей к Кавказу» [3, с. 3]. Приведенные выше мнения экспертов в отношении российского направления внешней политики арабских государств, в том числе по проблемам в северокавказском регионе, служат дополнительным обоснованием интереса к этой проблематике и еще раз подчеркивают ее актуальность.

Отношение арабских стран к складывавшейся в 90-е годы XX века в России религиозно-политической ситуации, в том числе к событиям на Северном Кавказе, во многом стало отражением их собственных острых внутренних проблем в этой сфере, в первую очередь проблемы религиозного экстремизма. Однако накопленный арабскими странами в этой сфере опыт представляет интерес для России не только с точки зрения предупреждения и локализации внешних угроз со стороны исламских группировок радикальной направленности, но и для анализа внутренних социаль-

но-экономических условий зарождения религиозного экстремизма. В 90-е годы для России во многом стали характерны такие социально-экономические проблемы, которые ранее считались специфичными лишь для стран «третьего мира». Соответственно стали проявляться присущие ранее только развивающимся странам некоторые черты религиозно-политической ситуации (обострение межконфессиональных противоречий, проявление религиозной нетерпимости, усиление фундаменталистских тенденций и др.).

В этом контексте задача объединения усилий России и арабских стран в сфере борьбы с преступлениями, имеющими международный характер, выглядит весьма своевременной. Для российской стороны было бы полезным творческое осмысление опыта арабских стран в области борьбы с религиозным экстремизмом. Это позволит провести углубленный анализ предпосылок, способствующих распространению влияния зарубежных исламских экстремистских движений и организаций на территории нашей страны. Серьезный вклад в решение общих или схожих для России и арабских стран проблем могло бы внести налаживание сотрудничества в области обмена опытом по совершенствованию национального законодательства.

Одной из наиболее важных на этом направлении задач представляется выработка адекватной реальному положению дел реакции государственных органов (России и арабских стран одновременно) в отношении миссионерской, благотворительной и иной гуманитарной деятельности исламских неправительственных организаций на территории России. Иностранная помощь не должна быть использована для далеких от истинных принципов «исламской солидарности» целей. Совместные усилия России и арабских стран по поиску решения проблемы религиозного экстремизма должны базироваться на безусловном требовании соблюдения прав человека, уважения чувств верующих всех конфессий, а также национального суверенитета и, что также немаловажно, не в ущерб отношениям с третьими странами.

ГЛАВА I
РАДИКАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСЛАМЕ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЮ

**1. Международные условия роста радикальных
тенденций в исламе на Ближнем Востоке
в 90-е годы и их влияние на Россию**

В последнее десятилетие XX века исламские фундаменталистские движения на Ближнем Востоке превратились в важный фактор международной и региональной политики. На это повлияли главным образом два обстоятельства. Во-первых, это – изменения, произошедшие в нашей стране и в мире за последнее десятилетие, которые свелись к фактическому созданию монополярного мира, значительной утрате влияния России на Ближнем Востоке, образованию в мусульманских регионах на постсоветском пространстве новых очагов нестабильности. Во-вторых, всплеск мусульманского радикализма в отдельных государствах Ближнего и Среднего Востока инициировал, в свою очередь, обострение противоречий между представителями различных течений и направлений в самом исламе, а также внутри исламских группировок.

На фоне этих перемен вопрос о роли многоконфессиональной России в складывающемся новом мировом геополитическом порядке приобрел особую актуальность. В 90-е годы активизировались попытки внешних и внутренних сил вовлечь Россию в противостояние с исламским миром, чреватое серьезной угрозой ее безопасности и территориальной целостности. Сегодня отчетливо прослеживаются этапы этого процесса. Его нарастание было связано с участием России в урегулировании кризиса на Балканах и начавшимися попытками противопоставить православное большинство и мусульманские общины в самой России. Наблюдавшаяся сравнительно давно активизация исламистов в соседних с Россией регионах способствовала стремлению некоторых стран спровоцировать в России борьбу с исламским экстремизмом. Обострение проблемы сепаратизма Чечни под исламскими лозунгами вызвало увеличение попыток вмешательства зарубежных мусульманских кругов во внутрироссийские дела. Проведение предвыборных кампаний в России стало сопровождаться попытками части политиков использовать религиозную (исламскую, православную и т.п.) риторику в борьбе за власть. Вооруженный конфликт в Дагестане 1999 г. увеличил вероятность формирования собственно исламского экстремизма в России. И, наконец, террористические акты в российских городах и новая военная кампания в Чечне придали «исламской составляющей» северокавказских событий международный характер.

Произошедшие в этой последовательности события еще раз подтвердили, что ислам выступает важным фактором, определяющим отношения России с внешним миром.

В минувшее десятилетие прямо или косвенно Россия оказалась вовлечена в международные события, которые способствовали дальнейшему росту радикальных проявлений в арабском мире. В определенной мере эти процессы были вызваны неурегулированностью экономических отношений между странами Запада и Ближнего Востока и связанной с этим внутренней напряженностью во многих арабских государствах. В геополитическом плане традиционная социально-экономическая отсталость многих стран Ближнего Востока дополнилась также кризисным состоянием экономики значительной части соседних с Россией новых независимых государств с преобладающим мусульманским населением. Вооруженные конфликты на религиозной и национальной почве усугубили в 90-е годы социально-экономическое положение в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, обострили и без того напряженную демографическую ситуацию проблемой беженцев, способствовали пауперизации населения, безработице молодежи.

В попытках преодоления отсталости арабские страны продемонстрировали стремление использовать различные экономические концепции. В частности, у арабов сохранился интерес к разработкам, предусматривающим экономический рост на традиционалистской основе, которая видится как альтернатива западному экономическому либерализму. В качестве примера арабские исследователи приводят Китай, Индию, Японию и другие азиатские государства. Так, директор совета по информации «Дома Мудрости» Ирака (аналог Академии наук) Хамид Юсеф Хаммади считает, что «экономический рост этих государств был достигнут в рамках системы азиатских социальных понятий и ценностей, сочетающих благо общества и интересы личности». Из этого он делает вывод, что «демократические преобразования должны идти вслед за экономической модернизацией, а не наоборот, что противоречит ценностям американского либерализма, который основывается на расширении свободы рынка и индивидуальных интересах» [См.:31]. В свою очередь, стремление части арабских исследователей оценить как неприемлемую для своих стран «западную» модель развития находит понимание у исламских фундаменталистов.

Вызванные стихийной модернизацией социально-экономические трудности, особенно в тех арабских странах, где применяют исламские принципы государственного и общественного устройства, оказали стимулирующее воздействие на формирование внутренней исламской оппозиции. Ответной реакцией руководства таких стран стало стремление перевести деятельность местных радикалов в русло идеологической борьбы с внешним противником. По этим же причинам предпринимались попытки ориентировать лиц, принимавших участие в боевых действиях в рамках «джихада» (арабские «афганцы», «боснийцы», «косовцы», «чеченцы» и т.п.) на новые внешние «угрозы», в том числе против России.

Как представляется, дальнейшие планы отдельных арабских стран по осуществлению преобразований на основе западных разработок в конечном счете будут способствовать росту радикальных настроений в «умме» и переходу части приверженцев идей исламского фундаментализма на позиции политического экстремизма. Исламисты, в свою очередь, будут и дальше использовать нерешенность проблем бедности и отсталости для вовлечения в орбиту своего влияния все большего числа ущемленных в экономическом и социальном плане слоев общества. Эти и другие факторы наряду с неспособностью политиков направить разрозненное переходное общество на решение общенациональных задач будут в обозримой перспективе способствовать поддержке населением исламских фундаменталистов в ряде арабо-мусульманских стран.

Развитие в 90-е годы радикальных исламских движений на Арабском Востоке происходило на фоне двуединого процесса размежевания и консолидации самих мусульманских стран. В частности, продолжало сохраняться противостояние различных зарубежных исламских «центров силы» (например, ирано-саудовские, ирано-турецкие, внутриафганские противоречия и др.). При этом в своей борьбе за сферы влияния эти силы использовали исламский ареал СНГ в качестве полигона для реализации своих весьма противоречивых интересов [33, с. 71]. В то же время в минувшее десятилетие продолжался процесс межисламской интеграции. В связи с произошедшими в 90-е годы геополитическими изменениями в нем приняли участие образовавшиеся на постсоветском пространстве некоторые новые независимые государства. Прибегая в определенной мере к исламской риторике в политических целях, их лидеры стали декларировать приверженность мусульманским ценностям или включать территорию своих государств в «районы традиционного распространения ислама».

Заинтересованность в интеграции под лозунгом «исламской солидарности» продемонстрировали также наиболее мощные исламские государства Ближнего и Среднего Востока. «При этом, – пишет П.В.Чернов, – различные зарубежные исламские центры (иранский, саудовский, турецкий, пакистанский и др.) начали прилагать значительные усилия, чтобы втянуть в исламскую орбиту (политически, экономически и даже инфраструктурно) мусульманские регионы СНГ» [33, с. 71]. Обращает на себя внимание, что имевшая место в некоторых странах СНГ попытка «возрождения ислама сверху» (в том числе в интересах сотрудничества с развитыми исламскими государствами в плане получения возможных инвестиций) привела к негативным последствиям, которые стимулировали радикальные настроения в мусульманских общинах.

Попытки или декларации о введении шариата (тем более при содействии иностранных специалистов) не могли быть встречены с удовлетворением всем обществом, что послужило новым конфликтогенным фактором и способствовало естественному появлению групп ортодоксально настроенных лиц, видевших в своих оппонентах уже не инакомыслящих сограждан, а «врагов ислама». Подобного рода «исламизация» в условиях

общества с неустоявшимися исторически мусульманскими традициями, особенно при отсутствии сложившейся системы исламского образования и просвещения, развитого института улемов, факихов и других подготовленных священнослужителей только способствует проявлениям «искажения» основ вероучения среди мусульман. Носители такого рода «неполноценных» религиозных взглядов, как правило, составляют наиболее активную часть исламских экстремистских движений.

В конце 80-х – начале 90-х годов основным фактором глобальной радикализации ислама стало фактическое создание монополярной системы международных отношений, стремление к мировому господству США – главного противника исламских фундаменталистов. В литературе уже отмечалось, что в 90-е годы главную роль в выработке американской политики в отношении мусульманских стран играли геополитические и экономические интересы США. В частности, указывалось, что США избирают в отношении ислама политику, которая в первую очередь учитывала бы направления угроз, исходящих от так называемой «дуги нестабильности» («дуги кризиса») (Балканы, Кавказ, Северная Африка, Ближний Восток, Центральная и Южная Азия). В связи с этим уже с начала 90-х годов в США признавалось, что быстрое увеличение числа местных и региональных конфликтов в указанной зоне и потеря США контроля над этими конфликтами угрожает прежде всего американским интересам, которые сводятся к тому, что здесь располагаются большие запасы нефти и природного газа, стратегические маршруты трубопроводов [53, с. 52]. Одновременно возросли претензии отдельных восточных стран на обладание ядерным оружием («исламская атомная бомба») и угрозами его применения в региональных конфликтах.

В то же время Россия, продолжая в геополитическом плане оставаться частью центральноазиатской и ближневосточной системы координат, в начале 90-х годов продемонстрировала явно прозападные устремления, идущие вразрез с интересами нашей страны на Востоке. По мнению М.В.Рябова, «как бы ни складывались отношения между Российской Федерацией и остальными глобальными и региональными «центрами силы», прежде всего США, геостратегическое значение регионов Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока всегда будет в значительной степени определяться их географической близостью к России» [81, с. 16]. В создавшейся таким образом конфигурации международных отношений возросло стремление части радикальных исламских сил занять более высокую нишу в системе нового мирового порядка, используя при этом экстремальные формы борьбы.

Со своей стороны администрация США в 90-е годы стала рассматривать исламский экстремизм как основную составляющую международного терроризма, угрожающего их национальной безопасности. Осуществленные исламистами крупномасштабные террористические акты против учреждений и граждан США (взрывы на военных объектах в Саудовской Аравии в 1995-1996 гг., посольств в Африке в августе 1998 г. и т.д.) заста-

вили Вашингтон подключить к борьбе с исламским экстремизмом практически весь государственный аппарат, а также активно использовать возможности партнеров (в первую очередь Израиля).

В качестве одного из средств давления на неудобные им режимы стало применение США и некоторыми их союзниками по НАТО политики «двойных стандартов». В такого рода избирательности американского внешнеполитического курса проглядывалась не только двойственность подходов США к оценке деятельности суверенных государств. Это свидетельствовало также о неспособности американской администрации эффективно осуществлять взятые на себя функции по контролю за нераспространением террористических проявлений на почве религиозного (исламского) экстремизма.

Попытки установления Соединенными Штатами «нового мирового порядка», исходя прежде всего из своих собственных интересов, стали приводить к возрастанию «неуправляемости» так называемого «исламского фактора». Это, в свою очередь, существенно снизило возможность оказания другими членами международного сообщества сдерживающего воздействия на распространение исламского экстремизма. Кроме того, ставка на использование военной силы в подавлении «очагов терроризма» или ликвидации отдельных лиц, квалифицируемых США в качестве «спонсоров международного терроризма», оказалась малоэффективна и приводила к непредсказуемым последствиям.

Как показал опыт таких акций США в отношении представителей так называемого «исламского терроризма», они иногда давали обратный эффект, способствовали росту популярности экстремистов в своей среде и авторитета среди потенциальных сторонников. Например, попытки США «рассчитаться» за взрывы американских посольств в Кении и Танзании с Усамой бен Ладеном, нанеся ракетные удары по тренировочным лагерям боевиков в Афганистане и фармацевтической фабрике «Аш-Шифа» в Судане, привели к тому, что «главный спонсор международного терроризма» приобрел такую известность в мире, о которой не мог и мечтать, сражаясь (при поддержке тех же американцев) против советских войск в Афганистане и позднее, создавая финансовую и экономическую инфраструктуру для борьбы с «неверными» режимами в различных регионах. Аналогичный эффект достигался в результате проведения силовых акций властями основного союзника США на Ближнем Востоке – Израиля – против палестинских исламских организаций на оккупированных территориях.

Одновременно в рамках политики «двойных стандартов» США шли на оказание помощи государствам, на территории которых находили прибежище боевики, принимавшие участие в вооруженной деятельности с исламской окраской в различных странах и регионах (Афганистан, Босния и др.). В частности, согласно официальным американским данным, Йеменская Республика в 1996 г. не входила в число государств, поддерживающих международные террористические организации [40, с. 187], и по правительственной линии США оказывали ей финансовую помощь. При этом

американцы были информированы о том, что на территории Йемена еще со времен афганской войны действуют так называемые «религиозные институты» и «частные школы», в которых проходили идеологическую и военную подготовку экстремисты – выходцы из Алжира, Египта, Ливии, Судана и других мусульманских стран, а также самого Йемена. Следует отметить, что значительную часть этого интернационального контингента составляли «пострадавшие» в ходе ликвидации системы социальной защиты населения в бывшей Народной Демократической Республике Йемен (шла по пути социалистической ориентации до объединения с Йеменской Арабской Республикой в мае 1990 г.). Предание этих фактов огласке не смогло существенно изменить ситуацию ввиду огромного влияния исламских радикалов на внутривнутриполитический курс президента Али Абдаллы Салеха. Йеменское правительство стало использовать различные ухищрения для продолжения финансирования этих учебных заведений.

Заметное влияние на развитие радикальных тенденций в исламе на Ближнем Востоке в 90-е годы оказала политика ведущих стран Западной Европы в сфере противодействия исламскому экстремизму. В силу ряда обстоятельств (географическая близость арабо-мусульманских стран, значительные по численности мусульманские диаспоры и т.д.) правительства государств Западной Европы не могут игнорировать растущую роль ислама в общественно-политической и культурной жизни своих стран. В свою очередь, некоторые служители ислама в Европе не скрывают своих далеко идущих целей. Они заявляют, что «ислам представляется не только как индивидуально-субъективная, но и как историческая возможность для европейцев», что европейские мусульмане рассматривают «ислам как альтернативу потребительской, рациональной и опустошающей душу жизни в западном мире». «Встреча с Исламом, – считают они, – представляется для Европы последним духовным вызовом. Наша исламская общность предлагается как социальная модель для всех заинтересованных европейцев. Сегодняшняя мировая система загоняет человека в изоляционизм, в то время как комплексность бытия ощущается только в единстве с другими. Именно Ислам с его идеалом социального человека может способствовать достижению этой цели» [82, с. 19]. Такой подход части европейских мусульман, среди которых немало арабов, создает известные идейные предпосылки для деятельности исламских объединений, в том числе радикальной направленности.

В то же время позиция руководства отдельных ведущих западноевропейских государств в отношении исламского экстремизма носила в 90-е годы явно политизированный характер. Это было связано с их попытками максимально сохранить и упрочить свое влияние на страны арабо-мусульманского мира вне зависимости от складывающейся в них обстановки. Кроме того, практика «заигрывания» с исламистами основывалась на стремлении западноевропейцев отвести угрозы своим гражданам и учреждениям со стороны экстремистов как у себя в стране, так и за границей. Подобная практика оказалась эффективной.

Так, несмотря на недовольство исламских радикалов многими аспектами политики Великобритании в арабо-мусульманском мире, подданные и учреждения этой страны на своей территории и за рубежом редко становились объектами терактов со стороны экстремистов. Не препятствуя деятельности у себя в стране различных арабских оппозиционных исламских движений и организаций, власти Великобритании мотивировали этот «либерализм» ссылками на демократические нормы и традиции английского общества. Тем самым англичане ставили в зависимость устойчивость правительств ряда арабских стран от предпринимаемых ими шагов по нейтрализации такой деятельности. Этот рычаг воздействия активно использовался Великобританией для достижения своих целей во взаимоотношениях с некоторыми арабскими странами.

Со своей стороны руководство ряда арабских стран (Алжир, Бахрейн, Египет, Саудовская Аравия, Тунис) неоднократно ставило в известность правительство Великобритании о том, что ее территория стала международной базой исламского фундаментализма, центром по подготовке экстремистских акций, проводимых за ее пределами. Однако британские власти продолжают эту линию, которая способствовала фактическому превращению их страны в один из центров сосредоточения радикальных исламских группировок. Здесь также располагаются обслуживающие их серверы Интернета. На сегодня сайты этих организаций образуют специальную сеть, распространяющую идеи джихада против двух «главных врагов ислама» – Запада (в первую очередь США и Израиля) и правящих в ряде стран арабо-мусульманского мира режимов, обвиняемых ими в отходе от ислама.

В рассматриваемый период руководство ФРГ в числе основных угроз внешнеполитическим интересам своей страны выделяло международный терроризм. В качестве его новой характерной особенности в конце 90-х годов немцы стали отмечать усиление религиозно мотивированного терроризма, в первую очередь исламского. В этой связи для предотвращения эскалации насилия германские власти практиковали контакты с наиболее радикально настроенными организациями. В ФРГ официально находятся представители таких группировок, как ХАМАС, «Хезболла» и ряда других. Это связано с тем, что прибывающие на территорию страны исламисты, совершившие террористические акты за рубежом (на территории других стран или в своей стране) и не располагающие в Германии своими структурами, не подпадают под действие статьи 129 Уголовного кодекса ФРГ, дающего определение понятию «террористическое объединение». При необходимости применения репрессивных мер против исламских экстремистов, не нанесших прямого ущерба интересам ФРГ, власти этой страны под различными предлогами стремились смягчить меру наказания, чтобы не вызвать ответных акций со стороны их сообщников.

В некоторых случаях власти Германии шли на задержание и экстрадицию выявленных террористов в страны, где был объявлен их розыск. Например, по требованию США, выдавших ордер на арест ближайшего

помощника Усамы бен Ладена А.Салема, в сентябре 1998 г. после трех месяцев пребывания в тюрьме он был передан американским властям. При этом немцы поставили условие, что он не будет приговорен к смертной казни, поскольку эта мера наказания противоречит Конституции ФРГ. Кроме того, во второй половине 90-х годов Германия стала активно проводить политику «критического диалога» в отношении арабомусульманских стран, которые, по ее мнению, используют терроризм в качестве орудия политической борьбы (в частности, Ирак и Ливия). Во многом благодаря такой политике ФРГ до настоящего времени удается обеспечить относительную безопасность своей территории и зарубежных учреждений от покушений со стороны экстремистских организаций, действующих с территории подобных стран.

Франция, традиционно имеющая прочные позиции в арабском мире в целом и в странах Магриба, в частности, также рассматривала в 90-е годы исламский экстремизм как серьезную угрозу своей национальной безопасности и жизненно важным интересам. После всплеска террористических актов, совершенных алжирскими экстремистами в сентябре 1994 г., во Франции была принята специальная программа борьбы с терроризмом «Вижипират». Программа имеет гибкий характер, отдельные ее положения систематически пересматриваются. В ее реализации принимают участие все силовые министерства и ведомства страны. В частности, в июне 1995 г. был проведен скоординированный рейд французской полиции в 50 городах страны. В результате были раскрыты две сети материально-технического обеспечения Вооруженной исламской группы (ВИГ) и выявлены связи между алжирскими экстремистами и местной организованной преступностью. В Париже, Марселе и Лилле было задержано более 100 человек, принадлежащих к так называемым «передовым отрядам» алжирских террористических группировок в стране.

После этого состоялись массовые судебные процессы над алжирскими экстремистами. Так, в 1998-1999 гг. в Париже проводился процесс над 138 экстремистами и их сообщниками по обвинению в «создании сети поддержки вооруженных исламистских групп в столичном округе и провинции, а также пособничестве террористам и снабжении их оружием». В июне 1999 г. в обстановке повышенных мер безопасности начался судебный процесс над группой исламских террористов, совершивших в 1994 г. ряд терактов во Франции, в результате которых 12 человек были убиты и 200 ранены. По делу проходили почти все члены террористической группы (24 человека), осуществлявшей эти акции, 8 из них были арестованы. В результате принятых мер французам удалось в значительной мере снизить число исламских экстремистских проявлений на своей территории. Многие члены радикальных исламских организаций были вынуждены для продолжения своей деятельности перебраться в другие страны, главным образом в Великобританию.

Стимулирующее воздействие на рост исламского экстремизма и усиление его международного влияния оказали события в Косово. Попытки

США и их западноевропейских союзников в ходе осуществления военной акции на Балканах разыграть «исламскую карту», в том числе и в интересах подрыва позиций наиболее радикально настроенных представителей исламских фундаменталистских движений, если и достигли цели, то только частично. Во-первых, исполняя роль «защитников» мусульман в Косово, США не удалось в полной мере привлечь к себе симпатии мусульман в других странах, уменьшив тем самым их поддержку «традиционных» борцов за дело ислама – фундаменталистов. Во-вторых, пуски «Томагавков» по православной Сербии производились тогда, когда еще были свежи в памяти аналогичные действия в отношении мусульманских Судана и Афганистана, а также Ирака, и психологически воспринимались как звенья одной цепи, своего рода продолжение одного курса. В-третьих, сам по себе эффект устрашения фундаменталистов оказался слабее, чем ожидалось, подтверждением чему служат факты активизации исламистов в последующий период. В-четвертых, использование ООН в ходе войны в Югославии в интересах группы государств, входящих в НАТО, привело к ослаблению роли ООН как универсального наднационального миротворческого инструмента в международной политике. Соответственно, снизился уровень ожиданий определенной части мусульманских, в том числе арабо-мусульманских, стран в плане дальнейшего возможного использования этой организации в урегулировании межконфессиональных конфликтов мирным путем.

По мере развития югославского кризиса увеличивалась прямая и косвенная вовлеченность в него все большего числа государств. В зону конфликта стали поступать партии вооружения главным образом западных образцов преимущественно из Германии, Швейцарии, Турции, а также некоторых арабских стран через границу с Албанией. Сообщалось, что в порты Дуррес и Влера морским путем поступает оружие из Египта, Саудовской Аравии и Кувейта. Кроме того, на территории США в частях спецназа американских сухопутных войск начал проводиться отбор военнослужащих, в том числе арабского происхождения. В начале марта 1999 г. в Бонне стало функционировать Центральное представительство Освободительной Армии Косово (ОАК), состоящее из секретариата, пропагандистского и мобилизационного отделов. Его возглавлял Муе Ругова. В Швейцарии ОАК также имела свое представительство (г.Люцерн), на которое замыкалось 25 отделений, рассредоточенных по территории всей страны. Они активно занимались пропагандистской деятельностью в поддержку албанских боевиков и фактически взяли под свой контроль колонию косоваров в стране.

В своей деятельности ОАК использовала финансовые средства, поступающие по различным каналам из-за рубежа. Их основным источником являлись добровольные и принудительные «пожертвования» в размере 3% от всех доходов косовских албанцев, проживающих в странах Евросоюза, а также средства мафиозных албанских формирований, действующих во многих странах. Албанские криминальные структуры добывали

средства для ОАК на территории Косово, используя, в частности, незаконную транспортировку наркотиков и торговлю ими в США, Швейцарии, ФРГ, Бельгии и других странах, контрабанду оружия из Европы в некоторые арабские страны, рэкет, шантаж, вымогательство валюты у различного рода албанских представительств за рубежом, изготовление фальшивых документов и торговлю ими в Европе и США.

В период событий в Югославии наблюдалась активизация деятельности радикальных исламских организаций Ближнего Востока по оказанию ОАК материальной и военной помощи. В частности, ливанская благотворительная организация Ассоциация верного пути и реформ (АВГП) направила в Косово представителей своего боевого крыла. В декабре 1998 – январе 1999 г. в край было переброшено около 30 боевиков, прошедших полный курс физической и военной подготовки в контролируемых АВГП спортивных залах и на стрельбищах. Представители некоторых других исламских организаций вели «разъяснительную» работу в Македонии, где проживало около 25% этнических албанцев, которые большей частью были безработными. Для этого на территории Македонии была создана сеть так называемых «подпольных университетов», занимавшихся воспитанием молодежи в духе «исламской солидарности» с косоварами.

Показательно, что в события на Балканах весной 1999 г. оказались непосредственно вовлечены не только представители различных исламских группировок, но и боевики, принимавшие участие в военных действиях в Чечне. В прессе сообщалось, что среди воевавших на стороне албанских сепаратистов в Косово были отмечены выходцы с Северного Кавказа. Некоторые из них имели поддельные албанские и турецкие документы, другие были без удостоверений личности, намереваясь выдавать себя в случае задержания за косоваров, у которых документы отняли сербы. По «Радио свободы» со ссылкой на председателя Конгресса народов Ичкерии и Дагестана (КНИД) Ш.Басаева была распространена информация о намерении отправить в Югославию по согласованию с НАТО для помощи косовским албанцам батальон чеченских добровольцев, сформированный из состава «исламского легиона» КНИД. Кандидатом на должность командира этого батальона называли Хаттаба, возглавившего к тому времени отряд иностранных наемников «Джамаат ислами», имевшего в своем распоряжении Исламский институт Кавказа (ИИК) и руководившего несколькими лагерями по подготовке боевиков [62]. Командующий ОАК Сулейман Селими по прозвищу «Султан» отдал распоряжение о приеме в армию мусульманских добровольцев, начиная с 16 лет, включая женщин. В прессе также отмечалось, что наемники из числа этнических мусульман, прошедшие подготовку и получившие оплату в Албании, Македонии, Бельгии, Голландии и Чечне, в составе групп особого назначения входят в ОАК.

Среди косовских сепаратистов были отмечены «моджахеды» из Ирана, Боснии, других мусульманских государств. Часть из них являлась специалистами по ведению информационной войны, которые действовали в интересах отделения Косово от Югославии и превращения его в «форпост

ислама» на Балканах. Сообщалось также о причастности Усамы бен Ладена к финансированию подготовки боевиков в Чечне с целью их последующего использования в Югославии [57]. В частности, Усама бен Ладен в ходе встреч с руководством ОАК якобы заявил, что «передний край священной войны переместился в Косово». Отмечалось, что при его содействии весной 1999 г. в Албанию были направлены так называемые «добровольцы» из арабских стран, Чечни и Турции (около 100 человек). Усаме бен Ладену приписывается также участие в финансировании и подготовке боевиков ОАК, обучение которых методам партизанско-диверсионной деятельности в населенных пунктах и горной местности было организовано в спецлагерях Афганистана, а также Боснии и Герцеговины. Сообщалось, что в начале мая 1999 г. около 50 боевиков из отряда «независимого» афганского полевого командира Абдаллы Салема, считающегося сторонником Усамы бен Ладена и поддерживающего «талибов», были переправлены в Косово. Позднее начался обратный процесс переправки в Чечню наемников с Балкан через Украину при содействии Агентства информации и документации Боснии [73]. Как минимум 300 боевиков, воевавших в Дагестане, имели паспорта Боснии, оформление которых (как и отправка их владельцев на Северный Кавказ) также производилось через указанное Агентство [99].

В свою очередь, чеченская проблема и ее постепенная интернационализация во второй половине 90-х годов стали превращаться в один из факторов роста радикальных тенденций в исламе, в том числе и в арабо-мусульманском мире. В известной мере этому способствовали рецидивы политики «двойных стандартов», которые стали проявляться в подходах США и некоторых их союзников в связи с началом контртеррористической операции на Северном Кавказе. В Госдепартаменте США внимательно отслеживали ситуацию в регионе и хорошо представляли последствия эскалации конфликта. В официальных документах американского внешнеполитического ведомства, в частности, отмечалось, что «соседние кавказские государства внутри Российской Федерации так же, как и приграничные страны, опасались, что военная кампания России в Чечне приведет к усилению радикализации внутреннего исламского населения и стимулирует насилие и расширение нестабильности в регионе. Российская кампания в Чечне также усиливает опасения в Азербайджане и Грузии, как и в России, что чеченские повстанцы в значительной мере будут использовать эти страны для финансовой и транспортной поддержки» [38, с. 13].

Как представляется, заняв первоначально жесткую позицию в отношении политики Кремля на Северном Кавказе, американцы попытались использовать протест части арабо-мусульманских стран и радикальных исламских движений против военного решения проблемы Чечни для того, чтобы перенацелить деятельность исламистов на Россию. Во всяком случае, некоторыми обозревателями такая возможность не исключалась. В частности, по мнению политолога Д.Халидова, «за войной в Дагестане и Чечне чувствуется опытная рука сценаристов и вдохновителей «нового

мирового порядка» с Запада. Согласно их плану, на Кавказе в смертельной схватке должны были схватиться Россия и Чечня – «передовой отряд» исламского радикализма» [89, с. 25]. Схожего подхода в отношении закулисного участия внешних сил в северокавказском конфликте придерживались и некоторые исламские священнослужители в России. Так, по мнению председателя Духовного управления мусульман Азиатской части России Н.Аширова, «сталкивая Россию и Северный Кавказ, мировой сионизм ставит цель сравить Россию с исламским миром для того, чтобы Россия завязла окончательно в войнах с мусульманскими субъектами Российской Федерации и с внешними исламскими силами и была таким образом «изъята» из мировой политики» [30, с. 31]. Разнообразие версий о заинтересованности тех или иных сторон в сохранении напряженности на российском Северном Кавказе может свидетельствовать о том, что в 90-е годы Россия и исламский аспект ее внешней и внутренней политики (при всей относительности его существования) оказались объектом деятельности самого широкого спектра международных сил.

2. Исламские неправительственные религиозно-политические организации Ближнего Востока и Россия

Рассмотрение влияния неправительственных религиозно-политических организаций (НРПО) стран Ближнего Востока и Северной Африки на ситуацию в российских мусульманских общинах и процессы радикализации ислама в России связано с рядом трудностей. Это вызвано следующими обстоятельствами. Во-первых, деятельность, проводимая такого рода объединениями, носит преимущественно негласный характер (что определяет скудность источниковедческой базы). Во-вторых, акции НРПО вызывают наибольший резонанс в общественном мнении, поскольку часть из них прибегает в своей борьбе к методам террора (что обуславливает противоречивость фактических данных). В-третьих, экспертные оценки результатов их деятельности в определенной мере подчинены конъюнктурным соображениям политической ситуации (что сказывается на их объективности). Вместе с тем проблема возможного вовлечения России в зону влияния радикальных исламских группировок ближневосточного и североафриканского происхождения уже существует. Этому процессу способствует ряд предпосылок, которые условно можно разбить на две группы.

Во-первых, предпосылки, связанные с процессами внутри самих НРПО и условиями деятельности в районах их традиционного влияния. Здесь необходимо указать на стремление части арабских НРПО перенести свою пропагандистскую и организационную деятельность туда, где население оказывается более восприимчивым к идеям исламского фундаментализма. Можно согласиться с мнением В.Ахмедова, который считает, что «некоторые радикальные исламские организации, не имеющие в силу ряда субъек-

тивных и объективных факторов возможности самореализоваться в районах исторического влияния исламской цивилизации, нашли удобную нишу для воплощения своих замыслов на периферии исламского мира, регионе, где традиционно были устойчивы позиции христианства, а население в своей массе было слабо подготовленным в культурно-просветительском плане к восприятию идей истинного ислама» [3, с. 8].

Отмеченные субъективные и объективные факторы, скорее всего, были порождены кризисными явлениями, возникшими в ближневосточных НРПО в 90-е годы. Наряду с серьезными противоречиями между самими НРПО (достаточно указать на борьбу за лидерство между палестинскими исламскими группировками) одним из возможных объяснений идейно-политического кризиса, поразившего группировки исламистов в 90-е годы, стала растущая конкуренция их влиянию со стороны так называемого «ваххабизма» (в литературе еще: «псевдоваххабизм», «конфликтный ваххабизм» и т.п. – не путать с господствующей религиозной ваххабитской доктриной в Королевстве Саудовская Аравия). Если раньше, в 70-80-е годы радикальные исламские группировки (преимущественно суннитские фундаменталистские) на Ближнем Востоке носили достаточно замкнутый характер, представляя собой своеобразные «секты» носителей «истинного» ислама, то те, кого сейчас в разных странах мира принято называть «ваххабитами», составляют как бы новую генерацию агрессивных исламистов.

В настоящее время ареал распространения групп, берущих на вооружение взгляды «ваххабизма», охватывает часть стран Ближнего и Среднего Востока, некоторые другие афро-азиатские страны, а также государства постсоветского (в «третьем мире» – «постсоциалистического») пространства. Объединяющая их идеология включает в себя набор исламистской риторики, имеющей в своей основе упрощенную трактовку ханбалитского мазхаба, а также повышенную враждебность «традиционному» или «национальному» исламу. В доктринальном плане «ваххабиты» попадают в категорию «исламских радикалов» («исламских экстремистов», «исламистов», «салафитов»), которая, по определению А.А.Игнатенко, включает в себя: движения, партии, группировки, ориентированные на изменение status quo (в политической, социальной, экономической, геополитической сферах) с использованием радикальных, насильственных методов и руководящиеся (или, как нередко утверждают противники этих движений, «прикрывающиеся») исламом, точнее, определенными положениями, почерпнутыми в нормативном наследии этой религии и соответствующим образом интерпретированными [10]. Можно отметить, что идеологические установки «ваххабитов» превалируют над верой. На это уже указывали отдельные исследователи. Например, З.Арухов, рассматривая ваххабитские группировки из числа дагестанцев, выдвинутые чеченцами в первый эшелон экспансии летом 1999 г., которые были призваны создать ощущение внутреннего исламского бунта, считает их носителями «маргинальной, экстремистской идеологии, по большому счету не имеющей ничего общего с исламской религией» [53, с. 50].

В плане практической реализации своих идей для «ваххабитов» (в отличие от многих «традиционных» фундаменталистских НРПО на Ближнем Востоке 60-70-х гг.) характерны такие черты, как повышенная интернациональность (по этнонациональному составу участников), политизированность (по приоритетам борьбы – не изменение общества, а вооруженное установление своей власти), воинственность (примитивная версия «джихада»), жестокость (похищение людей, применение пыток и т.п.), культ личности полевых командиров (военачальников-эмиров) и т.п. Одним из возможных объяснений характерных особенностей идеологических взглядов и практики «ваххабитов» является то, что большую часть первоначальных сторонников этого движения составляли арабские «афганцы» (численность которых, по оценочным данным, равна 10-15 тыс. человек).

Как представляется, на территории России и других стран СНГ идеи «ваххабизма» получают распространение в тех районах, где изначально непрочно укоренившийся «традиционный» ислам подвергался в течение определенного времени разрушающему воздействию атеистической пропаганды, а последующая «реисламизация» проходила при участии сторонников возрождения «чистого» ислама из-за рубежа, в том числе из арабских стран. Схожая ситуация наблюдалась в некоторых «постсоциалистических» странах, например, в Южном Йемене (бывшей НДРЙ). Проходившая в таких районах социально-экономическая «перестройка» и сопровождавшая ее реконструкция родо-племенных, клановых и тому подобных отношений, к которым не всегда могут адаптироваться все прежние, «доперестроечные» группы населения, вызвала к жизни социальные слои маргинального типа, чьи потребности, в первую очередь, порождают «спрос» на примитивную идеологию воинствующего ислама. Таким образом, можно предположить, что конкуренция со стороны растущего влияния «ваххабитов» заставит «традиционные» ближневосточные НРПО уже в ближайшей перспективе активизировать распространение своего идейно-политического влияния на территории Российской Федерации.

Во-вторых, процессу вовлечения России в зону влияния радикальных исламских группировок способствуют предпосылки, связанные с ее участием в 90-е годы в разрешении различных региональных конфликтов, значительная часть которых происходила в мусульманских регионах. Ввиду наличия «горячих точек» на территории нашей страны (Северный Кавказ), в непосредственной близости от ее границ (Центральная Азия), а также в зоне ее внешнеполитических интересов (Балканы, Ближний Восток) Россия в период 1994-1999 гг. оказалась противопоставлена целому ряду исламских стран и движений. В свою очередь, вовлеченные в эти же конфликты ближневосточные НРПО оказались «по разные стороны баррикад» с Россией.

Это противостояние стало заметным в ходе событий на Балканах. В связи с резким обострением вооруженного конфликта в Косово радикальные исламские круги в арабских странах приняли участие в антисербской пропагандистской кампании. Например, лидеры египетских группировок

«Аль-Гамаа аль-исламия» и «Аль-Джихад аль-ислами», воспринявшие позицию России в Балканском кризисе как враждебную мусульманам Косово и исламскому миру в целом, выразили намерение действовать против интересов нашей страны. Другое влиятельное ближневосточное движение – ХАМАС в своем заявлении по поводу косовских событий призвало арабские и исламские государства «принять меры по оказанию срочной помощи мусульманам Косово и предотвращению повторения трагедии, которая выпала на долю палестинского народа». Однако главным виновником кризиса ХАМАС называло все же США, которые «прикидываются защитниками мусульман Косово, хотя поддерживают сионистскую оккупацию Палестины и террористические действия против палестинского народа». Представители ХАМАС заявили также, что «американское вмешательство – это попытка под прикрытием лозунга о правах человека достичь собственных целей, заключающихся в установлении полного контроля на Балканах» [107]. К этому следует добавить, что до конца 90-х годов угрозы со стороны ближневосточных НРПО, как правило, не были направлены конкретно против России, а обращены в адрес всех европейских стран.

В идейно-политическом отношении современные НРПО на Ближнем Востоке имеют главным образом антизападную (и антиссионистскую) направленность. Можно теоретически предположить, что их возможная антироссийская деятельность будет проявляться настолько, насколько Россия будет ассоциироваться для них с западным миром. Враждебность ближневосточных НРПО политике стран Запада исходит из стремления исламистов отстоять возможность того образа жизни, который они связывают с реализацией основных положений своей религиозной доктрины. Например, издающийся в Кувейте журнал «Аль-Муджтамаа» (отражает в целом позицию «Братьев-мусульман») прямо утверждает, что Запад проводит в отношении исламской «уммы» подрывную политику. При этом он преследует следующие цели: «подрыв положительного примера исламского образа жизни; объявление широкомасштабной войны носителям исламского сознания; обвинение мусульманских организаций в терроризме, экстремизме и насилии для беспощадного подавления их в любом месте; подрыв базиса стран исламского мира и их народов, даже тех стран, правительства которых не избрали ислам в качестве образа правления, путем блокады, международных санкций или же нанесения военных ударов, подрыва их экономики через недобросовестную конкуренцию, снижения их поступлений от продажи нефти; осуществление геноцида исламских народов без различия между теми, кто действительно придерживается ислама, и теми, кто не связывает свою личность с исламом» [117]. С учетом подобной позиции фундаменталистских кругов на Ближнем Востоке не исключено, что оказание давления на арабские страны со стороны США и их некоторых западных союзников будет лишь способствовать дальнейшему нарастанию антизападных настроений в мусульманских общинах.

В связи с возможным вовлечением России в зону влияния радикальных исламских НРПО ближневосточного и североафриканского происхож-

дения следует кратко рассмотреть некоторые аспекты их практической деятельности. Как правило, с точки зрения правительств арабо-мусульманских стран, группировки фундаменталистской ориентации подразделяются на умеренные, радикальные и экстремистские. Главным критерием этого разделения служит, как правило, степень их вовлеченности в оппозиционную или антиправительственную деятельность, а также готовность к применению насильственных (вооруженных) методов в достижении поставленных политических целей. Для более углубленного анализа представляется целесообразным выделить следующие основные критерии оценки деятельности различных группировок исламистов, использующих методы террора. Во-первых, цели, для достижения которых применяется насилие, в какой форме оно применяется, а также средства его осуществления. Во-вторых, вероятность использования исламских лозунгов для прикрытия деятельности сепаратистских в своей основе движений. В-третьих, возможность использования исламских лозунгов для оправдания деятельности членов тех группировок, для которых насилие стало формой существования или средством наживы (в том числе, для части «ваххабитов»). В этой связи нельзя также проигнорировать и тот факт, что организационная устойчивость тех или иных НРПО основывается не столько на религиозных и идейно-политических принципах, сколько на общности экономических интересов.

Связанная с этим проблема так называемого «исламского терроризма» нуждается в критическом анализе. В рассматриваемый период этот термин использовался главным образом представителями США и Израиля в контексте определения «международный терроризм». Следует отметить, что ежегодно отдел контртерроризма Бюро дипломатической безопасности Госдепартамента США готовит для президента доклады о проявлениях международного терроризма антиамериканской направленности. При этом особо выделяются зарубежные организации, способные угрожать безопасности США. В перечень таких объединений включен, в том числе, ряд исламистских группировок и движений (а также 7 государств – Ирак, Иран, Куба, Ливия, Северная Корея, Сирия и Судан), обвиняемых американцами в поддержке международного терроризма. Этот список регулярно публикуется в ежегодном обзоре Госдепартамента «Проявления международного терроризма» («Patterns of Global Terrorism»). Поддержка входящих в него организаций считается федеральным преступлением. Вместе с тем следует отметить, что основным критерием включения той или иной организации в число наиболее опасных, по мнению американцев, террористических группировок является совершение ею терактов, направленных «против интересов США» (в расширенном толковании данного понятия).

Используемые при этом подходы к определению антиамериканской направленности зарубежных экстремистских формирований и их спонсоров диктуются главным образом политическими соображениями администрации США. На практике такой подход приводит к уже отмечавшимся

«двойным стандартам» при оценках международной террористической деятельности. В октябре 1999 г. Госдепартамент США отнес к категории «зарубежные террористические организации» 28 группировок. Среди них указаны такие наиболее крупные организации на Ближнем Востоке, как: Организация Абу Нидаля, Группа Абу Сайяфа, База («Аль-Каида»), Вооруженная исламская группа («Аль-Джамаа аль-исламия аль-мусалляха»), Исламская группа («Аль-Гамаа аль-исламия»), Движение исламского сопротивления (ХАМАС), Партия Аллаха («Хезболла»), «Священная война» («Аль-Джихад аль-исламия»), Фракция Шикаки в Палестинском исламском «джихаде», Палестинский фронт освобождения – фракция Абу Аббаса, Демократический фронт освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины – Главное командование и др. [38, с. 65-66]. Вместе с тем на протяжении последней трети 90-х годов отсутствуют достоверные факты осуществления частью из них (Демократический фронт освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины, ливанская «Хезболла») террористической деятельности.

В отчете Госдепартамента США за 1999 г. начинает фигурировать так называемый Всемирный исламский фронт «джихада» против иудеев и крестоносцев (иначе – Мировой фронт «джихада») [38, с. 84]. О его создании в феврале 1999 г. заявил Усама бен Ладен, выступая на пресс-конференции в одном из пакистанских городов. Из представителей ближневосточных НРПО на этом мероприятии присутствовали Айман аз-Завахири, один из руководителей египетской организации Священная война («Аль-Джихад») и Ахмед Таха, лидер египетской Исламской группы («Аль-Гамаа аль-исламия»). Главная заявленная цель фронта – ведение джихада против Соединенных Штатов, Израиля и иудеев в любой точке земного шара. Создание этого «исламского экстремистского интернационала» (туда якобы вошли представители чуть ли не всех исламских радикальных группировок со всех уголков мира) широко комментировалось в средствах массовой информации.

Вместе с тем отечественными исследователями (А.А.Игнатенко) вполне резонно было отмечено одно обстоятельство: все, что было опубликовано, в том числе и в российских СМИ, о главном учредителе Фронта Усама бен Ладене – это за редчайшим исключением определенным образом препарированная информация, которая имеет своим непосредственным или опосредованным источником администрацию Соединенных Штатов. В результате проведенного анализа делается логичное предположение о том, что феномен (фантом) «Усамы бен Ладена» вызван к жизни (сконструирован) Центральным разведывательным управлением США и американским Государственным департаментом [65].

Как представляется, в создавшихся в конце 90-х годов условиях существование международного объединения, которое могло бы контролировать часть наиболее радикальных исламских группировок, стало отвечать интересам США и их некоторых союзников в Европе и на Ближнем Востоке. На

какое-то время в этой роли виделось исламское движение «Талибан» в Афганистане. Однако по своему характеру и направленности оно не могло объединить исламистов Ближнего и Среднего Востока. Вероятно, одной из причин этого стала исламская «традиционалистская» сущность этого пушунского движения, действующего строго на своей территории, для которого не характерно, как считает исламовед А.Ю.Умнов, стремление к внешней экспансии [88]. Не исключено, что в качестве своего рода международного «холдинга» исламистов был заявлен Мировой фронт «джихада», причем его создание получило настолько широкую огласку, что напоминало PR-кампанию. Вокруг фигуры лидера Фронта Усамы бен Ладена нагнеталась враждебная обстановка, создавалась видимость «тотального» преследования, мнимых покушений на его жизнь.

К этому времени Усама бен Ладен возглавлял созданную им же в конце 80-х годов организацию арабских ветеранов войны в Афганистане – «Аль-Каида» (База). В середине 90-х годов это объединение арабских «интернационалистов» превратилось в разветвленную международную структуру (фонд с аналогичным названием, представительства в различных странах мира и т.д.). Американцы заявляют, что именно «Аль-Каида» послала инструкторов из Афганистана в Таджикистан, Боснию, Чечню, Сомали, Судан и Йемен. Она готовила боевиков из многих других стран, включая Филиппины, Египет, Ливию, Пакистан и Эритрею [38, с. 31]. Через возможности СМИ до Усамы бен Ладена стала доводиться информация о том, что не США, а Россия является главным инициатором его преследования и различных провокаций якобы за причастность к поддержке чеченских и дагестанских сепаратистов. Утверждалось, что лидер Мирового фронта «джихада» якобы проявляет активный интерес к идее Басаева и Хаттаба о создании в районе Северного Кавказа единого мусульманского «ваххабитского» государства. Плацдармом для этого выбрана Чечня, которая, по утверждениям Хаттаба, «способна завоевать соседние с ней республики и диктовать свою волю правительству России в случае широкой финансовой и иной поддержки со стороны других мусульманских стран» [57].

Сообщалось также, что Хаттаб обратился с просьбой к Усаме бен Ладену об оказании срочной помощи чеченским боевикам. Лидер Фронта якобы обещал переправить в Чечню оружие и группы наемников (около 120 человек). Для проникновения боевиков из специальных лагерей подготовки бен Ладен предложил активизировать маршрут через «окно» на афганотуркменской границе. Для вербовки наемников, подготовки боевиков и закупки боеприпасов бен Ладен переправил Басаеву, Бараеву и Хаттабу 2 млн. долл. [99]. По другим источникам, бен Ладен обещал Хаттабу выделить от 5 до 10 млн. долл. на закупку оружия и вербовку наемников для активизации деятельности «ваххабитов» в этом регионе, а Басаеву передал 25 млн. долл. на продолжение войны с Россией [57]. До настоящего времени в прессе регулярно продолжают публиковаться статьи о предстоящем появлении Усамы бен Ладена в Чечне, где он якобы должен лично возглавить священную войну против «неверных» [102]. Интересно отметить, что

сам Хаттаб в своем интервью от 23 апреля 1999 г. корреспонденту газеты «Молодежь Дагестана» Э.Кожаяевой, сообщая о проводимом им наборе «моджахедов» в Косово, опроверг личное знакомство с Усамой бен Ладеном, заявив, что «не имеет к нему отношения» [103].

В то же время в США стали напрямую указывать на причастность бен Ладена к террористической деятельности против России в связи с событиями в Чечне. Со ссылкой на Конгресс США появлялась информация о том, что бен Ладен командует чеченцами, которые весной 1998 г. договорились организовать ряд террористических актов на территории России. В этой связи представитель Госдепартамента США заявил: «Терроризм – это общий враг России и США» [98, 16.09.1999]. В аналогичной тональности звучали высказывания и других американских представителей, предназначенные для СМИ. Бывший высокопоставленный сотрудник ЦРУ Винсент Кэннистрэро заявил: «Терроризм сегодня распространен по всему миру, и, чтобы победить его, требуется международное сотрудничество. Это наш общий враг, и я надеюсь, что российское правительство это понимает. Соединенные Штаты и другие страны должны оказать помощь России в борьбе с этим явлением» [124]. Постепенно вопрос участия бен Ладена в террористической деятельности против России начал выглядеть весьма правдоподобным. В официальных документах американской администрации констатировалось, что после терактов в нескольких городах в 1999 г. российские власти обвинили в причастности к взрывам «повстанческие группы в Чечне и Дагестане, имеющие связи с Усамой бен Ладеном и зарубежными «моджахедами»» [38, с. 13].

В контексте подобной проблематики нагнеталась напряженность вокруг якобы неспособности России и стран СНГ обеспечить надежное хранение оружия массового уничтожения. Так, в ноябре 1998 г. в издающемся в Лондоне журнале «Аль-Ватан аль-арабий» была опубликована статья «История самой опасной сделки движения «Талибан» с российской мафией», в которой говорилось, что Усама бен Ладен приобрел в республиках СНГ несколько ядерных боеголовок. Особый акцент в статье делался на то, что приобретение компонентов атомного оружия, их доставка и складирование в районе г.Хост (Афганистан) стало возможным ввиду неспособности Украины, Казахстана, Туркменистана и России организовать их надежное хранение. Тут же упоминалось, что некоторые ученые из среднеазиатских республик бывшего СССР занимаются ядерной программой Усамы бен Ладена. В статье четко проводилась мысль о необходимости установления международного контроля за имеющимися в странах СНГ ядерными боеприпасами и материалами [115]. Тем самым прилагались усилия не только для того, чтобы направить лидера Мирового фронта «джихада» на центральноазиатские государства СНГ, мусульманские регионы России и прежде всего на Северный Кавказ, но и создавались в конечном счете условия для вмешательства во внутренние дела России. Частично эти цели были достигнуты. Несмотря на то, что прямых антироссийских заявлений со стороны Усамы бен Ладена пока не отмечалось, уже

заметны его устремления к расширению своей деятельности на регионы Центральной Азии и Северного Кавказа.

Более углубленный анализ весьма противоречивой информации о роли Мирового фронта «джихада» и его лидера заставляет также вспомнить, что как организационная форма «всемирный интернационал» не характерен для исламской фундаменталистской традиции. Последняя базируется на принципе «ухода из погрязшего в грехе общества» («хиджра») группы («аль-джамаа») «избранных» носителей «истинного» ислама. Именно уход группы единомышленников, обвиняющих общество в неверии («такфир»), служил до настоящего времени идеологической основой для организационного построения структур «традиционных» исламистов. Кроме того, характер проводимой ими деятельности, в том числе с использованием методов террора, также диктовал жесткие требования по соблюдению принципов конспирации (структура «виноградная гроздь» – у египетских «Братьев-мусульман»), что не совмещается с задачей создания некоего «всемирного фронта джихада». В этой связи для проводимого исследования более продуктивно рассмотреть некоторые наиболее опасные (с точки зрения правительств самих арабских стран) НРПО, деятельность которых может в перспективе прямо или косвенно отражаться на ситуации в российских мусульманских общинах.

На сегодня самой мощной из всех египетских НРПО с достаточно разветвленной инфраструктурой является Исламская группа («Аль-Гамаа аль-исламия»). На первоначальном этапе это объединение было тесно связано с Ассоциацией «Братья-мусульмане» и действовало под ее покровительством. Однако после того, как в середине 70-х годов Ассоциация заявила об отказе от методов насилия, Исламская группа обвинила ее в лояльном отношении к властям АРЕ и отошла от «Братьев-мусульман», организационно оформившись в 1977 г. Своими главными целями Исламская группа провозгласила создание в Египте исламского государства и борьбу против политики США и Израиля на Ближнем Востоке. Под давлением широкомасштабных репрессий в апреле 1999 г. руководство Исламской группы заявило о прекращении вооруженной борьбы против властей АРЕ. По некоторым признакам, эта группировка может стремиться к расширению своего влияния на центральноазиатские государства СНГ, а также мусульманские регионы России. На это указывает, в частности, оказываемая представителями «Аль-Гамаа аль-исламия» помощь исламистам Таджикистана и Северного Кавказа. Ее сторонники принимали участие в качестве инструкторов в боевых действиях против федеральных войск во время вооруженного конфликта в Чечне.

Сходные цели преследует другая египетская группировка – «Священная война» («Аль-Джихад аль-исламия»). Она получила широкую известность в связи с убийством в 1981 году египетского президента Анвара Садата. В идейно-политическом отношении «Священная война» расходится с «Аль-Гамаа аль-исламия» по вопросам перехода страны к исламскому государству и толкования некоторых положений Корана и

сунны, но в основном из-за личного соперничества лидеров. Руководство «Аль-Джихад аль-ислами» базируется за пределами АРЕ, а на территории Египта структура организации представляет из себя множество небольших групп, действующих в значительной степени автономно. В результате репрессий египетских властей ее инфраструктура на территории страны была фактически разгромлена. Вместе с тем возможность оказания идеологического влияния на российских граждан со стороны «Аль-Джихад аль-ислами» продолжает сохраняться, так как этой группировкой создана разветвленная сеть за рубежом для вербовки новых сторонников.

Созданная в конце 1987 – начале 1988 г. на волне «интифады» (палестинского невооруженного восстания) организация ХАМАС («Харакат аль-мукавама аль-исламия» – «Движение исламского сопротивления») ставит своей целью построение в Палестине (в это понятие ХАМАС включает не только сектор Газа и Западный берег реки Иордан, но и территорию современного Израиля) исламского государства. В идеологическом отношении ХАМАС опирается на основные положения доктрины «Братьев-мусульман». В качестве одного из основных средств достижения своих целей эта группировка признает «вооруженный джихад», что отражено в принятой в августе 1988 г. Хартии ХАМАС. Начиная с 1989 г. в своей борьбе против Израиля эта организация стала прибегать к методам террора (первоначально – вооруженные нападения на отдельных граждан Израиля, похищения и убийства израильских военнослужащих, обстрелы поселений, автомобилей и т.п.). С 1994 г. боевики организации стали осуществлять более масштабные террористические акции: взрывы автобусов, остановок общественного транспорта, кафе и т.п. Проводят подобные операции члены глубоко законспирированного военного подразделения ХАМАС, имеющего название «Бригады Изз ад-Дина аль-Касема» (по имени муллы из Хайфы). Лидеры этой группировки неоднократно заявляли о том, что их террористическая деятельность направлена исключительно против Израиля и никогда не выйдет за пределы оккупированных территорий. Примерно на таких же позициях стоит другая палестинская группировка – Палестинский исламский джихад, которая также была создана на волне «интифады». Она преследует те же цели, что и ХАМАС, однако настроена более непримиримо по отношению к Израилю и администрации Я.Арафата [См.подробнее: 24].

Партия Аллаха («Хезболла») была создана в 1982 г. в Ливане на базе ряда шиитских исламских группировок и ставит своей целью построение в Ливане исламского государства по иранской модели. Несмотря на то, что «Хезболла» является шиитской организацией, она пользуется достаточно широкой поддержкой представителей других конфессий. Во второй половине 90-х годов наметилась тенденция к трансформации этой организации в политическую партию. «Хезболла» проводит легальную политическую деятельность, имеет своих представителей в парламенте страны. Помимо политических структур, она также располагает военизированными подразделениями, насчитывающими несколько тысяч боеви-

ков. В их задачу входило нанесение ударов по израильским войскам, оккупировавшим южную часть страны, и их союзнику – Армии Южного Ливана. Учитывая, что факт оккупации части территории Ливана признан ООН (резолюция № 425), деятельность Партии Аллаха («Хезболла») по ее освобождению, согласно международному праву, не может быть определена как террористическая. С 1992 г. экстремистских акций со стороны этой организации не отмечалось.

В странах Магриба действует ряд НРПО, которые, в принципе, не наносили в 90-е годы прямого ущерба интересам России, но с учетом возможного наличия их сторонников среди российских граждан и арабских диаспор в нашей стране эти группировки также нуждаются в краткой характеристике. К таким организациям можно отнести, в частности, Вооруженную исламскую группу (ВИГ), которая была создана в 1993 г. в Алжире радикально настроенными членами Исламского фронта спасения (ИФС) и ряда других алжирских исламских группировок. После того как власти страны аннулировали результаты первого тура выборов 1992 г., победу на которых одержал ИФС, Вооруженная исламская группа выступила за вооруженное свержение правительства в Алжире и построение исламского государства. Стремясь к подрыву экономики страны в целях ослабления правящего режима, ВИГ активно использовала методы террора для изгнания всех иностранцев с территории страны.

Созданная в 1989 г. Исламская армия спасения (ИАС) представляла собой военное крыло ИФС и являлась в 90-х годах второй по величине после ВИГ экстремистской группировкой в Алжире, насчитывая в своем составе несколько тысяч боевиков. Только в 1993 г. ее боевиками было убито 75 иностранцев, в том числе 2 российских офицера. С 1 октября 1997 г. ИАС объявила перемирие с алжирским правительством и приостановила вооруженную борьбу, а в январе 2000 г. заявила о самороспуске и сдаче властям (См.: гл. IV п.1). Из-за репрессий властей практически прекратилась деятельность на территории Туниса созданного в 1986 г. Тунисского исламского фронта (военное крыло тунисской радикальной организации «Ан-Нахда» (Возрождение). В последние годы подразделения Фронта проявляют активность главным образом за рубежом, тесно сотрудничая при этом с алжирской ВИГ и египетской «Аль-Гамаа аль-исламийя». Через имеющиеся структуры в Европе и на Ближнем Востоке представители Фронта осуществляют активную вербовку новых членов.

На протяжении 90-х годов деятельность указанных НРПО напрямую не представляла угрозы безопасности России. Вместе с тем на сегодня они располагают достаточными возможностями, которые позволяют им в негативном для нашей страны плане воздействовать на международную обстановку (подрыв стабильности в отдельных регионах, осложнение внешнеэкономического климата и т.п). Пока также нет оснований говорить о широкомасштабной идеологической и организационной деятельности указанных НРПО на территории России. Судя по косвенным признакам, идейно-политическая активность ближневосточных НРПО в России

направлена в основном на большую колонию арабоязычных выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Среди этого контингента встречаются лица, симпатизирующие идеям группировок, возникших на базе «Братьев-мусульман» («Аль-Гамаа аль-исламия», «Аль-Джихад аль-исламия», ХАМАС и др.).

В ходе учебы в российских вузах или работая в представительствах иностранных благотворительных организаций в России, граждане арабских стран – сторонники НРПО распространяют исламскую литературу радикального характера (произведения Хасана аль-Банни, Сейида Кутба и т.п.), оказывают идейную и материальную поддержку своим российским единомышленникам. Для пропаганды своих взглядов и поиска новых сторонников члены радикальных исламских НРПО активно участвуют в работе религиозных семинаров, симпозиумов, в научных и культурных международных мероприятиях. Иногда под лозунгами «возрождения культурно-исторического наследия ислама» в некоторых мусульманских регионах России зарубежные исламисты проводят деятельность, направленную на отрыв их от «влиятельности Москвы». Кроме того, в интересах своих организаций отдельные представители НРПО занимаются изучением и анализом социально-политического и экономического положения в государствах СНГ.

Повышенный интерес представители арабских НРПО проявляют к региону Северного Кавказа. В свое время в обход официальных духовных управлений в нашей стране эмиссары НРПО организовывали отправку российских граждан из Дагестана и Чечни в исламские учебные заведения в арабских странах. В этих учебных заведениях в течение нескольких лет отдельные студенты подвергались активной идеологической обработке со стороны функционеров НРПО и возвращались в Россию фанатичными приверженцами идей «чистого» ислама. Кроме того, на территории Чечни в специальных лагерях инструкторы, которые являлись, как правило, членами или сторонниками, в том числе, арабских НРПО, помимо преподавания военных дисциплин, вели пропаганду идей сепаратизма в мусульманских регионах и создания на новых «независимых» территориях «исламских государств». Значительную часть из них представляли арабские «афганцы», которые принимали участие в военных действиях против федеральных войск.

ГЛАВА II
СТРАНЫ АРАБСКОГО МИРА И ВОПРОСЫ АКТИВИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ИСЛАМА
В РОССИИ

**1. Предпосылки появления идеологии
исламского фундаментализма в России
и место арабских стран в этом процессе**

Одним из наиболее важных вопросов конституционного развития любой страны является отношение государства к религии. Своевременная выработка механизмов взаимодействия религиозных институтов и органов государственного управления выступает составной частью ответственного подхода к демократизации общественной жизни, а также необходимым условием достижения гражданского мира и политической стабильности. В ходе повторного в XX веке развития капитализма в России стала складываться общественная система, в которой по-новому проявилась традиционно свойственная нашей стране многоконфессиональность. Переходный характер экономики предопределил обострение всех скрытых ранее социальных противоречий, добавив к ним новые, которые многим кажутся уже неразрешимыми с позиций светского общества.

По мере создания основ нового социально-экономического строя в России (в качестве образца для которого была взята в целом модель США) с сопутствующим идеологическим, морально-нравственным и культурно-ценностным обеспечением выявилась не только проблема несовместимости механического внедрения указанной модели с реально существующими укладами постсоветской экономики, но и неготовность значительной части населения к быстрому усвоению идеализируемого на первом этапе иностранного духовного опыта [См.:79]. В этих условиях представители практически любого религиозного фундаменталистского движения в России (не обязательно только исламского) получили возможность приобретать сторонников на основе привлекательности исторического примера того или иного вида «золотого века». Приверженцы возрождения «истинного» ислама в качестве такого прецедента указывают на раннеисламское общество времен Пророка Мухаммеда и его ближайших сподвижников, олицетворяющее желанную для части населения социальную справедливость, а также равенство мусульман без этнического различия.

В 90-е годы в России сложился комплекс предпосылок социально-экономического, политического и морально-психологического характера, которые в обозримой перспективе могут привести к распространению среди

отечественных мусульман взглядов сторонников радикальных, в том числе арабских, НРПО. Фактически Россия (как и СНГ в целом) столкнулась с проблемой своеобразной «новой исламизации», которая означает, что часть представителей мусульманских общин на постсоветском пространстве в силу определенных социально-экономических и политических условий (кризисного состояния экономики, падения жизненного уровня, утраты стабильности) активно усваивает привнесенный извне (главным образом из арабских стран) ислам фундаменталистской направленности.

Проблема «новой исламизации» районов традиционного распространения мусульманской религии в России возникла как продолжение очередного «мусульманского ренессанса» в мире, за которым до недавнего времени с отчетливой тревогой наблюдали лишь страны Западной Европы и США. В рассматриваемый период стали заметны признаки превращения возрождения ислама в России в немаловажный по своим последствиям фактор мировой политики. Структурная и идеологическая ликвидация СССР принесла его историческим оппонентам целый комплекс во многом неожиданных для них проблем. Это обстоятельство потребовало переоценки результатов победы в «холодной войне», к которым победители, как оказалось, не были готовы, особенно в геополитическом масштабе.

В 90-е годы ведущие страны НАТО пытались выстроить новую политику в отношении так называемого «исламского фактора», который с уходом в историю Советского Союза «вдруг» стал неуправляемым, а прежние союзники из числа именовавшихся в свое время «консервативных мусульманских режимов» превратились в соперников в деле духовной и идеологической «приватизации» постсоветского пространства. Попытки некоторых западных стран переключить внимание ближневосточных исламских фундаменталистов на Россию способствовали активизации участия НРПО в процессе «новой исламизации» российских регионов. Это еще раз подтвердило рискованность подобных подходов к взаимодействию с исламским миром.

В то время, когда в России проводили очередные переделы материальной собственности, что само по себе требовало соответствующего идеологического обеспечения (в связи с чем разработка общенациональной идеи в России оказалась преждевременной), духовный вакуум стал заполняться естественным для данной ситуации образом. Однако расчеты представителей западнохристианских конфессий на то, что их усилия заранее будут обречены на успех, лишь только падет «железный занавес», не оправдались. Католицизм, протестантство, евангелизм и другие направления христианства распространились в России ровно настолько, насколько оказалось в нашей стране на данный период времени лиц, способных в силу своего социально-экономического положения воспринять новые религиозные ценности, свойственные западному обществу.

Ситуация с исламом в России складывалась иначе. В зоне действия новой волны исламских миссионеров оказались районы традиционного

распространения мусульманской религии. Часть таких проповедников стояла на позициях борьбы за «чистоту ислама», «возвращение к праведным временам Халифата», «создание общеисламского государства» и т.п. Заметную роль на первоначальном этапе процесса «прививки» идей исламского фундаментализма на «дерево» российского ислама сыграли арабские религиозные деятели. Отечественный политолог-исламовед А.В.Малашенко отмечал в этой связи, что в России «возрожденческая тенденция в известном смысле трансплантирована извне под влиянием зарубежных богословов и политиков, в первую очередь арабских и иранских» [18, с. 79]. Бывший в то время муфтием Чечни А.Кадыров также свидетельствовал о том, что идеи «ваххабизма» были привнесены в дагестанское общество добровольцами-ваххабитами из арабских стран, воевавшими в Чечне против федеральных войск [108; 105].

Рассматривая процесс дальнейшего распространения идей исламского фундаментализма (например, взглядов «Братьев-мусульман») и предполагаемое место его сторонников в религиозно-политическом спектре российского общества, следует отметить, что он будет зависеть от ряда условий. Сложившиеся в 90-е годы материальные условия жизни населения определяют, в первую очередь, морально-психологический фактор, который может способствовать росту влияния в России идей, созвучных основным положениям исламского фундаментализма. С одной стороны, результатом кризиса на постсоветском пространстве официальной коммунистической идеологии (вслед за разрушением социалистического общественного и экономического строя) стало на первом этапе распространение различного рода религиозно-нравственных концепций и псевдоконцепций, главным образом привнесенных извне. С другой стороны, процессы демодернизации в России вызвали в целом примитивизацию сферы духовных потребностей населения с сопутствующим ей сужением возможностей для поиска вариантов морально-нравственных ориентиров и, как одно из следствий, склонность части людей к радикальному решению проблем.

Как представляется, масштабы вероятного распространения идеологии «Братьев-мусульман» в России будут зависеть главным образом не от объема помощи и поддержки единомышленников из-за рубежа. Видимо, решающим условием станет то, насколько радикальный исламизм «Братьев» сможет удовлетворить не духовные (этот период уже заканчивается), а социально-экономические и перерастающие в них политические интересы (в том числе формирующиеся в процессе «новой исламизации») мусульманских общин. Сохранявшаяся на протяжении всех 90-х годов напряженная социально-политическая ситуация, вызванная проблемами Чечни, Дагестана, соседством «горячих точек» в странах СНГ, наплывом беженцев, неконтролируемой экономической миграцией, безработицей, резкой имущественной дифференциацией граждан и т.п., лишала часть населения иллюзий в достижении социальной стабильности в ходе продолжения курса реформ.

В то же время перспектива улучшения положения стала связываться с инстинктивно ощущаемой возможностью самосохранения на путях традиционализма и религиозного фундаментализма. Непринятие частью мусульманской общины происходивших перемен было использовано для получения поддержки некоторыми политиками. Характеризуя их, российские служители ислама (Р.Гайнутдин) отмечали появление в России сил, которые «выход из кризисной ситуации в российском обществе... видят в создании в некоторых субъектах страны исламского государства, в господстве норм шариата во всех областях жизни, отказе от всего того, что привнесено в жизнь мусульман современностью» [8, с. 10]. В рассматриваемый период для части населения России идея исламского фундаменталистского государственного и общественного устройства стала казаться особенно привлекательной благодаря своей простоте и доступности в плане практической реализации.

Во-первых, в сознании людей, составляющих социальную базу исламского фундаментализма в России, «исламский порядок» ассоциируется с прекращением правового нигилизма. Федеральное законодательство во многих случаях, главным образом в северокавказском регионе, не действует. В этих условиях шариат как правовая основа жизни общества выглядит более универсальным, его нормы просты и понятны, все положения достаточно строго регламентированы, а главное – выгодно отличаются от законов, принимаемых в центре, или устанавливаемых там же некими «правил игры», приоритет которых над законодательством постепенно внедрялся в сознание граждан, в том числе и не без участия некоторых СМИ. И наконец, шариат, как заявляют сторонники исламского пути развития, – это вечные, непреходящие законы, установленные Аллахом, то есть имеющие божественное, а не человеческое происхождение. Человек же суть греховен, склонен к ошибкам, дурным поступкам, и поэтому его законотворческая деятельность неправомерна.

Во-вторых, ислам рассматривает всех мусульман как единую общину («умму») без различия по этническому признаку. В условиях, когда национальная принадлежность человека в силу известных причин стала предметом пристального изучения на предмет его идентификации (и самоидентификации), исламский путь виделся населению, ностальгирующему по прежней, пусть несовершенной и временами даже обязательной, но все же «дружбе народов», как единственный оставшийся вариант ликвидации межнациональных конфликтов или этнической дискриминации.

В-третьих, исламская демократия предполагает, что власть над людьми не может быть в руках людей, она – в руках Аллаха. Руководить, то есть выполнять распорядительные, административно-управленческие функции может только избираемый всей мусульманской «уммой» человек, наиболее достойный и способный принимать решения, следуя Корану и сунне. Он остается на своем посту до тех пор, пока его деятельность и поступки отвечают самым строгим требованиям мусульманской морали.

Однако экспертное заключение о «служебном соответствии» (если можно так выразиться) правителя-халифа выносится группой наиболее сведущих в богословско-правовых вопросах специалистов (улемов).

В-четвертых, в социально-экономической сфере ислам предлагает столь желанную для большинства населения «социальную справедливость», которая достигается в шариате четкой системой налогообложения. Поступления от нее идут на благо все той же исламской общины, и к тому же «прозрачны» с точки зрения осуществления контроля. Главным налогом при этом является налог в пользу бедных. Такой порядок, по мнению части электората, выгодно отличается от предлагаемых сторонниками «западных» моделей демократии вариантов развития. Тем более, что, как утверждали иногда сами идеологи либерализма, переходный период к истинной демократии потребует, может быть, не один десяток лет. В то же время сторонники «исламского порядка» утверждали, что все проблемы могут быть решены сразу и в интересах всех людей, стоит лишь ввести шариат и установить исламскую форму правления.

Попытки оппонентов «исламского порядка» сослаться на примеры, свидетельствующие о недостижимости полной социальной гармонии практически во всех обществах, где введен шариат как основа правления, разбивались о следующий тезис. Сторонники возрождения «истинного» ислама в ответ заявляли, что в этих обществах либо мусульмане погрязли в грехе, ереси и новшествах и поэтому уже не могут считаться правоверными и рассчитывать на положительное решение своих жизненных проблем, либо правители этих стран неправильно применяют положения Корана и сунны на практике.

Во второй половине 90-х годов в отечественных средствах массовой информации стала активно разрабатываться тема угрозы России со стороны одного из радикальных движений в исламе – ваххабизма. Так называемым «ваххабитам» начали приписывать практически все вооруженные вылазки боевиков, использующих исламские лозунги при проведении экстремистских акций. Нельзя исключить, что подозрительно быстрое распространение на уровне массового сознания российских граждан термина «ваххабиты» применительно к тем или иным вооруженным группировкам на Северном Кавказе происходило не случайно. Российский исследователь Д.В.Макаров отмечает, что «навязываемые представления о существовании на Северном Кавказе некоего единого экстремистского движения под исламскими лозунгами и попытки связать это движение с одной из разновидностей исламской идеологии, называемой «ваххабизмом», не только способствуют развитию исламофобии в российском обществе, но и затрудняют поиск эффективной стратегии противодействия вызову радикального ислама на Северном Кавказе» [17, с. 42]. Более того, попытки представить боевиков носителями ваххабизма – учения, лежащего в основе идеологии одного из признанных в мире исламских лидеров – Саудовской Аравии – привели к охлаждению начавших было налаживаться в 90-е годы российско-саудовских отношений.

Почти в любой исламской стране объективно существует целый комплекс национальных религиозных проблем, критика которых, при известных условиях, позволяет сторонникам «чистоты» ислама завоевывать определенные симпатии населения. Анализ опыта привнесения идей исламского фундаментализма на национальную почву извне показывает, что наибольшего успеха этот процесс достигает в тех случаях, когда призыв к очищению ислама «накладывается» на кризис местных исламских институтов, не способных выполнять интегрирующую социальную функцию.

В конце 90-х годов еще рано было говорить о широком распространении идей исламского фундаментализма на территории России. Вместе с тем в контексте общих процессов «новой исламизации» отдельных российских регионов нельзя пройти мимо назревающей проблемы усиления попыток некоторых политических сил разыграть карту «ваххабизма», запугивая общественное мнение угрозой новой волны исламского экстремизма и оказывая тем самым давление на политический истеблишмент российского государства. Однако в связи с отмечаемой политизацией ислама в России уместно обратить внимание на имеющиеся различия между сторонниками фундаменталистских идей общественного устройства и теми экстремистски настроенными элементами, которые, выступая якобы от имени ваххабитов, преследуют конкретные политические (если не просто экономические) цели, а также теми умеренными исламистами, которых усиленно заставляют поверить в то, что только «ваххабитский» путь в его радикальном исполнении способен привести к решению острых социально-экономических и политических проблем.

В этом случае искусственно фальсифицируются основные положения ваххабизма, выдвигаются на первый план идеи «джихада» в их наиболее непримиримой форме. Судя по всему, в этих регионах действуют политические силы, пытающиеся эксплуатировать протестные настроения значительной части населения в интересах решения своих эгоистических задач в борьбе за власть. Лозунги «ваххабизма», отвечающие настроениям части верующего населения, связывающего свои надежды на возможное улучшение положения с установлением исламской формы правления, используются этими силами в качестве прикрытия для своих амбициозных устремлений.

Именно под таким углом зрения следует рассматривать проблему так называемого «ваххабизма» в Дагестане, получившую широкий резонанс на страницах центральной российской прессы. Не вдаваясь в детальный анализ этой сложной проблемы, можно только отметить, что она была порождена всем комплексом кризисных явлений, бездеятельностью республиканских и федеральных властей, а также стремлением простых людей, почти потерявших веру в них, найти выход из сложившейся ситуации.

Обострение в 90-е годы этноконфессиональных проблем в дагестанском обществе было обусловлено прежде всего сложной социально-экономической обстановкой в республике. Дагестан считается одним из дотационных регионов России. Его бюджет, по различным оценкам, доти-

руется федеральным центром на 65-90%. В минувшее десятилетие экономика Дагестана, как и всей России, переживала острейший за весь послевоенный период структурный кризис. Оказалось, что республика перенасыщена трудовыми ресурсами, что значительно ухудшало социально-экономическую ситуацию. Угрожающие размеры приняла безработица, которая в сельских районах составляла почти 80% всего трудоспособного населения (среди молодежи примерно 95% не имело работы). На этом фоне в республике выросла организованная преступность, имеющая порой этническую окраску [См.подробнее: 75].

В 90-е годы одной из наиболее опасных для мира и стабильности в Дагестане стала проблема межнационального размежевания. Она нашла свое выражение в требовании создания национально-административных образований не только в рамках республики, но и превращение их в субъекты Российской Федерации путем развала единого Дагестана. Однако сама постановка такого вопроса в перенаселенной республике с территорией, незначительной по площади, поставила общество на грань внутреннего конфликта. В Дагестане проживают представители более 60 этнических групп, из которых более 30 относятся к числу коренных. Кроме того, столь пестрая картина национального состава населения усугубляется широким языковым разнообразием.

Не меньшую тревогу вызывала религиозная ситуация в республике, около 85% населения которой исповедует ислам. Дело в том, что она во многом отражает межэтнические противоречия. В отличие от мононациональных районов традиционного распространения ислама в Российской Федерации мусульманская религия в многонациональном Дагестане была призвана выполнять особую интегрирующую функцию. В силу географических условий в горных районах традиционно существовали изолированные друг от друга исламские общины со своими религиозными авторитетами – имамами. В этой связи влияние официальных муфтиятов на религиозно-политическую жизнь мусульманских общин носило ограниченный характер.

В рассматриваемый период на всем Северном Кавказе стала складываться напряженная религиозно-политическая ситуация. Усиливалось размежевание среди верующих мусульман Чечни, Ингушетии и Дагестана. Возрождение ислама не оказало, как ожидалось, стабилизирующего воздействия на политическую ситуацию, сложившуюся в республике в результате нарастания противоречий, в том числе и межэтнических. Возникший на первом этапе повышенный интерес к исламской религии постепенно сменился разочарованием населения в способности религиозных деятелей помочь разрешению возникающих конфликтных ситуаций. Дальнейшее нарастание противоречий в мусульманской общине Дагестана привело к созданию пяти новых муфтиятов по этническому признаку. В 1989 г. распалось Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), на руинах которого, в частности, возникло Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД).

Однако последующие события подтвердили тот факт, что этнический фактор негативно сказался на единстве мусульманской общины республики. В начале 90-х годов стали образовываться духовные управления мусульман по этническому признаку: кумыкский, лакский, лезгинский, табасаранский и др., при сохранении формально общедагестанского, а по существу аварского ДУМД. В результате в конце 90-х годов практически каждая этническая группа имела своего религиозного лидера (шейха или амира).

Распространение идеологии исламского фундаментализма в Дагестане явилось следствием не только социально-экономического кризиса, но и обострения борьбы группировок в политической элите Дагестана. Оппозиция сумела использовать исламскую форму протеста для выражения недовольства части населения, после чего, собственно, и возникла проблема так называемых «ваххабитов» в Дагестане. Сами члены «джамаата» (самоназвание общин дагестанских фундаменталистов), резко выступавшие против названия «ваххабиты», утверждали, что в основе конфликта, связанного с провозглашением «исламской автономии» в Буйнакском районе, лежит не религиозная рознь или воздействие идеологической экспансии Саудовской Аравии, а нормальное стремление жителей двух сел оградить себя от попыток вмешательства в их жизнь со стороны кого бы то ни было – местных криминальных группировок, а также властей республики, которые не могут наладить нормальную жизнь. При этом дагестанские фундаменталисты высказывали критику в адрес представителей федерального центра, которые, по их мнению, не хотели понять особенности религиозной ситуации в республике.

Значительное влияние на религиозно-политические процессы в Дагестане оказала Чечня. Часть политических сил Ичкерии в интересах дестабилизации общественной ситуации в Дагестане вела активную информационную войну. Именно эти силы подбрасывали московским журналистам «сведения» о якобы широком «ваххабитском» движении в Дагестане в рамках «национально-освободительной борьбы». Тем самым они рассчитывали спровоцировать неадекватные действия центральных властей против мусульман на Северном Кавказе. В то же время экономические мотивы последующего вторжения чеченских боевиков в Дагестан, как считает директор Института проблем глобализации М.Делягин, были вызваны мерами, предпринятыми центральными властями по пресечению перевоза на бензовозах «дикой» нефти. Именно сокращение доходов полевых командиров из-за падения переработки «дикой» нефти стало одной из причин их вторжения в Дагестан. Полевые командиры начали войну в том числе и для того, чтобы привлечь внешних «спонсоров» и за их счет компенсировать падение доходов от нефтяного бизнеса [59]. Заметную роль в реализации этих планов сыграл чеченский полевой командир Хаттаб, чья военно-политическая деятельность особенно активизировалась после того, как он попал в центр внимания российской и зарубежной прессы. Благодаря почти что PR-кампании этот неизвестный ранее в международных исламистских кру-

гах боевик получил блестящую рекламу своей деятельности по ведению «джихада» против «неверных» в России, чем, соответственно, привлечение зарубежных «спонсоров».

Несмотря на то, что сложившаяся в Дагестане ситуация стала следствием целого комплекса социально-экономических и политических противоречий, важным фактором ее развития выступило привнесение в республику извне идей «возрождения» ислама. Уже в середине 80-х годов в Дагестане стала отмечаться активизация миссионерской деятельности «ваххабитов» главным образом в ряде городов и районов республики преимущественно с аварским и даргинским населением (Махачкала, Буйнакск, Кизилюрт, Сухокумск, Табасаран и др.). Их деятельность в начальный период сводилась к собственному организационному строительству, открытию школ, агитации и пропаганде, привлечению сторонников. Постепенно шло формирование собственной фундаменталистской доктрины. Некоторые обозреватели (например, М.Л.Шевченко) высказывают в этой связи предположение о создании в «джамаатах» Дагестана собственной школы фикха (исламской юриспруденции).

Представители Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕР) отмечали, что для ваххабизма на Северном Кавказе и в меньшей степени в других регионах, где компактно проживают мусульмане, «характерно стремление реформировать традиционный суннизм, адаптированный к российским историческим реалиям, и привести его в соответствие с тем нормативным пониманием ислама, который привился во времена Пророка Мухаммеда и его сподвижников» [49, с. 17]. Схожей оценки придерживается председатель Исламской демократической партии Дагестана Абдурашид Саидов, отмечая, что «в доктринальном смысле сторонники Багауддина – это мусульмане, которые совершенно не признают традиционные или этнические наслоения на сам ислам» (при этом сами «ваххабиты» называют себя «салафитами») [61].

Со временем привнесенные в Дагестан идеи исламского фундаментализма стали претерпевать изменения в сторону все большей радикализации. В конце 90-х годов, по мнению З.Арухова, «о «ваххабизме» в Дагестане можно говорить лишь условно, так как нынешние дагестанские радикалы «выросли» из ваххабизма, и сегодня их следовало бы называть «салафитами». До того, как они пришли к идеям ваххабизма, они разделяли идеи «Братьев-мусульман», и, как показывают последние события, на настоящем этапе их деятельность все более соответствует идеологии крайне радикальных организаций типа «Гамаат аль-Джихад», «Аль-Джихад аль-ислами», «Хезболла» [53]. В этой связи следует отметить, что вопрос о происхождении (отечественном или зарубежном) появившегося в Дагестане, а также в некоторых других регионах Российской Федерации «ваххабизма», особенно после начала военных действий в Дагестане и Чечне в 1999 г., стал постепенно сходить на нет. Видимо, идеи «очищения» ислама уже стали приживаться на постсоветском пространстве. Сравнительно новым, более опасным явлением выступает нарастающее

противостояние между «российским» (традиционным) и, как его называют, «арабским» (фундаменталистским, «салафитским») исламом.

В целом динамика развития в 90-е годы положения на Северном Кавказе указывает на возможность приобретения конфликтом затяжного характера. Вероятность сохранения сепаратистского движения увеличивают следующие факторы: отсутствие реальных перспектив быстрого улучшения социально-экономического положения в регионе; сложная религиозно-политическая ситуация в мусульманских общинах северокавказских республик; ставка федерального центра на применение военной силы при недостаточном использовании имеющихся политических возможностей; рост вооруженности населения; заинтересованность ряда стран в эскалации конфликта и соответствующая подрывная деятельность их спецслужб; возрастание вовлеченности в конфликт зарубежных исламских фундаменталистских группировок экстремистской направленности.

В минувшее десятилетие предпосылки возможного усиления влияния радикальных исламистов в российском обществе объективно умножались по мере обострения социальной и экономической ситуации и сопутствующего увеличения числа ущемленных в материальном отношении людей в регионах страны с преобладающим мусульманским населением. Вероятно, идеи «ваххабизма» (шире – исламского фундаментализма) и дальше могут пользоваться все возрастающими симпатиями населения. При этом разные категории электората будут вкладывать (не обязательно недобросовестно) в понятие «ваххабизма» разные значения. Кроме того, естественное стремление к установлению порядка, в данном случае исламского, даже если движение так называемых «ваххабитов» пойдет на спад, будет вызывать к жизни новые радикальные движения под исламскими лозунгами.

Само по себе распространение идеологии исламского фундаментализма в нашей стране (и попытки «ваххабитов» и т.п. возглавить этот процесс) лишь отчасти является следствием объективных внутренних причин социально-экономического и политического характера. Ответственность за дальнейшее возможно опасное развитие религиозно-политической ситуации в странах СНГ и традиционно исламских регионах России в равной мере может быть возложена на отдельные исламские страны, осуществляющие внешнеполитическую и идеологическую экспансию в интересах укрепления своего внутреннего положения, и на западных партнеров России, так и не сумевших (или не захотевших), как показала жизнь, отойти от практики «двойных стандартов» в оценке деятельности различного рода экстремистов, включая и тех, кто прикрывается зеленым знаменем «джихада» в разных точках планеты.

Несмотря на всю противоречивость процесса «возрождения» ислама на постсоветском пространстве, в том числе в Российской Федерации, реальный анализ обстановки не может не привести в конечном счете зарубежные исламские политические элиты к выводу о том, что каковы бы ни были коллизии российской внешней и внутренней политики, без поддержки России мусульманский мир может остаться один на один с Запа-

дом, существо позиции которого в отношении переходных обществ еще долго будет определяться настороженностью и недоверием.

2. Основные каналы арабо-мусульманского влияния на религиозно-политическую ситуацию в России

Не будет большим преувеличением сказать, что страны Арабского Востока в последнее десятилетие XX века в значительной мере способствовали активизации общественной роли исламской религии в России. Рассматривая процесс возрождения ислама в России и участие в нем представителей зарубежных мусульманских государств, отечественный политолог-исламовед А.В.Малашенко определяет его как «начало духовного воссоединения российских мусульман с единоверцами в мусульманском мире, прежде всего в его колыбели на Ближнем Востоке». Сравнивая его с аналогичными процессами среди представителей других вероучений в России, этот исследователь подчеркивает, что возрождение российского ислама предстает делом всей мусульманской «уммы»: «в странах Ближнего и Среднего Востока в нем видят естественный процесс возврата северных единоверцев в лоно исламской цивилизации, реконструкцию возникших еще в Средние века, но так и не состоявшихся прочных связей» [18, с. 741].

Однако вначале стремление арабо-мусульманских стран оказать поддержку российским мусульманам носило преимущественно спонтанный характер. В литературе отмечалось, что до 1998 г. никаких специальных общеисламских программ оказания помощи российским мусульманам не планировалось [18, с. 78]. Это обстоятельство во многом предопределило противоречивый характер оказываемой представителями арабских государств помощи (миссионерской, финансовой и др.) своим единоверцам в России, а также неоднозначность последующих оценок участия арабов в возрождении ислама в нашей стране.

Влияние арабских стран и их представителей на религиозно-политическую ситуацию в российской «умме» происходило в 90-е годы различными путями. Одним из них стали существенно расширившиеся в этот период контакты между мусульманскими деятелями арабских стран и российскими служителями ислама. Эти двусторонние связи не только содействовали развитию традиционных отношений России с арабо-мусульманским миром, но и выступали залогом укрепления связей новой России с международным мусульманским сообществом (в частности, в одном только 1995 г. руководитель ДУМЕР Р.Гайнутдин включался в визиты российских делегаций по линии МИД в Египет, Сирию и Ливан) [49, с. 54].

Арабские религиозные деятели также стали более активно посещать Россию, принимая участие в различных исламских форумах. Так, в работе международной исламской конференции «Роль мусульман в духовном возрождении России» (Москва, 5-6 июня 1999 г.) участвовали делегации из Египта, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейт-

та, Ливии, Алжира, Сирии, Судана, Иордании и Катара. В их составе были представители таких исламских организаций, действующих на территории арабских стран, как: Всемирная Ассамблея исламской молодежи, Благотворительный фонд «Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим» (Саудовская Аравия); Комитет мусульман Азии, Общество «Дава ва Игаса» (Кувейт); Исламский благотворительный фонд «Зейд бен Султан» (ОАЭ), Исламское благотворительное общество Государства Катар; Благотворительное общество «Аль-Ислах» (Бахрейн); Всемирная лига исламского призыва (Ливия); Всемирная организация исламского призыва (Судан) и др., а также представители арабских СМИ.

Посещавшие нашу страну в 90-е годы арабские общественные деятели в целом положительно оценивали изменения в религиозной сфере. Например, генеральный секретарь Международного союза исламских студенческих организаций Мустафа Мухаммед Тахан в своей книге «Будущее ислама на Кавказе и Средней Азии» (1995 г.) отмечает, что в соответствии с законом о религиозной свободе в России мусульмане осуществляют ремонт старых и строительство новых мечетей, проводят реорганизацию работы учебных заведений и исламских центров. Одним из примечательных, по его мнению, событий является открытие Исторической мечети на улице Большой Татарской в Москве. М.Тахан отмечает также, что многие организации исламской помощи («Аль-Игаса») имеют официальные представительства в Москве. Среди положительных явлений он указывает на создание специализированных исламских центров (например, Исламского клуба), предоставление эфирного времени для программы радиовещания об исламе. К числу достижений М.Тахан относит получение Исламской партией возрождения официального разрешения на деятельность в федеральном масштабе, наличие исламских оппозиционных партий в Татарстане (в том числе «Аль-Иттифак»), а также констатирует, что в области религии и культуры конкретного развития добился Башкортостан [47, с. 140, 147, 149].

Ведущим каналом арабо-мусульманского влияния на развитие российского ислама в 90-е годы выступила сфера религиозного образования. Многие российские священнослужители, получившие исламское образование в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки, впоследствии заняли авторитетные позиции в религиозных структурах Российской Федерации. Например, ставший в 1998 г. главой Духовного управления мусульман Республики Татарстан Г.Исхаков получил второе религиозное образование в Ливии; председатель Центрального духовного управления мусульман России Т.Таджуддин обучался в самом известном исламском университете «Аль-Азхар» в Каире; председатель Духовного управления мусульман Азиатской части России Н.Аширов получил образование в Алжире (г.Константина) и т.д.

В рассматриваемый период заметно расширилось участие представителей стран Арабского Востока в обучении российских граждан религиозным предметам и арабской филологии. К 1999 г. в России действовало

около 110 зарегистрированных учебных заведений мусульман, в которых в разном объеме изучались религиозные дисциплины и арабский язык. В них работают преподаватели из Египта, Сирии, Иордании и других арабских государств [49, с. 87,92]. Многие из них представляли ведущие зарубежные исламские университеты («Аль-Азхар», «Аз-Зейтуна» и др.). Свой вклад в дело подготовки кадров вносили действующие в России зарубежные исламские гуманитарные организации. Например, международная ассоциация «Тайба» (из Саудовской Аравии) открыла отделение арабского языка и культуры мусульманского мира в Казанском государственном техническом университете [109]. К январю 1999 г. в Дагестане функционировали 1670 мечетей, 25 медресе, 9 мусульманских вузов; при мечетях работали 650 школ; [2, с. 35]. По оценочным данным на 1998 г., около половины преподавательского состава в исламских вузах этой республики было представлено специалистами из Сирии, Иордании и Саудовской Аравии. Молодежь, обучающаяся в дагестанских медресе, за успехи в учебе получала стипендию в размере 20-100 долларов США, которую платили преподававшие там арабы [105].

Большую роль в изучении гражданами России религиозных и светских дисциплин стали играть исламские учебные заведения Арабского Востока. По линии официальных российских религиозных структур студентов направляли для продолжения образования в учебные заведения Египта, Марокко, Сирии, Саудовской Аравии, Катара, Ливии [49, с. 45]. Например, только из Карачаево-Черкесии к началу 1998 г. в исламских учебных заведениях арабских стран (а также Турции) обучалось более 200 человек [15, с. 168]. На начало января 1999 г. около 1230 человек из Дагестана получали образование в 10 мусульманских, в том числе арабских странах [2, с. 35]. Вместе с тем не все направляемые за рубеж молодые люди справлялись с учебной программой и адаптировались к условиям проживания на Ближнем Востоке. Так, еще в 1994 г. Религиозным обществом мусульман Адыгеи (ранее называлось ДУМ Адыгеи) было отправлено на учебу в г. Дамаск (Сирия) 17 человек в возрасте 16 – 17 лет. Четырнадцать из них, не справившись с трудностями (недостаточная начальная подготовка, языковой барьер и т.п.), бросили учебу и возвратились домой. Трое оставшихся продолжили 4-годичное обучение в принадлежащем министерству вакуфных земель Сирии институте «Абу Нур».

Заметный вклад в дело подготовки кадров для мусульманских регионов Российской Федерации внес старейший исламский Университет «Аль-Азхар» в Каире. В 50-60-х гг. из СССР на учебу в «Аль-Азхар» слушатели выезжали в единичном порядке. Первые группы студентов из республик бывшего СССР появились в Университете на трехмесячных курсах подготовки имамов мечетей в 1990-1991 гг. по личному приглашению шейха «Аль-Азхара». Позднее к набору слушателей стали подключаться некоторые международные исламские благотворительные организации. В частности, в 1992 г. Международная исламская организация спасения («Аль-Игаса») отобрала и направила около 40 студентов из республик Средней

Азии и Закавказья для обучения на богословском и светских факультетах Университета. Одновременно финансовую поддержку группам студентов из республик бывшего Союза для прохождения ими полного курса стал оказывать ряд благотворительных организаций стран Персидского залива. По некоторым оценкам, в 90-х гг. на различных факультетах «Аль-Азхара», в аспирантуре, докторантуре и других подразделениях Университета в год обучалось в среднем около 500 студентов-граждан стран СНГ.

В связи с тем, что для поступления на любой из факультетов Университета необходимо наличие диплома Исламского института при «Аль-Азхаре» или сертификата аль-азхарской средней школы, все вновь прибывающие проходят обучение на курсах арабского языка. Ежегодно по результатам экзаменов с этих курсов осуществляется набор в Исламский институт, срок обучения в котором составляет 7 лет. Однако студенты имеют возможность сдавать экзамены экстерном за два курса. После окончания этого института желающие могут продолжить учебу на одном из теологических или светских факультетов «Аль-Азхара». Условия проживания и размер стипендии студентов-граждан стран СНГ различны и зависят от финансового положения направляющих организаций. Так, лица прибывшие по приглашению администрации «Аль-Азхара», размещаются в студенческом городке университета, имеют ежедневное двухразовое питание и получают ежемесячно в местной валюте сумму, равную примерно 25 долл. США. Студенты, отобранные для обучения в «Аль-Азхаре» некоторыми благотворительными фондами, ежемесячно могут получать стипендию в размере около 60-70 долл. Кроме того, обучающимся в Университете перед началом каждого учебного года выплачивается небольшая сумма для приобретения одежды и пособий.

Существует ряд проблем, связанных с получением образования в «Аль-Азхаре», которые беспокоят как иностранцев, так и самих египтян. Благодаря традиционно высокому качеству богословского образования египтяне привыкли считать «Аль-Азхар» своего рода «оплотом» умеренности и преградой на пути религиозных отклонений экстремистского толка. Однако наблюдаемое в последние годы относительное снижение уровня преподавания позволяет некоторым египетским журналистам (в частности, Фахми Хавиди) заявлять о том, что «культура филологического и религиозно-юридического образования в «Аль-Азхаре» продолжает регрессировать, что приводит к увеличению числа целых поколений профессионально неграмотных выпускников» [114].

Как представляется, основания для такого рода опасений, пусть даже несколько преувеличенных, имеются. Еще в конце 1997 г. египетский премьер-министр сделал заявление о необходимости изучения «возможности сокращения программы («Аль-Азхара») без ущерба для образовательного уровня выпускников и приведения ее в соответствие с современными тенденциями развития египетского общества». Руководству Университета были даны распоряжения о подготовке предложений по внесению изменений в учебные планы подразделений «Аль-Азхара».

Предыстория этого вопроса такова. До принятия в 1961 г. закона «О развитии Аль-Азхара» преподавание в его учебных заведениях было ограничено филологическим и религиозными курсами, причем перед тем как приступить к основному курсу, студент сначала проходил подготовительный, состоящий из изучения Корана, основ философии, математики и геометрии. По закону 1961 г. к основному университетскому курсу добавились и все предметы, изучаемые в начальных школах, при одновременном сокращении периода обучения с пяти до четырех лет. В результате количество специализированных предметов сократилось, общеобразовательные рамки расширились, а учебные нагрузки почти удвоились. При этом преподавание общих дисциплин практически осталось на уровне средних школ. В связи с увеличением жалоб студентов на непосильные нагрузки в 1991 г. объем спецпредметов был сокращен еще на 20 % (составил 50% от объема 1961 г.), а объем общих дисциплин остался прежним. Позднее, в 1996 г. прошло третье сокращение. Программа предметов основного курса была сокращена на 5–10%, а подготовительного – на 30%, причем общие дисциплины вновь остались нетронутыми.

В частности, на подготовительном курсе программа обучения была сведена к зубрежке отдельно взятых сур (сура – глава Корана) вместо последовательного комплексного изучения Корана и его толкований. Теперь вместо того, чтобы выучить 30 хадисов, студенты учат три, причем самостоятельно. Из программы также были удалены важные разделы, предназначенные для того, чтобы помочь студентам самим досконально разобраться в прочитанном и научить их применять полученные знания к проблемам сегодняшнего мусульманского мира. В частности, к числу сокращенных относятся разделы, освещающие проблемы наследования, наказания за грехи, ограничений и возмездия. Египетскими обозревателями подвергаются также критике нововведения в области филологии и языкознания. Морфология и синтаксис всегда были отдельными науками, причем процесс изучения каждой из них подразделялся на 40 отдельных «ступеней». Теперь же они объединены вместе, а количество «ступеней» сокращено до 20. Однако наибольший ущерб в области языкознания понесла дисциплина «чтение Корана». На основном курсе чтение Корана сведено к двум часам в неделю, тогда как английскому языку, напротив, стали отводить не 3, как раньше, а 6 часов. Ранее студенты старших курсов отдельным предметом изучали «Историю исламской цивилизации», теперь же она превратилась в параграф учебника по общей истории. Историю исламской цивилизации объединили с другим предметом, мотивируя это необходимостью сокращения нагрузки на студентов. Вместе с тем был введен новый курс – «История Египта во времена фараонов».

В области университетского образования в целом жесткое сокращение всех гуманитарных предметов прошло уже при переводе на 4-летний график занятий. Составители закона 1961 г. предполагали, что недостатки будут восполнены за счет расширения кругозора студентов, однако этого не произошло. В области правоведения студентам изначально давалось

16 часов в неделю на изучение «мусульманского права» и 18 часов на изучение «мусульманской юриспруденции» (фикх), всего 34 часа. После сокращения эти дисциплины были объединены, а количество часов уменьшено с 34 до 6 в неделю, то есть по 3 часа на каждый предмет. Для сравнения можно привести пример: студентам факультета права Каирского университета на изучение мусульманской юриспруденции отводится 4 часа в неделю. Таким образом, стала складываться парадоксальная ситуация, когда студенты светского вуза знают богословский предмет лучше, чем студенты «Аль-Азхара». Это позволило египетским обозревателям заявлять, что уровень подготовки на первой ступени обучения не дает даже элементарного минимума познаний, а на второй – лишь слегка его перекрывает. Указанные выше предложения египетского правительства (1997 г.) сводились в конечном счете к новому, уже четвертому сокращению программы спецдисциплин, которое может произойти автоматически с планируемым сокращением времени обучения до трех лет.

Предполагается, что очередное сокращение (и без того не лишённой недостатков программы обучения) сделает нормой выпуск студентов, знания которых не будут отвечать потребностям развития египетского общества. В этой связи специалистами высказываются опасения, что поверхностные знания в конечном счете могут стать движущей силой, направляющей настроения общества в сторону «радикального» ислама [114].

Рассматривая происходившие в конце 90-х годов в «Аль-Азхаре» процессы, следует отметить, что египетское общество, обеспокоенное судьбой и международным авторитетом Университета, болезненно отреагировало на указанные планы правительства. В египетских СМИ прозвучали энергичные призывы сделать все возможное, чтобы не допустить регресса в культуре преподавания исламских и филологических дисциплин, а следовательно, выхолащивания истинных ценностей Корана через упрощение и минимизацию процесса его изучения. В свою очередь, государственные органы АРЕ проявляют понимание того, что только запретительные и репрессивные меры в отношении исламистов не способны решить проблему «радикального» ислама и должны дополняться соответствующими продуманными изменениями в системе религиозного образования.

В России отбор абитуриентов для обучения в зарубежных (в том числе арабских исламских) учебных заведениях осуществляют представители этих заведений, а также сотрудники исламских благотворительных организаций. Среди вернувшихся после учебы на родину молодых специалистов наибольший радикализм проявляют богословы, прошедшие религиозную подготовку в тех странах, где власти не могут в полной мере оградить иностранных слушателей от влияния местных радикальных исламских НРПО. Кроме того, наиболее восприимчивы к идеям исламского экстремизма оказываются россияне, которые не сумели окончить полный курс обучения в исламских учебных заведениях за рубежом.

Со своей стороны, российские мусульманские священнослужители неоднозначно относятся к росту числа соотечественников, обучающихся

за границей (в Саудовской Аравии, Ливии, Катаре, Египте, Сирии). Например, многие имамы Северного Кавказа считают, что укреплению позиций «радикального» ислама способствуют, в частности, алимы, обучавшиеся в указанных мусульманских странах [12, с. 453-454]. Говоря о подготовке за рубежом кадров служителей ислама, Р.Гайнутдин (ДУМЕР) в 1999 г. предостерегал: «Через несколько лет ислам в России может оказаться в руках выпускников зарубежных мусульманских учебных заведений, рассчитанных на совершенно иной тип мусульманина. В настоящее время там обучается свыше 1300 молодых людей, которые уехали за рубеж еще не сформировавшимися юношами, а приедут сформированными в совершенно иных, чем Россия, условиях и в определенном плане настроенными служителями ислама. Именно они могут стать проповедниками, теоретиками и практиками радикального ислама, распространить его по всей стране» [8, с. 14-15].

Среди других каналов арабо-мусульманского влияния на религиозно-политическую ситуацию в России следует также отметить достаточно активное участие представителей арабских стран в общественной жизни российских мусульман. Иногда они непосредственно участвуют в мероприятиях, имеющих политический характер. Например, в работе состоявшегося 11 апреля 1994 г. первого съезда мусульман Ингушетии приняли участие делегации из Саудовской Аравии, Сирии, Судана и ОАЭ. Почти одновременно с работой вышеупомянутого съезда в апреле 1994 г. в селе Экажево Назранского района был торжественно открыт Исламский институт имени короля Саудовской Аравии Абд аль-Азиза Фахда, который чуть позже, 15 июля 1994 года, был переведен в станицу Орджоникидзевскую Сунженского района Республики Ингушетия [50, с. 22-23].

Наиболее заметна в этих процессах роль арабских представителей действующих на постоянной основе в России филиалов международных исламских гуманитарных организаций. Этому способствует широкий спектр решаемых ими уставных задач. Например, Всемирная исламская благотворительная организация (штаб-квартира в Кувейте) занимается в России: просвещением, оказанием материальной и моральной помощи мусульманам и мусульманским организациям; издательской деятельностью; финансированием строительства мечетей; организацией международных исламских форумов [105]. Московское отделение благотворительной организации Международный гуманитарный призыв (ОАЭ) (зарегистрировано в России 24.09.92 г.) осуществляет гуманитарную помощь людям, страдающим от нищеты, болезней, стихийных бедствий и социальных конфликтов и т.п. [См.:51].

Представители этих и других организаций принимают также активное участие в культурных мероприятиях российских мусульман (декады дружбы, закладка мечетей, открытие мемориалов и т.п.). Важным каналом оказания арабо-мусульманского влияния на ситуацию в российском исламе является арабская диаспора в нашей стране. По оценке автора, в конце 90-х годов ее численность достигала почти 50 тыс. человек (в частности, только арабское

землячество в Москве насчитывает более 10 тыс. человек, приблизительно столько же в Санкт-Петербурге, около 2 тыс. в Ставрополе, 1 тысяча в Ростове-на-Дону, чуть меньше в других крупных городах России). Ежегодно российское гражданство или вид на жительство получали несколько сот арабов. Наряду с проживающими в России представителями арабских деловых кругов, натурализовавшимися арабами (в том числе политическими эмигрантами) арабо-мусульманские общины в нашей стране состоят, в основном, из студентов различных российских вузов. Только в Нижнем Новгороде в 1996-1997 учебном году из 250 иностранцев, обучающихся в ведущих вузах города (Техническом университете, Педагогическом институте, Медицинской академии), 170 прибыли из мусульманских государств, в частности из Марокко, Иордании, Сирии, Судана. Кроме того, арабская диаспора в России постоянно пополняется за счет эмигрантов и лиц, прибывающих по линии частного въезда. Некоторые мотивируют свой приезд в нашу страну соображениями личной безопасности. Так, в 1996 г. на территории Ростовской области отмечалось увеличение потока граждан Алжира по частному каналу. Почти все они заявляли о якобы существующей угрозе их жизни в связи с активизацией в Алжире террористической деятельности Исламского фронта спасения Алжира.

Наиболее социально активные представители арабо-мусульманской диаспоры иногда в обход официальных российских мусульманских учреждений предпринимают попытки религиозно-просветительской деятельности. Они участвуют в создании исламских обществ, выступают инициаторами учреждения на территории России мусульманских организаций. При этом некоторые из них работают в качестве персонала в представительствах международных исламских организаций (МИОС, фонд «Аль-Ибрагим» и др.).

Иногда такого рода «миссионерской» деятельностью занимаются лица, имеющие небезупречную репутацию. Так, гражданин АРЕ Саад ад-Дин Саад Таха аль-Лаббан, который находился несколько лет в разработке российских спецслужб, активно издавал «ваххабитскую» литературу, организовывал исламские курсы и поддерживал тесные отношения со всевозможными исламскими организациями, находящимися на территории России и бывших республик Советского Союза (в Астане он занял пост руководителя Института арабского языка и восточной литературы). Финансирование этой деятельности поступало от крупных бизнесменов из Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта, Кувейта. При этом не все суммы использовались по гуманитарному назначению. Как следует из объяснительной записки бывшего сотрудника фонда «Зам-Зам» Биляля Саида (ливанца, 1974 г. рождения), аль-Лаббан в течение 1998 г. получил более 500 тыс. долл. США наличными на благотворительные цели от различных зарубежных исламских организаций. Фактически на благотворительные цели было израсходовано около 20 тыс. долл. Остальная сумма пошла на финансирование незаконных вооруженных формирований в Чечне (Хаттаб-Басаев). Часть средств была присвоена лично аль-Лаббаном [66].

Еще одним каналом арабо-мусульманского влияния на ситуацию в российском исламе является проповедническая деятельность различного рода миссионерских организаций, осуществляемая с территории арабских стран. Так, в ряде регионов России (Дагестан, Кабарда, Адыгея, Ингушетия, Татарстан, Башкортостан) обосновались мусульманские миссионеры суннитской Ассоциации уведомления о грядущем Страшном суде и исламского призыва («Джамаат ат-таблиг ва ад-даава аль-исламия»). В связи с возрастающей активностью представителей этой Ассоциации в России следует кратко остановиться на идейно-политических взглядах ее сторонников. Ассоциация возникла в Индии в начале XX века, и затем ее влияние распространилось на Пакистан, Бангладеш, другие страны Азии, большинство арабских стран, а также Европу и Америку. Главный духовный центр этой организации находится в Дели, откуда осуществляется руководство национальными ассоциациями во всем мире.

Религиозная доктрина Ассоциации, основанная на Коране и сунне, испытала на себе значительное влияние суфизма, его тарикатов Аль-Матридийя, Аль-Джаштийя, Аль-Кадирийя, Ан-Накшбандийя и др. Суфийская практика используется в религиозном воспитании и наставлении, а некоторые организационные принципы дервишеских орденов служат основой работы по привлечению новых сторонников. В своей проповеднической деятельности члены Ассоциации исходят из того, что через постоянное напоминание о наказании в день Страшного суда, наставляя на путь истинный человека за человеком, они постепенно добьются устранения греховности из общества. Их убеждения запрещают юридическо-богословские изыскания («иджтихад»), поскольку они считают, что в нынешнее время утрачены условия, позволяющие такого рода творчество. Принадлежность к ханифитскому мазхабу (религиозно-правовому толку) является обязательной. Члены Ассоциации заявляют, что «не вмешиваются в политическую деятельность», утверждая, что их политика «отвергает всякую политику». Такая позиция вызывает критику со стороны радикальных фундаменталистов, в частности Исламской группы («Аль-Гамаа аль-исламия»), которая выступает за энергичное противодействие «врагам ислама» [42, с. 321–327].

Активная проповедническая деятельность миссионеров-арабов в Российской Федерации может служить основанием для краткого рассмотрения вопроса сочетания «привнесенных» мазхабов с традиционными формами ислама в российских регионах. Отечественный исследователь А.А.Ярлыкапов на основании данных своих полевых исследований, проведенных в Ногайской степи, убедительно показывает, что даже сама по себе растущая разобщенность российских мусульман по мазхабам (ханифитскому и шафиитскому) несет в себе большой конфликтотенный заряд. Он отмечает, что к концу 80-х годов, когда началось бурное возрождение ислама, основная масса мусульман уже была оторвана от традиционно исповедуемых форм ислама. О таких тонкостях, как ориентация на определенный мазхаб, помнили лишь муллы, да и то не все. В начале 90-х

годов, когда интерес к исламскому вероучению особенно возрос, рынок мусульманских регионов страны, в том числе и Ногайской степи, наполнила прекрасно подготовленная и изданная литература на русском языке (в издательствах «Сантлада», «Бадр», известных своей ваххабитской направленностью). Эта литература, с одной стороны, немало способствовала росту образованности мусульман, но с другой, она готовила почву для радикализации определенной их части, в первую очередь молодежи, ставшей основным ее потребителем. Широко распространявшиеся «ваххабитскими» издательствами работы идеологов исламского фундаментализма (Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, Абу Аля аль-Маудуди и др.) воспитывали в них неприятие традиционных для российских мусульман форм ислама [См.:36, с. 60].

В этой связи можно было бы указать на некоторые, не вполне совершенные с точки зрения перевода произведения, изданные в 2000 г. под эгидой Министерства по делам Ислама, вакуфов, призыва и наставления Саудовской Аравии при содействии благотворительной организации «Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим». В одной из таких книг, написанной ведущим саудовским теологом бен Базом, говорится дословно следующее: «Пророк Мухаммед сказал: «действующий против наших приказаний является отклоняющимся (грешным)». «Это значит, что нарушающий открыто или тайно, должен знать, что он становится безбожником и должен ожидать возможности убийства или заключения его» [6, с. 35]. Очевидно, что отсутствие надлежавшей редакции не только затрудняет правильное понимание данного и некоторых других высказываний саудовского религиозного деятеля, но и приводит к искажению смысла (может быть понято так, что «грешник» становится «безбожником» и превращается в объект убийства).

Наряду с привнесением в «традиционный» российский ислам «зарубежных» мазхабов в ходе миссионерской деятельности арабов в России отмечается проникновение в нашу страну различных исламских идейно-политических доктрин. Следует подчеркнуть, что процессы, происходящие в российском исламе, находятся в поле зрения представителей влиятельных религиозных кругов, духовных лидеров, видных теологов и мусульманских авторитетов, а также религиозно-политических деятелей арабских стран. По мере возможности они стремятся использовать складывающуюся ситуацию с целью распространения своего идейного влияния на исламские общины в России, в первую очередь на мусульманскую часть представителей российской политической элиты и предпринимательских кругов. В свою очередь для российских мусульман представляют интерес высказываемые этими деятелями оценки ситуации в исламе в нашей стране, с которыми они имеют возможность ознакомиться через непосредственные контакты в ходе гуманитарного обмена, общественных мероприятий, а также из поступающих в Россию печатных изданий.

Иногда такие оценки носят критический характер. В качестве примера можно привести небесспорное мнение, которое высказал уже упоми-

навшийся М.М.Тахан в своей книге «Будущее ислама на Кавказе и Средней Азии». Он, в частности, отмечал: «В национальной военной политике, которую проводят российские органы власти, господствует упрощенный и вульгарный подход к особенностям исламских исторических реалий. По их мнению, ислам – это только примитивная доктрина прошлых времен и что у ислама нет будущего». Из этого М.М.Тахан делает вывод о том, что «такого рода отсталые понятия об исламе в мусульманских регионах, прежде всего в районе Северного Кавказа, неизбежно оказывают негативное воздействие на безопасность России как единого государства» [47, с. 140]. В то же время один из наиболее авторитетных в исламском мире лидеров, генеральный секретарь правящего в Судане Национального конгресса Хасан ат-Тураби в беседе с Нафигуллой Ашировым заявил: «Сегодня ваша цель не завоевать национальное самоопределение, ваша стратегическая цель – сохранение сильной и дееспособной России для того, чтобы обеспечить всем мусульманам безопасное существование в многополярном мире» [30, с. 31].

Как представляется, важным условием дальнейшего российско-арабского сближения является вопрос отношения руководства России к исламскому фундаментализму как у себя в стране, так и в странах «ближнего» и «дальнего зарубежья». На протяжении 90-х годов, как показала практика, четкого понимания существа проблемы религиозного экстремизма на уровне российской политической элиты не отмечалось. Это создавало свои сложности в достижении взаимопонимания с арабомусульманским миром по многим вопросам международного и внутреннего характера, включая, в частности, подходы к решению межконфессиональных конфликтов, борьбу с международным терроризмом, исламским радикализмом и этническим сепаратизмом. Вместе с тем трудно не согласиться с мнением А.Подцероба (заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России), который сказал: «Очень опасно, если мы будем отождествлять ислам с терроризмом. Это может привести к возникновению очагов конфликтов по периметру наших южных границ и в последующем к внутренним конфликтам, гораздо более широких масштабов, чем сейчас, а в более широкой перспективе к развалу нашей цивилизации, поскольку российская цивилизация – это объективная реальность, и формировалась как цивилизация взаимодействия различных культур, сосуществования различных религий» [30, с. 31-32].

В целом надо отметить, что арабские страны испытывают большую заинтересованность в установлении прочных связей уже с новой Россией. На государственном уровне они хотят видеть в ней надежного партнера в политической, экономической и военно-технической областях, а также возможного союзника в создании справедливых международных отношений, далеких от конфронтации на религиозной основе. В этом плане Россия имеет достаточный потенциал для того, чтобы существенно повысить свою роль в обеспечении глобальной безопасности.

3. Влияние Саудовской Аравии на процессы политизации российского ислама

Обеспокоенность российских властей и общественности в 90-е годы стали вызывать вопросы, связанные с попытками Саудовской Аравии и других стран-участниц «аравийской шестерки» (ССАГПЗ)* оказать воздействие на процессы активизации социально-политической роли исламской религии в Российской Федерации. Известно, что поддержка мусульман в других странах считается одним из основополагающих направлений внешнеполитического курса стран Персидского залива. Отечественными исследователями в этой связи отмечалось, что «характерной спецификой внешнеполитического курса монархий Персидского залива является ярко выраженное присутствие арабского и исламского компонентов, без которых они бы в значительной мере утратили свою индивидуальность как самостоятельные субъекты» [68, с.44]. Такое положение имеет соответствующую нормативную базу: в конституциях и основных законах всех стран «аравийской шестерки» наряду с арабизмом фиксируется исламская самоидентификация. Кроме того, практически во всех заявлениях местных монархов говорится о их приверженности «исламской солидарности» [68, с. 44]. Соответствующее обоснование правомерности применения «исламской дипломатии» в международных делах дается видными представителями научных кругов этих стран (например, Фахд аль-Микрад, Кувейт). В этой связи, анализируя особенности внешнеполитического курса государств Персидского залива по отношению к другим странам, в том числе к России, следует исходить из обязательных для этих государств исламских приоритетов.

Практическая реализация исламских установок на российском направлении внешнеполитической деятельности стран ССАГПЗ в 90-е годы стала создавать условия для возникновения определенных проблем в отношениях с нашей страной. Изменения в религиозно-политической сфере жизни российского общества оказались не столь благоприятными для распространения в России «исламского призыва», как это ожидалось вначале. Проповедническая деятельность арабских миссионеров, исламское образование за рубежом, финансирование социальных проектов, гуманитарная помощь и другие проявления «исламской солидарности» с российскими единоверцами все больше становились объектом внутренней и внешней политики.

Наиболее отчетливо эта тенденция стала проявляться в российско-саудовских отношениях. Прямое и косвенное влияние Саудовской Аравии на развитие ислама в России в 90-е годы носило разноплановый и отчасти противоречивый характер. Это было обусловлено рядом причин, среди

* Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива – субрегиональная организация, в состав которой входят: Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, ОАЭ, Оман и Бахрейн.

которых можно отметить: последствия идеологического противостояния между нашими странами в годы существования Советского Союза, взаимное недоверие как один из результатов войны в Афганистане, неоднозначность оценки саудовской гуманитарной помощи российским мусульманам и роли представителей королевства в процессах возрождения ислама в России, а также возникновение новых проблем в двусторонних отношениях в связи с событиями на Северном Кавказе.

В советский период Саудовская Аравия рассматривалась в качестве одного из «реакционных» (позднее – «консервативных») арабских режимов, которые, как считалось, поддерживают негативные явления в сфере социалистической идеологии. Саудовская позиция в отношении СССР во многом строилась на неприятии преимущественного положения научного атеизма в нашей стране, воспитания молодежи в духе материалистического мировоззрения, контроля государственных органов за деятельностью религиозных институтов, некоторых ограничений в свободе отправления религиозного культа (открытия мечетей, совершения паломничества и т.п.). Власти королевства не препятствовали различного рода саудовским неправительственным религиозным и религиозно-политическим объединениям проводить, в том числе негласно, проповедническую и организационную деятельность на территории бывшего СССР, которая в тот период расценивалась советскими компетентными органами как подрывная. Достаточно указать на деятельность уже упоминавшейся Ассоциации уведомления о Страшном суде и исламского призыва. Ее вклад в дело борьбы с коммунизмом саудовские авторы оценивают весьма высоко [42, с. 327].

Религиозный аспект находился также в основе последующего осложнения двусторонних отношений в ходе афганской войны. Оказывая содействие «моджахедам», боровшимся против советских войск под исламскими лозунгами, правящие круги Саудовской Аравии стремились использовать этот конфликт для перевода деятельности активизировавшихся в то время на Ближнем Востоке экстремистских группировок, боровшихся с Израилем и США, в антисоветское русло. По мнению обозревателей (С.Шерматова), идея направить их на «священную борьбу» с советским контингентом в Афганистане оказалась удачной. На целый десяток лет центр религиозного радикализма переместился на Средний Восток, а в главного противника радикалов превратился СССР. Несмотря на то, что американские спецслужбы с самого начала патронировали «моджахедов», главным источником финансовой поддержки выступала Саудовская Аравия, которая тратила на вооружение повстанцев в два раза больше, чем американцы [34, с. 412]. Необходимо, однако, отметить, что наиболее активные экстремистские мусульманские группировки Ближнего Востока, оказывая помощь «моджахедам» в Афганистане, длительное время воздерживались от проведения масштабных террористических актов против советских представительств в других странах. Основным объектом их экстремистской деятельности продолжали оставаться США и Израиль.

С конца 80-х годов в Эр-Рияде стали проявлять повышенное внимание возрастанию роли ислама в общественной жизни на постсоветском пространстве. Заинтересованность саудовцев в расширении своего участия в религиозно-политических процессах в России была вызвана рядом причин. К их числу можно отнести: стремление использовать исламскую гуманитарную помощь для создания своих политических позиций в России; ослабить критику правящего режима за недостаточное внимание к проблемам мусульман в других странах; переориентировать деятельность наиболее активной экстремистски настроенной части религиозной оппозиции за пределы королевства. Отечественными исследователями уже отмечено, что широкое использование ислама (наряду с арабизмом) во внешней политике Саудовской Аравии обусловлено в первую очередь внутренними причинами. В частности, И.А.Мелихов подчеркивает: «Если арабский компонент призван умиротворить национальную буржуазию и националистически настроенную часть интеллигенции, то исламский предназначен прежде всего для активного религиозного сегмента населения, включая фундаменталистов» [68, с. 48].

В связи с нарастанием в 90-е годы сепаратистских тенденций в районах традиционного распространения ислама в Российской Федерации внимание российской стороны стала привлекать к себе деятельность саудовских и международных исламских организаций, штаб-квартиры которых расположены в Саудовской Аравии. Линия, проводимая представителями этих организаций в России по вопросам взаимодействия с местными официальными религиозными учреждениями, а также осуществлявшаяся в соответствии с принципом «исламской солидарности» работа в мусульманских общинах России в первую очередь стали предметом беспокойства российской стороны.

Принимая во внимание достаточно сложную религиозно-политическую обстановку в самой Саудовской Аравии, следует конкретно подходить к анализу как мотивов, так и последствий оказания исламской гуманитарной помощи и проведения просветительской деятельности подданными королевства в нашей стране. Большая часть негативных оценок звучала в 90-е годы в России в адрес именно неправительственных религиозных и религиозно-политических структур, действовавших с территории Саудовской Аравии, контроль за которыми по тем или иным причинам соответствующие государственные органы королевства не могли полностью обеспечить. Проблема осложнялась тем, что в результате значительной подверженности саудовского населения исламской риторике и благодаря его немалым финансовым возможностям местные состоятельные приверженцы «салафизма» по собственной инициативе осуществляли пожертвования действующим за рубежом радикальным организациям на нужды «защиты интересов мусульман».

Кроме того, было бы неверным преувеличивать возможности саудовских властей и по контролю за деятельностью крупных международных панисламских организаций. Сложность заключается в том, что такие

структуры, как Всемирная исламская лига (ВИЛ), включая Международную исламскую организацию спасения (МИОС – «Аль-Игаса»), Всемирная лига исламской молодежи (ВЛИМ), Всемирный высший совет по делам мечетей (ВВСДМ) и другие при содействии саудовцев создали разветвленную зарубежную сеть представительств, которые финансируются местными исламистами и действуют фактически бесконтрольно. В прессе сообщалось о том, что указанные и другие организации оказывали значительную финансовую помощь исламским структурам Северного Кавказа, в том числе в Чечне [105]. Несмотря на то, что их штаб-квартиры находятся на территории Саудовской Аравии и в финансовом отношении они в значительной степени опираются на поддержку со стороны королевства, эти организации не всегда следуют рекомендациям саудовского правительства. В частности, им рекомендовано не выходить за рамки официальной линии Эр-Рияда на невмешательство во внутренние дела других государств и проявлять полную лояльность по отношению к властям тех стран, где имеются их представительства.

В начале 90-х годов в местах проживания этнических мусульман на территории Российской Федерации начали действовать различные исламские гуманитарные организации, связанные с Саудовской Аравией. Наибольшую известность получили: Московское отделение Международной исламской организации спасения (МИОС) (зарегистрировано 10.11.1992 г.); Московское отделение Международной ассоциации благотворительной помощи «Тайба» (12.02.1993 г.); Московское отделение общественной организации – научного общества Комиссия по научным знаниям в Коране и Сунне (23.04.1993 г.); Российский фонд – Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим («Ибрагим аль-Ибрагим»). Последний совместно с Министерством по делам ислама Саудовской Аравии финансировал программы проведения в российских регионах семинаров по исламской тематике. Только летом 1995 г. они прошли в Казани, Уфе, Тюмени и Саратове. Кроме того, Фонд проводит отбор кандидатов для учебы в исламских университетах арабских стран.

Среди заявленных в учредительных документах целей этих и подобных им исламских организаций значилось, в частности, следующее: предоставление благотворительной помощи гражданам, проживающим в России, а также действующим на ее территории общественным и религиозным объединениям; участие в реализации проектов в области милосердия и благотворительности; оказание помощи лицам, пострадавшим в результате бедствий, катастроф, военных или национальных конфликтов, несчастных случаев или по другим экстремальным причинам, в решении их экономических и социальных проблем, повышении их жизненного уровня и защите личных и имущественных прав; оказание помощи беженцам и вынужденным мигрантам; проявление заботы о сиротах, малоимущих и иных лицах, пользующихся аналогичным статусом; поддержка научных исследований и просветительных мероприятий; организация подготовки нового поколения ученых и исследователей для изучения научной проблематики и законов Все-

ленной в свете того, о чем говорится в Коране и Сунне; распространение указанных исследований и их результатов среди людей и организация их перевода на все языки народов России и т.п. [51; 105; 100].

Вскоре в деятельности представительств этих и подобных им организаций в России стала просматриваться тенденция по созданию структур «параллельного ислама». Возглавлявшие их лица оказались связаны с указанными и другими саудовскими организациями или их представителями в финансовом отношении. В обход российских официальных мусульманских структур ими осуществлялось бесплатное распространение десятков тысяч экземпляров Корана, а также другой религиозной литературы, строительство мечетей и исламских культурных центров, материальное содействие желающим совершить хадж, а также оказание финансовой помощи отдельным священнослужителям. В литературе отмечалось, что особой активностью на Северном Кавказе, включая Дагестан, отличалась международная благотворительная исламская организация «Тайба», контролируемая Саудовской Аравией [58, с. 60]. Кроме того, под эгидой Всемирной лиги исламской молодежи был открыт учебный лагерь «ваххабитов» в Азербайджане (микрорайон Джанджлик в г. Баку). Преподававшие там саудовец Мухаммед Салем Абдель Хамид, сомалиец Мохаммед Али Хороко, йеменцы Ареф Абдалла и Хаузузи Каид Абд ар-Рахман осуществляли подготовку исламских кадров и распространение религиозной литературы и видеокассет для Северного Кавказа, включая Чечню [106].

В открывшемся к тому времени посольстве Саудовской Аравии в Москве был создан так называемый «мусульманский отдел», на который были возложены различные функции, в том числе по координации деятельности на территории Российской Федерации зарубежных исламских организаций. Фактически этот отдел представлял интересы Департамента ВИП по мусульманским меньшинствам. На протяжении последующих лет для работы в России стали активно привлекаться саудовские благотворительные фонды и организации. Кроме уже упомянутых, были открыты представительства благотворительной Организации Ахмеда ад-Дагестани, Организации исламской солидарности, Арабский институт, Медресе имени Короля Фахда и др. Также при участии саудовских представителей были созданы Исламский культурный центр России и Высший координационный центр мусульман с филиалами в регионах. В той или иной степени эти организации содействовали созданию новых, ориентированных на Саудовскую Аравию исламских структур в противовес официально существовавшим ранее. Они оказывали информационное содействие работе саудовских представителей, помогали им устанавливать связи с чиновниками государственного аппарата и депутатами из числа этнических мусульман России.

Со своей стороны, создававшиеся в тот период в России политические организации исламской направленности также предпринимали попытки по налаживанию контактов с саудовскими организациями. Так, в

1990 г. в Астрахани был проведен первый на территории РСФСР съезд Исламской партии возрождения (ИПВ). В его работе приняли участие представители Дагестана, Чечни, Таджикистана и Узбекистана. Съезд объявил, что «партия, через пропаганду единства исламского мира, истинного исламского призыва и высвобождения его от всего чуждого мусульманам, будет стремиться к построению исламского государства на Юге России». Затем филиалы ИПВ стали создаваться по всему Северному Кавказу, в ряде республик и областей Поволжья. По данным российских спецслужб, филиалу Исламской партии возрождения в Дагестане Саудовской Аравией в 1992 г. было выделено 17 млн. долл. [93].

Принимавший непосредственное участие в создании ИПВ Мустафа Мухаммед Тахан в своей книге «Будущее ислама на Кавказе и Средней Азии» отмечает, что «Исламская партия возрождения возникла в период перестройки как отражение идеи создания независимого района для мусульман». Он пишет: «Мы консультировались (по этому вопросу – К.П.) с некоторыми нашими братьями в Москве, Узбекистане, Таджикистане и других странах и назначили проведение учредительной конференции в городе Астрахань 9 июня 1990 г. На ней собралось около 200 делегатов из всех исламских районов. Мы объявили на этой конференции о создании Исламской партии возрождения. Требования партии сводились к призыву объединения мусульман Советского Союза, воспитанию подрастающего поколения в духе Корана и сунны, защите социальных и политических прав мусульман. ИПВ издала ряд книг на местных языках, газет и журналов: «Ад-Даава» в Узбекистане, «Баям хак» и «Ан-Наджа» в Таджикистане, «Нур аль-ислам» на Северном Кавказе, «Аль-Вахда» («Единство») в Москве. Наша партия действовала (в интересах – К.П.) преодоления регионализма, исламских юридическо-теологических расхождений и всего того, что нарушает единство мусульман в этой стране» [47, с. 167].

Иной взгляд на участие представителей иностранных государств в создании политических партий на территории Российской Федерации (в частности, ИПВ) был у представителей российских правоохранительных органов. Так, в ноябре 1992 г. российская контрразведка, осуществлявшая разработку ИПВ, сообщала, что «большую часть эмиссаров составляют приверженцы ваххабитского толкования ислама, финансирующие Исламскую партию возрождения... В Дагестане эмиссары активно используют структуры махачкалинского Исламского культурного центра. В этом плане выделяется гражданин ОАЭ Сервах Абед Саах, организовавший в Кизилюртовском и Хасавюртовском районах издание, пропагандирующее ваххабизм, а также руководитель филиала Международной исламской организации «Спасение» по Северному Кавказу и Азербайджану гражданин Алжира Зарат Абд аль-Кадир, который финансирует подготовку боевиков в Чечне». Сообщалось также, что «ваххабиты» постепенно обосновались в Дагестане, а их лидером стал Багауддин Магомедов, который участвовал в недавнем нападении на дагестанские села вместе с Басаевым и Хаттабом. Еще в 1992 г. он основал в Кизилюрте исламскую школу, а в

селе Первомайском организовал типографию, где тысячными тиражами печаталась «ваххабитская» литература [93].

В ряде случаев компетентные органы шли на пресечение деятельности представителей подобных организаций. Причиной такой реакции властей было то, что зарубежные миссионеры в своих проповедях допускали высказывания, вызывающие межрелигиозную и межконфессиональную рознь. Так, в 1993 г. подданный Саудовской Аравии Абд аль-Хамид Джафар Дагистани, который возглавлял русский отдел отделения МИОС («Аль-Игаса») в Саудовской Аравии, выступая в Исламском институте (бывшем Доме политпросвещения) в г.Грозном открыто призвал к «джихаду» – «священной войне с неверными». По данным российских правоохранительных органов, А.Дагистани выполнял деликатные поручения саудовских спецслужб. Четыре месяца в году он проводил в России, совершая поездки в Татарстан и на Северный Кавказ. В том же 1993 г. он предпринял попытку объединить мусульман Татарстана и близлежащих регионов в исламское общество фундаменталистской направленности «Сура». Два года спустя посольству Королевства Саудовская Аравия было заявлено о нежелательности его пребывания на территории России [93].

В российских регионах саудовские организации предпринимали попытки создания исламских учебных заведений для детей. В 1992-1994 гг. такие учебные лагеря организовывались на территории Чечни, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Башкортостана и Дагестана. В качестве преподавателей привлекались не столько подданные королевства, сколько сотрудники саудовских организаций из различных арабских и других исламских государств. Наиболее перспективных учащихся подготавливали для последующего продолжения образования за рубежом. Минувя официальные российские религиозные учреждения, их направляли в Саудовскую Аравию, Тунис, Египет и другие страны, где они проходили дальнейшую подготовку.

Практика работы саудовских исламских благотворительных фондов в первой половине 90-х годов в России показала наличие целого ряда проблем. В литературе уже отмечалось, что на рубеже 80-90-х и в начале 90-х годов среди российских мусульман, в особенности из числа религиозных и общественных деятелей, имела место эйфория относительно перспективы материальной поддержки исламского возрождения в России. Они буквально засыпали просьбами о вспомоществовании делегации из богатых нефтедобывающих стран. Причем деньги, полученные на возрождение религии, уходили в коммерческие структуры [18, с. 79]. Стало заметно, что многие саудовские представители слабо ориентируются в российских реалиях, проявляют излишнюю доверчивость в отношении непорядочных «деятелей от ислама». Начали вскрываться факты, свидетельствовавшие о том, что полученные от саудовских фондов средства использовались российскими гражданами в целях личного обогащения. Производимые

ими траты на приобретение предметов роскоши и ведение «неправедного образа жизни» вызвали особое неудовольствие саудовских спонсоров.

Обращает на себя внимание, что на характер совершаемых саудовцами ошибок при оказании гуманитарной помощи влияли их национально-психологические особенности. В основной своей массе саудовцы, будучи выходцами с родины ислама, убеждены в своей исключительности. В то же время четко регламентированная жизнь в королевстве на основе строгих предписаний моральных требований религии не позволяет саудовцам приобретать качества, необходимые для успешной адаптации к иным условиям. В этой связи саудовцы чаще, чем представители других арабских государств, становятся объектами недобросовестного отношения со стороны отдельных российских граждан, а также выходцев из других стран, в том числе и арабских. В частности, как было установлено российскими спецслужбами, гражданин Египта Саад ад-Дин Саад Таха аль-Лаббан в начале своей деятельности в Саудовской Аравии занимался организацией паломничества в Мекку и, собрав порядка 8 млн. долл., скрылся в Египте. За финансовые махинации у себя на родине он был приговорен к тюремному заключению, но бежал в Россию, где присвоил часть денег, поступавших, в том числе, от крупных бизнесменов из Саудовской Аравии на благотворительные нужды российских мусульман. Для этого аль-Лаббан использовал созданную им в Москве в 1995 г. корпорацию «Развитие», которая торговала конфетами и макаронными изделиями, и организованный им же в 1998 г. благотворительный фонд «Зам-Зам» [66; 96].

Во второй половине 90-х годов попытки влияния Саудовской Аравии на религиозно-политические процессы в российском обществе стали претерпевать некоторые изменения. Это было связано главным образом с двумя обстоятельствами. Во-первых, саудовское руководство было вынуждено произвести определенную корректировку своего внешнеполитического курса, в том числе в отношении оказания помощи зарубежным исламским организациям. Ранее, примерно с конца 60-х годов, Эр-Рияд поддерживал негласные контакты с отдельными радикальными исламскими группировками и оказывал им материальную поддержку. Однако в 1994 г. Египет, Алжир, Тунис и Индия потребовали от руководства Саудовской Аравии прекратить подобную практику, предоставив улики – сведения о частных переводах саудовцев (напрямую или по каналам благотворительных фондов) экстремистским группировкам в этих странах. Кроме того, во второй половине 90-х годов правящее семейство окончательно осознало, что политический и религиозный экстремизм работает фактически на фундаменталистскую оппозицию, обращенную против королевского режима, создает значительные сложности для укрепления позиций Саудовской Аравии в отношениях с основными внешними партнерами, в том числе в исламском мире. Вследствие этого связи с экстремистами на официальном уровне были прекращены. Для ужесточения контроля над денежными потоками правительство образовало спецкомитет во главе с

принцем Султаном. Всем банкирам было предписано докладывать о любых переводах свыше 5 тыс. долл. США.

Во-вторых, произвести корректировку деятельности саудовских благотворительных организаций в России побудили руководство Саудовской Аравии вскрытые нарушения этими организациями российских законов. В частности, в ходе проведенной в начале 1995 г. в Министерстве юстиции России проверки деятельности отдела регистрации уставов общественных объединений были установлены многочисленные факты нарушения действующего законодательства об общественных объединениях, допущенных рядом зарубежных исламских общественных структур: российскими отделениями МИОС, международной Ассоциации благотворительной помощи «Тайба», Агентства гуманитарной помощи, межрегиональным обществом «Информация и мир», межрегиональным общественным объединением Исламский конгресс, межрегиональным общественным объединением Мусульманский молодежный союз и др. Как выяснилось, инициаторами создания большинства отделений были указаны одни и те же российские граждане, которые отрицали какую-либо причастность к фактам своего участия в открытии филиалов зарубежных фондов и организаций, а также членства в них. Руководящие должности в зарегистрированных по инициативе российских граждан отделениях зарубежных исламских организаций занимали иностранцы, членство которых в созданных структурах документально не было подтверждено.

Начиная с 1998 г. новую озабоченность саудовского руководства стали вызывать сообщения о деятельности так называемых «ваххабитов» в России и СНГ. Некоторую роль в этом сыграли появившиеся в российских средствах массовой информации публикации, в которых угроза «ваххабизма» для национальной безопасности России и СНГ связывалась с финансовой деятельностью саудовских благотворительных фондов. Соответствующим дипломатическим представительствам Саудовской Аравии в республиках бывшего СССР были даны указания о проверке излагавшихся фактов. Кроме того, власти Королевства официально обратились к правительству России с просьбой не использовать термин «ваххабизм» в отношении боевиков в Дагестане [53, с. 50]. Однако вопрос о возможной причастности саудовских организаций и отдельных их представителей к распространению «ваххабизма» в России продолжает оставаться открытым. Во всяком случае, не вызывает серьезных возражений вывод отечественного исследователя И.А.Александрова о том, что саудовские «неправительственные панисламистские структуры, финансируемые и поддерживаемые экстремистскими политическими и религиозными кругами, пытаются эксплуатировать ваххабитские постулаты, в том числе в мусульманских районах России» [1, с. 204].

Нельзя утверждать, что Саудовская Аравия не проявляет озабоченности по поводу возможной причастности своих подданных к распространению «радикального» ислама в России. Принятыми саудовской стороной мерами были исправлены отдельные недостатки в работе благотвори-

тельных фондов. Примерно с середины 1998 г. поступающие в саудовские представительства от российских граждан и исламских учреждений проекты, содержащие просьбы о финансировании строительства новых мечетей, стали под благовидными предложениями отклоняться. Саудовцы начали стремиться к поддержанию контактов с официальными исламскими учреждениями в России. Вместе с тем проведенная в конце 90-х годов кадровая перетряска руководящего состава таких организаций, как Всемирная исламская лига (включая Международную исламскую организацию спасения – МИОС), Всемирная лига исламской молодежи и др., а также резкое сокращение их бюджетного финансирования пока не дали ожидавшегося эффекта. Попытки ограничения неконтролируемых потоков финансирования по линии частных пожертвований также не оправдали себя. В ответ исламисты среагировали следующим образом. Они разработали длинные цепочки денежных переводов, в том числе через США и Западную Европу, стали выделять валюту наличными в Дубай, Абу-Даби и Кувейт, а оттуда переправлять ее адресату.

Саудовское руководство, как и прежде, опасается проводить политику жесткого давления на исламских радикалов во избежание резкой дестабилизации внутренней обстановки и усиления сопротивления королевскому режиму под лозунгами «измены исламскому делу». Такая двойственность предполагает половинчатость мер против экстремистов и допустимые компромиссы. Кроме того, претендуя и далее на лидирующие позиции в исламском мире, а также по праву «Хранителя Двух святынь» Саудовская Аравия будет повышенно реагировать на события, затрагивающие мусульманские народы. По всей видимости, указанные причины, а также неспособность саудовской стороны полностью контролировать расположенные на ее территории исламские организации, ведущие свою деятельность в России, и их небесспорное влияние на отдельные аспекты общественно-политических процессов в нашей стране будут в обозримой перспективе оставаться предметом для беспокойства российской стороны.

ГЛАВА III СТРАНЫ АРАБСКОГО ВОСТОКА И СОБЫТИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

1. Арабские страны и северокавказский конфликт

Рассматривая вопросы, связанные с отношением арабских государств к проблеме Дагестана и Чечни, следует прежде всего отметить их объективную незаинтересованность в эскалации северокавказского конфликта. В литературе уже отмечалась угроза, которую представляет для арабских стран взрывоопасная ситуация в этом регионе. Так, отечественный исследователь В.М.Ахмедов считает: продолжение конфликтов способствует росту вовлеченности ближневосточной черкесской диаспоры в события на Кавказе, что чревато чрезмерной политизацией общин в районах их компактного проживания. А усиление в автономных северокавказских республиках сепаратистских тенденций непосредственно влияет на внутреннюю обстановку в странах их проживания, давая толчок процессу развития центробежных политических тенденций местных этнических общин. К тому же руководство арабских государств, где проживают северокавказские общины, не заинтересовано в возникновении положения, когда деятельность выходцев с Кавказа негативно отражалась бы на отношениях этих стран с Москвой [См.: 3, с. 4].

Подтверждением этому служит фактический отказ арабо-мусульманских стран предоставить чеченцам право открыть официальные представительства на своей территории. С начала проведения контртеррористической операции федеральных сил в Чеченской Республике лидеры сепаратистов предпринимали активные шаги по созданию зарубежного центра для координации деятельности против России и борьбы за суверенитет Чечни. Для этого ими изыскивались возможности размещения так называемого «правительства Чеченской Республики в изгнании» в одной из стран Ближнего и Среднего Востока. Вместе с тем, несмотря на определенную моральную и материальную поддержку деятельности чеченских сепаратистов за «независимость республики», мусульманские страны отказались принять у себя данную структуру (за исключением движения «Талибан» в Афганистане).

События на Северном Кавказе стали серьезной проверкой для традиционно дружественных отношений между арабо-мусульманскими странами и Россией. Официальная реакция правительств большинства арабских государств на обострение конфликта была фактически однозначной – поддержка борьбы с терроризмом и сепаратизмом, невмешательство во

внутренние дела России, обеспокоенность проблемой беженцев. Различия в заявлениях касались главным образом трактовки причин происходящего. Так, по мнению руководства Судана, «стало абсолютно ясно, что США стоят во главе тех сил, которые хотят расколоть Россию, для чего они запустили свою информационно-пропагандистскую, а теперь и дипломатическую машину». Ввиду сохраняющейся проблемы сепаратистски настроенного Юга правительство Судана внимательно наблюдало за тем, как федеральные власти России решают вопрос в отношении попыток «исламизирующейся» Чечни выйти из состава Российской Федерации. Суданцы склонны проводить некоторые параллели между этими двумя процессами, отмечая схожесть подходов к прекращению этих конфликтов, которые как в одном, так и в другом случае далеки от своего разрешения. Под этим углом зрения суданцы с пониманием отнеслись к мерам Москвы по урегулированию северокавказского вопроса в целом.

Разграничивая политический и религиозный аспект данной проблемы, руководство Судана неизменно выступало за принцип сохранения территориальной целостности российского государства и осуждало любые попытки использовать религию в качестве разъединяющего фактора. Оно считает, что происходящие события на Северном Кавказе и ведущаяся в России борьба с терроризмом не должны быть использованы какими-либо силами в интересах внесения раскола между Россией и мусульманским миром. С самого начала чеченской кампании суданское правительство считало, что попытки лидеров Ичкерии представить свои сепаратистские устремления как исламский «джихад» не имеют под собой оснований. По мнению суданской стороны, чеченская проблема не связана с исламом. Она носит политический характер, основывается на корыстных интересах, ведет к подрыву конституционного строя в России и нарушению территориальной целостности государства. Суданцы предполагают, что западные страны попытаются использовать этот конфликт для ослабления России, придав ему окраску «гуманитарной катастрофы». Они не исключают, что под этим предлогом может быть осуществлено прямое вмешательство Запада в развитие ситуации в северокавказском регионе.

В Ливии также полагали, что за событиями на Северном Кавказе стоят США, целью которых является расчленение России, в том числе с применением «балканских разработок». В Триполи восприняли российскую позицию как борьбу с терроризмом, направленную не против чеченского народа и тем более мусульман, а нацеленную на подавление оковавшихся в Чечне бандформирований. При этом отмечалось, что геополитический и стратегический интерес Ливии заключается в том, чтобы территориальная целостность и единство Российской Федерации были надежно ограждены. Вместе с тем в руководстве Ливии высказывали озабоченность в связи с возможностью значительного числа жертв среди мирного населения.

Близкие, по существу, оценки прозвучали в правящих кругах Ливана и Сирии. В частности, официальными властями Ливана было заявлено,

что проводимая на Северном Кавказе антитеррористическая операция против вооруженных формирований сепаратистов является внутренним делом России. В свою очередь, сирийское руководство, исходя из своего опыта борьбы с терроризмом, также с пониманием отнеслось к действиям России по наведению конституционного порядка в Чечне и подтвердило недопустимость любого внешнего вмешательства в события на Северном Кавказе.

Руководство Ирака положительно восприняло разъяснения российской стороны по поводу мотивации военно-политических мер российских федеральных сил в Чечне. Критическое отношение к деятельности сепаратистов высказали исламские священнослужители Ирака. В частности, представители шиитских и суннитских теологов заявили, что зверства Хаттаба и Басаева нарушают нормы ислама, в том числе «правила ведения войны» (явные отклонения от мусульманских норм – похищения людей, необоснованно жестокие пытки). Кроме того, в Ираке придали важное значение искоренению «ваххабизма» в Чечне и Дагестане и возврату к традиционному для региона исламу. В целом, по мнению иракцев, успехи федеральных властей по нормализации положения в Чечне и Дагестане будут зависеть от способности России в относительно сжатые сроки реанимировать органы самоуправления, ориентирующиеся на федеральный центр, а также урегулировать гуманитарную ситуацию (проблемы беженцев, продовольствия, жилья).

В Объединенных Арабских Эмиратах подтвердили позицию по сохранению целостности Российской Федерации и высказали мнение о том, что болезнь сепаратизма и экстремизма, поразившая некоторые страны СНГ, требует принятия жестких мер. В Абу-Даби было заявлено о понимании глубины той пропасти, которая лежит между истинным исламом и эксплуатируемыми в Чечне религиозными лозунгами. Было отмечено, что лица, которые творят зверства, не могут претендовать на статус единоверцев. В Эмиратах в централизованном порядке разрешили сбор гуманитарной помощи, ожидая вынужденных переселенцев из Чечни. При этом оговаривалось, что эти меры должны согласовываться с Москвой и осуществляться строго через соответствующие международные организации.

В Алжире выразили удовлетворение, что Россия активизирует политическую работу с чеченцами, не ограничиваясь лишь военными операциями против террористов. Тунис, исходя из своего опыта борьбы с исламистами и необходимости жесткого подавления терроризма, также с пониманием отнесся к действиям России. В недалеком прошлом руководство этой страны, используя меры комплексного характера (силовые и социально-экономические), смогло практически ликвидировать исламский экстремизм на своей территории. Вместе с тем тунисцы проявили повышенную обеспокоенность гуманитарной ситуацией на Северном Кавказе. По их мнению, в Боснии и Косово аналогичные проблемы были использованы для манипуляции общественным мнением, и данную тактику западные государства попытаются применить в отношении Чечни. Взвешенную

позицию по чеченской проблеме продемонстрировал Кувейт, что было вновь подтверждено во время январского (2000 г.) визита в Москву гос-секретаря по иностранным делам Кувейта С.Шахина. Руководство Бахрейна тогда же заявило, что чеченская проблема является внутренним делом России, и Бахрейн не должен в нее вмешиваться.

Широкий разброс мнений по дагестанской и чеченской проблематике наблюдался в арабских средствах массовой информации, которые достаточно широко освещали события на Северном Кавказе. В СМИ Туниса отмечалось, что исламские экстремисты пытаются использовать фактор беженцев для расширения собственного влияния и превращения Чечни в плацдарм фундаменталистской экспансии. При этом подчеркивалось, что события на Северном Кавказе могут явиться катализатором активности исламистов в различных регионах: на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке, Северной Африке.

Наряду с объективными публикациями в арабских СМИ появлялись и тенденциозные материалы, освещающие события в Дагестане исключительно с антироссийских позиций (как «войну русских с мусульманами»). Много говорилось о «законности участия мусульман-иностранцев в боевых действиях против российских оккупантов». В кувейтской прессе, например, звучали заявления о необходимости поощрять действия сепаратистов на Северном Кавказе. В частности, московский корреспондент кувейтской газеты «Аль-Кабас» Джамаль Хусейн опубликовал статью под характерным заголовком «Пять лживых российских утверждений относительно чеченской войны», в которой содержалась необоснованная критика в отношении действий российской армии и политики российского руководства в Чечне [116]. В других материалах арабских СМИ, наоборот, утверждалось: события в Дагестане доказывают, что действия Басаева и Хаттаба не имеют ничего общего с защитой интересов и моральных ценностей мусульман на Кавказе.

На начальном этапе контртеррористической операции в Чечне СМИ Ливана, осознавая на опыте своей страны реальную опасность «ваххабизма», в целом сохраняли сдержанный тон в освещении событий на Северном Кавказе. Только в отдельных материалах появлялись намеки на повышенную обеспокоенность российской стороны в отношении контактов чеченских сепаратистов с местными исламскими радикалами. Так, ливанская газета «Ас-Сафир», явно намекая на Россию, опубликовала сообщение, в котором говорилось: «Посольство одной великой восточной державы активизировало работу по сбору информации, связанной с исламским движением, полагая, что это движение имеет контакты с группировками, которые ведут боевые действия против этого государства» [119].

После блокады Грозного в ливанских СМИ возросло количество материалов, содержащих обеспокоенность гуманитарными последствиями проводимой войсковой операции. Так, 8 января 2000 г. в телевизионном выступлении главы шиитского исламского совета Ливана шейха М.Шамсейдина по случаю окончания мусульманского поста в месяц «ра-

мадан» прозвучали негативные высказывания по поводу проводимой Москвой политики на Северном Кавказе. Духовный наставник шиитов призвал своих единоверцев к моральной поддержке чеченского народа, сражающегося с оружием в руках в защиту ислама, оказанию чеченцам материальной помощи.

Тенденциозный характер приобрели передачи катарской телекомпании «Аль-Джазира», соответствующим образом подавшей взрыв на рынке в Грозном и показавшей видеокadres с убитыми чеченскими женщинами и детьми. В свою очередь, СМИ Бахрейна подробно «живописали» трагические последствия теракта. Газета «Аль-Айям» использовала в заголовке информационного материала о взрыве в Грозном слово «бойня». В некоторых арабских СМИ стали открыто звучать призывы провокационного характера. Так, ближневосточная газета «Аль-Хайят» опубликовала 14 сентября 1999 г. подстрекательское по своему содержанию заявление живущего в Лондоне видного исламского радикала Абу Хамзы аль-Массира. Он одобрил теракты в Москве и Буйнакске. По его мнению, вторжение в Дагестан боевиков Шамиля Басаева и Хаттаба – «священная война», якобы оправданная «необходимостью исламского возмездия России за ее политику по отношению к мусульманам» [121]. Подобные заявления, распространявшиеся в некоторых арабских СМИ, послужили своего рода призывом, адресованным к сторонникам радикального ислама, к оказанию политической, моральной и материальной поддержки чеченским сепаратистам.

Вопросы прямого или косвенного финансирования и оказания иной материальной помощи дагестанским и чеченским сепаратистам с территории арабских стран заслуживают особого внимания. В этой связи обозревателями правомерно отмечается следующее обстоятельство. В арабских странах существует традиция благотворительности: богатые люди отдают деньги на помощь мусульманам, проживающим в других странах, на строительство мечетей. Отдельные фонды и благотворительные общества могут использовать эти деньги и для финансирования вооруженных группировок в различных частях света, в том числе и в Чечне. Однако, по мнению одного из сотрудников президентского аппарата Чечни, с которым обозреватель С.Шерматова беседовала в Грозном в апреле 1998 г., основная часть финансов поступает в виде выкупа за заложников и от преступного бизнеса интернациональных группировок на территории России, в которых участвуют и чеченцы [34, с. 423].

Версия о том, что одним из главных источников финансирования чеченских сепаратистов является их криминальная деятельность на территории России, разделяется и другими обозревателями. В частности, в прессе отмечалось, что финансовая помощь боевикам поступает от крупных российских предпринимателей-чеченцев. Многие из них, пользуясь тем, что российские правоохранительные органы не имели возможности контролировать обстановку в Ичкерии, многие годы бестаможенно получали через нее товары. Попав таким образом в зависимость от бандитов,

они теперь вынуждены раздавать долги. Используется и открытое вымогательство, жертвами которого становятся арабы в России. Так, у гражданина Сирии Мухаммеда Харнуфу, совладельца российско-сирийского предприятия в Москве (от российской стороны в управлении фирмой выступают чеченцы), под угрозой физической расправы над ним и членами его семьи потребовали 600 тыс. долл. [72]. Видимо, аналогичные методы широко использовались чеченскими представителями при получении средств от своих национальных землячеств за рубежом, в том числе и в арабских странах.

Со ссылкой на данные правоохранительных органов российская пресса сообщала о том, что эмиссары независимой Ичкерии «выколачивают» деньги из диаспор и частных лиц. Чаще всего сбор средств производится под прикрытием негосударственных общественных и религиозных организаций якобы для оказания помощи страдающему от продолжения военных действий чеченскому населению. Чеченские диаспоры, раскиданные по всему миру, поддерживают тесные связи с многочисленными российскими землячествами, именно через них осуществляя переброску средств в Ичкерию [72]. В частности, согласно оперативным данным российских спецслужб, Басаев и Хаттаб направили во все «сочувствующие» их делу страны и организации своих представителей с просьбами о финансовой поддержке (в Саудовскую Аравию, Катар, Арабские Эмираты, а также в Афганистан к «талибам» и Усаме бен Ладену). В своих обращениях они ссылались на неизмеримо возросшие расходы по проведению «джихада» в Дагестане, а также на то, что существенно сократились поступления от чечено-ингушских предпринимателей и преступных групп в других регионах Российской Федерации [85].

В свою очередь, З.Яндарбиев совершил поездки в ОАЭ, Катар, Саудовскую Аравию и другие страны с целью добиться от экстремистских исламских организаций финансирования и переброски в Чечню боевиков, подготовленных в спецлагерях на территории Афганистана [71]. Кроме того, стало известно, что представители Грозного в Турции по каналам электронной почты обратились к лидерам радикальных исламских организаций и движений с просьбой срочно выделить им финансовые средства и активизировать антироссийскую пропаганду. Их адресатами стали Мировой фронт «джихада» Усамы бен Ладена, «Аль-Джамаа аль-мусаллаха» (Алжир), ХАМАС (Палестина), ливийские религиозные экстремисты в эмиграции. В результате в августе 1999 г. указанные и другие организации якобы передали лидеру чеченских «ваххабитов» Абдул Малику и чеченским руководителям около одного миллиона долларов [87].

Одним из основных способов передачи финансовых средств стал канал курьеров. На территории России неоднократно задерживались представители арабских стран (и другие иностранцы), которые въехали в страну совершенно легально, имея при себе огромные суммы в долларах. Затем эти деньги оседали в Чечне [70]. Так, азербайджанскими пограничниками были задержаны в приграничном с Грузией Белоканском районе

двое граждан Ирака, которые пытались проникнуть сначала в Грузию, а затем в Чечню. При себе они имели 300 тыс. долл. [85]. Кроме того, была налажена переправка денежных средств для чеченских сепаратистов по надежно действующим «окнам» на российско-грузинской границе.

Использовались и другие каналы, в том числе «из рук в руки». Уже упоминавшийся египтянин аль-Лаббан в декабре 1998 г. приезжал на Северный Кавказ на конференцию «Конгресса народов Ичкерии и Дагестана», которая была учреждена Удуговым, Басаевым и Хаттабом. Во время поездки аль-Лаббан лично передал Басаеву 200 тыс. долл. для финансирования боевых действий. Однако в своих официальных отчетных документах он списал эти деньги на «угощение посящих дагестанцев в Карамахи, Махачкале и ряде других населенных пунктов». Причем в отчете, чтобы дискредитировать религиозных деятелей этой республики, выступавших против террористов, он написал, что доллары передавал через них [85]. Указанные и другие факты свидетельствовали вначале лишь об эпизодических попытках финансовой помощи чеченцам со стороны частных лиц и отдельных организаций, осуществляемых с территории арабских стран.

По мере развития событий на Северном Кавказе в прессу стали все больше просачиваться сведения о разрастании такого рода поддержки, которые требовали своего критического осмысления. Сотрудники российских спецслужб, которые вскрывали факты причастности арабских стран к финансированию чеченских сепаратистов, в своих заявлениях для печати подчеркивали, что «не имеют в виду какую-либо помощь, предоставляемую по правительственным каналам, однако деятельность различного рода «благотворительных» фондов и религиозных организаций осуществляется именно на территории этих государств» [87]. Так, в конце 1999 г. в Кувейте была создана неправительственная Организация исламского спасения Чечни («Муназзамат аль-игаса ли Шешен»). В официальных реестрах госучреждений страны она первоначально не была зарегистрирована, чтобы не попасть под контроль местных властей. Как утверждалось, в своей деятельности она замыкается на Хаттаба. В задачи организации входил сбор финансовых средств, вербовка наемников и переправка их в Чечню. Маршрут доставки средств проходил через Турцию в Азербайджан, где они передавались представителям чеченских сепаратистов. За одну операцию в течение трех суток удавалось переправлять до 100 тыс. долл. [70]. По данным российских спецслужб, члены другой кувейтской религиозной организации Возрождение исламского наследия («Ихья ат-турас аль-ислами») перечислили на счет «ваххабитского» центра «Кавказ» 40 тыс. долл. [96].

Среди кувейтских неправительственных организаций, которые оказывали финансовую, а также «гуманитарную» помощь сепаратистам в Чечне, в российских спецслужбах указывали на Общество социальных реформ («Social reform society») во главе с Абдаллой аль-Мутауи. Эта организация имела региональное представительство в Грозном, куда

переправлялись наличные деньги из Баку. Кувейтские представители действовали главным образом через Азербайджан, а деньги доставлялись курьерами без особой конспирации, поскольку эти финансовые суммы представлялись как пожертвования в пользу местных общин, школ, мечетей и т.д. [87]. Региональные представительства этой организации в Баку возглавлял некий Ахмад Абу Саид. Деньги, в основном, получала группировка Хаттаба [66]. Как сообщили в тот период агентству «Интерфакс» источники в российских спецслужбах, один из ближайших соратников президента Чечни Ислам Халилов, вернувшись из Кувейта, привез 2 млн. долл., собранных бизнесменами этой и других арабских стран. И.Халилов был приглашен в Кувейт представителем «Исламского центра», который ранее якобы передал в Чечню 11,5 млн. долл. [99]. Кроме того, со ссылкой на разведывательные органы ФРГ появились сообщения о переброске из Кувейта в Чечню 200 тыс. долл. по маршруту Арабские эмираты – Азербайджан – Дагестан – Грозный [87].

В Катаре к проведению кампании по сбору пожертвований для пострадавших и беженцев в Чечне активно подключились пресса, телевидение и радио. Возглавила сбор средств неправительственная организация Благотворительное общество Катара («Джамият Катар аль-хейрийя») под руководством Абдаллы Дабига. К декабрю 1999 г. этой организацией для помощи Чечне было собрано около 8 млн. долл. В марте 2000 г. в катарскую столицу прибыл бывший президент Чечни З.Яндарбиев, приглашенный благотворительным обществом «Ид бен Мухаммед». Чеченский представитель выступил с лекцией в Катарском университете, на которой присутствовали председатель Национального совета по делам молодежи и спорта, председатель упомянутого общества Мухаммед бен ат-Тани, а также послы Боснии, Мавритании и Йемена. В своей лекции на тему «Чеченское видение исламского мира» З.Яндарбиев подверг критике «негативную позицию» руководителей исламских стран. Он фактически обвинил правительства арабских и исламских государств в том, что они боятся России и поэтому не заявляют о своей поддержке борьбы чеченского народа. Кроме того, З.Яндарбиев сообщил, что генеральный секретарь Организации Исламская Конференция (ОИК) И.Лараки, с которым он встречался в Джидде, отклонил его призыв к созыву совещания министров иностранных дел ОИК для обсуждения чеченской проблемы. Следует отметить, что другие страны ССАГПЗ – ОАЭ, Оман – отказались принимать З.Яндарбиева.

С аналогичными пропагандистскими целями чеченские делегации посещали и другие арабские страны. В частности, 20 января 2000 г. в столицу Бахрейна Манаму как гости бахрейнской общественной организации Общество исправления («Джамият аль-ислах») прибыла группа чеченских представителей. Во время своих выступлений главный акцент они сделали на борьбе за свободу отправления ислама. Чеченцы обвиняли русских в том, что они якобы отняли у чеченского народа возможность посвятить себя «распространению религии и пробуждению исламского

сознания». Члены делегации информировали о положении вокруг Грозного и потерях федеральных сил. В результате для чеченцев было собрано 15 тыс. долл. пожертвований, золотые украшения и драгоценности [112].

Власти Объединенных Арабских Эмиратов также проявили внимание к проблеме оказания помощи мусульманам в Чечне. В конце декабря 1999 г. чеченская делегация во главе с министром транспорта И.Лабазановым официально посетила ОАЭ и была принята наследным принцем Дубая министром обороны ОАЭ шейхом М. аль-Мактумом. В ходе визита рассматривались вопросы политической и военной ситуации в Чечне, бедственного положения жителей, оказания гуманитарной помощи, а также возможности размещения на территории ОАЭ чеченских беженцев. Кроме того, под воздействием радикальных кругов в ОАЭ увеличился поток прочеченской пропаганды в средствах массовой информации. В конце января 2000 г. аль-Мактум провел совещание с главами некоторых спутниковых арабских телеканалов («МВС», «Аль-Джазира», «З3»). В своем выступлении министр остановился на форме подачи информации электронными СМИ, подчеркнув, что репортажи о Чечне должны убеждать местную аудиторию в необходимости финансовой и моральной помощи единоверцам [85]. К оказанию материальной поддержки российским «ваххабитам» подключились некоторые финансовые структуры ОАЭ, в частности Исламский банк, возглавляемый чеченцем по национальности Саидом Лута [72].

Особое место среди арабских стран в деле оказания помощи Чечне заняла Иордания. В Королевстве проживает примерно 50 тыс. черкесов и чеченцев – выходцев с Кавказа, бежавших с родины в конце XIX века после кавказской войны и переселенных в эти края правительством Османской империи для борьбы с непокорными бедуинами [48, с. 15-16]. Около 10 тыс. чеченцев, представляющих 33 родовые группы, являются в основном выходцами из Ножай-Юртовского района Чечни и Хасавюртовского района Дагестана). Они проживают в четырех городах: Амман, Сухна, Сувейлих, Зарка (последний считается национальным духовным центром). В Иордании действует ряд северокавказских культурных и гуманитарных чеченских ассоциаций. Достаточно указать на такие из них, как Чеченское благотворительное общество под руководством чеченского шейха Абд аль-Баки Джамо (бывший министр по делам парламента Иордании) и Общество друзей Чечено-Ингушетии под руководством Саида Бено (бывший министр общественных работ Иордании, его родственник – Салих Бено – возглавляет службу безопасности Аммана). По мнению обозревателей, эти ассоциации ведут сбор информации о Российской Федерации, включая Чечню [105, 106].

Последнее обстоятельство служит возможной причиной того, что деятельность чеченской диаспоры в Иордании в поддержку Чечни часто отождествляется с участием Иордании в северокавказском конфликте. В литературе уже отмечалось, что, например, участвовавшие в боевых действиях в Чечне 1994-1996 гг. выходцы из Иордании были именно иордано-чеченцами, а не арабами [18, с. 182]. Вместе с тем радикальные ислам-

ские круги в Иордании приняли участие в сборе средств для Чечни. В середине января 2000 г. в пригороде г.Аммана – Сувейлехе, населенном преимущественно выходцами из Северного Кавказа, состоялся массовый «фестиваль солидарности с Чечней», организованный иорданскими «Братьями-мусульманами» и упомянутым Обществом друзей Чечено-Ингушетии. В ходе митинга проводился сбор пожертвований в пользу чеченцев. В процессе проведения этого мероприятия один из лидеров местной ассоциации «Братьев-мусульман» А.Арабият охарактеризовал Чечню как один из плацдармов «мирового джихада», «лагерь воинов ислама», окончательная победа которых не вызывает сомнений. Всего иорданское отделение международной Ассоциации «Братья-мусульмане» с начала 1999 г. собрало для Чечни около 20 млн. долл. Координировал эту работу глава шариатского суда Ичкерии Абу Умар, иорданец по происхождению. Деньги поступали в Баку в офис неправительственного фонда «Аль-Харамейн», а затем в Чечню. За один раз осуществлялась перевозка примерно 100 тыс. долл. Наличную валюту курьеры доставляли в Чечню горными тропами через Грузию [96]. Информация о сборе в Иордании 20 млн. долл. на нужды чеченских боевиков подтверждалась представителями МИД России [108].

В Йеменской Республике также отмечалась активизация радикальных исламских кругов в поддержку чеченских сепаратистов. Как уже отмечалось ранее, в силу внутривнутриполитических и социально-экономических причин (сепаратизм шейхов крупных племенных конфедераций, кризис официальной идеологической доктрины, тяжелое экономическое положение в южных провинциях) власти Йемена не могут в полной мере контролировать деятельность местных и приезжих исламистов [78]. Кампанию по сбору финансовых средств для чеченцев развернули представители йеменского Объединения в защиту реформ («Аль-Ислах»). За первые десять месяцев 1999 г. «ислаховцами» было собрано около 4,5 млн. долл., которые поступили на личный счет йеменского шейха Абд аль-Маджида аз-Зиндани [85]. С августа 1999 г. в йеменских городах Сане, Мукалле, Иббе, а также в провинциях Лахедж и Махра начали функционировать пункты, где чеченские эмиссары вели пропагандистскую работу и сбор пожертвований, которые через Исламский банк переправлялись в Саудовскую Аравию, а затем в Чечню. Финансовую поддержку чеченским сепаратистам оказывала также йеменская Международная благотворительная организация (руководитель – Исмаил Али Салех), Международная исламская организация (зарегистрирована в США, глава – йеменец Ахмед Ясни). Согласно учредительным документам, все они занимались исключительно проповедью, строительством мечетей и медресе и организацией паломничества из республик Северного Кавказа в Мекку [96].

В связи с событиями на Северном Кавказе в Ливане отмечалась главным образом поддержка чеченских сепаратистов со стороны неправительственных религиозно-политических группировок. В сентябре 1999 г. эмиссары Басаева и Хаттаба побывали в контролируемом исламистами

лагере Айн Хелук, где договорились с его руководством об оплате подготовки боевиков для ведения боевых действий в Чечне. Шейх Тахер Махмуд аль-Муршиди, создатель и глава террористической группировки «Бригады Халеда аль-Истамбули» (по имени организатора успешного покушения на президента Египта Анвара Садата в 1981 г., повешенного впоследствии египетскими властями), выделил в распоряжение чеченских эмиссаров группу наемников, переброской которых через Ливан в Ичкеррию должен был заняться один из руководителей «Исламской армии Кавказа» Багауддин Дагестани [87]. В сентябре 1999 г. в Дамаске состоялась встреча группы арабских «афганцев» из числа сирийских граждан с прибывшим из Аммана представителем радикальных исламских кругов Иордании Шаманом Хаму, которому в качестве пожертвований передано для ведения джихада на Кавказе 48 тыс. долл. США.

Рассматривая попытки получения чеченцами финансовой помощи от арабских стран в 1999-2000 гг. на правительственном уровне, можно предположить, что они были безуспешными. Косвенным подтверждением этого может служить заявление находившегося в Катаре З.Яндарбиева, который вынужден был признать: «До сих пор ни в одной исламской стране мы не встретили поддержки, на которую рассчитывали» [91]. В целом, оценивая факты поступления финансовых средств в Чечню от частных лиц и представителей исламских организаций, расположенных на территории арабских стран, следует признать, что благодаря мерам, принятым их властями, официальными религиозными учреждениями, правоохранительными органами и представителями общественно-политических кругов, эти случаи в период 1999 – 2000 гг. носили ограниченный характер. Вместе с тем необходимо отметить, что зачастую эти меры принимались только после соответствующих дипломатических демаршей Москвы.

Проблемой, гораздо более сложной, чем контроль за финансовыми потоками, стали для властей арабских государств вопросы недопущения участия своих граждан, а тем более проживающих за рубежом выходцев из своих стран в боевых действиях на Северном Кавказе. Суть вопроса состоит в том, что власти некоторых арабских государств могут только в относительной мере владеть ситуацией вокруг прибытия и проживания на своей территории членов религиозно-политических экстремистских организаций. В частности, как уже говорилось, правоохранительные органы Йеменской Республики не имеют возможности противодействовать «покровительству», которое оказывают шейхи крупнейших племенных объединений лицам, находящимся на их территории. К числу таких лиц можно отнести арабских «афганцев», часть из которых продолжает принимать участие в событиях в Афганистане и других «горячих точках». К этому следует добавить эмигрантов из арабских стран, где власти осуществляли борьбу с исламистами (Алжир, Египет, Саудовская Аравия, Сирия, Тунис и др.), которые проживают за рубежом и ведут активную политическую и организационную деятельность. Кроме того, существует определенное число натурализовавшихся в Европе (например, Великобритании, Франции, Голландии, Дании и др.)

выходцев из арабских стран, которые занимаются миссионерской деятельностью, являясь при этом представителями неправительственных религиозных организаций (например, «Ат-Таблиг»).

Определенное число исламских миссионеров-арабов прибыло в свое время на Северный Кавказ, добросовестно заблуждаясь в отношении характера происходящих там событий. Позднее, разочаровавшись в целях своего приезда, они предпринимали попытки покинуть районы боевых действий, но оказались заложниками создавшейся ситуации, поскольку прибыли в Россию в обход официальных властей. В то же время отмечались случаи непосредственного участия некоторых «проповедников» в деятельности бандформирований. Так, 17 марта 2000 г. в селении Гойты российская контрразведка задержала гражданина Ирака по имени Абд аль-Азиз Мухаммед Абд аль-Ваххаб, дезертировавшего из армии в ходе войны в Персидском заливе и перебравшегося в Данию, где он получил политическое убежище. В июле 1998 г. аль-Ваххаб вылетел в Турцию, а оттуда в Грузию, далее – в Чечню. В рядах боевиков он выполнял роль муфтия, благословляя похищения женщин, убийства единоверцев, пытки и т.п. [67].

Первые сообщения об участии наемников – выходцев из арабo-мусульманских стран стали появляться в связи с событиями в Дагестане. Утверждалось, что в числе боевиков, вторгшихся в Дагестан, были отмечены так называемые «добровольцы» из Афганистана, Пакистана, Турции, Египта, Иордании, Саудовской Аравии, Йемена и ряда других мусульманских стран. Иностранные наемники, имея опыт ведения боевых действий, проходили дальнейшую подготовку в специальных тренировочных лагерях в Афганистане и Пакистане. Кроме того, в СМИ, со ссылкой на сотрудников УФСБ по Республике Дагестан, сообщалось о том, как выходцы с Арабского Востока при финансовой поддержке экстремистских сил из Египта, Турции, Афганистана, Кувейта, Ирана, Пакистана, Саудовской Аравии, Судана и Марокко готовят боевиков в Чечне [54]. Ситуация с участием иностранных боевиков в действиях против федеральных сил на Северном Кавказе усугублялась тем, что в Чечне долгие годы на поток была поставлена незаконная выдача российских паспортов наемникам. Еще в 1993 г. Ичкерия получила 25 тыс. чистых бланков паспортов. Потом их количество постоянно пополнялось. В числе тех, кто получил российские документы, сотрудники российских правоохранительных органов называли граждан Алжира М.Табуша и А.Абута, подданных Саудовской Аравии Али Абдуррахмана и Хамзалла, которые таким образом получили новые имена и фамилии. В СМИ делалось предположение, что данное обстоятельство могло быть использовано для создания в России разведывательно-диверсионной сети [90].

По данным российской печати, наемники из стран Ближнего Востока прибывали через надежно действующие «окна» на российско-грузинской границе [70]. Например, в начале августа 1999 г. из Боснии и Герцеговины в Чечню прибыли почти легально два отряда наемников. Их возглавляли иеменец Абу Зубейр и босниец Хендель. Позже таких отрядов было

сформировано несколько. Их возглавили египтяне Абу Ахмед и Абу Айман, алжирец Абу аль-Маали, тунисец Абу Хамза, палестинцы Абу Усама и Абу Али, саудовец Шейх Надир, иорданец Абу Ахмад, босниец Пезо (псевдонимы). По сообщениям Министерства обороны России, только за октябрь 1999 г. в район боевых действий прибыло до 300 наемников из стран Ближнего Востока [90]. Значительную часть членов этих формирований составляли выходцы из арабских стран, которые у себя на родине находились в розыске за совершение уголовных преступлений. Финансирование вербовки и отправки наемников осуществляли мусульманские организации Исламский фонд Двух Святынь («Аль-Харамейн») и Объединение мусульманской боснийской молодежи [90].

Судя по появлявшимся в то время сообщениям, вербовка и подготовка «добровольцев» была развернута главным образом в арабских странах с относительно благоприятными для деятельности исламистов условиями. В Йемене при поддержке представителей «Аль-Ислах» с середины августа 1999 г. в городах Сане, Мукалле, Иббе, а также в провинциях Лахедж и Махра начали действовать пункты вербовки наемников для участия в боевых действиях на Северном Кавказе. Каждому было обещано вознаграждение в 100 долларов в день [87]. Отмечалось, что военные инструкторы, представляющие радикальное крыло «Аль-Ислах», вербуют добровольцев из войск специального назначения, которым предлагают «немного пострелять и хорошо заработать». Рекруты группами по несколько человек рейсовыми самолетами отправлялись в Иорданию, затем попадали в Грузию, где их встречали чеченские эмиссары и на автобусах везли в горные районы [91]. В этой связи указывалось также, что обучение завербованных добровольцев организовано на базе лагерей боевиков на территории Йемена с привлечением инструкторов, имеющих опыт боевых действий в Афганистане и Югославии [85].

Прибывавшие нелегально в Чечню наемники, арабы по национальности, не только принимали непосредственное участие в боевых действиях, но и выступали в качестве инструкторов и командиров подразделений чеченской Исламской армии «Кавказ» [63]. Как сообщал на пресс-конференции первый заместитель начальника Оперативно-розыскного управления ФСБ России А.Шагако, организаторы и исполнители взрывов в Москве, Волгодонске и Буйнакске в различное время проходили подготовку на территории Чечни в учебном центре «Кавказ», организованном Хаттабом [101]. Пока российские войска не заняли основную часть Чечни, в распоряжении Хаттаба, специалиста по минно-взрывному делу, имелся так называемый «Исламский институт Кавказа» (ИИК). В институте было 40 преподавателей из числа афганцев и арабов и 160 слушателей, которые в течение двух месяцев изучали арабский язык и религиозные дисциплины. Все «студенты» института обучались в военизированном лагере «Саид ибн Абу Вакас». Часть выпускников направлялась для продолжения учебы в Пакистан и Турцию. Финансирование осуществляли некоторые мусульманские организации и частные фонды Саудовской Аравии,

ОАЭ, Катара, Иордании, Турции. Военная подготовка боевиков в Чечне велась и в других лагерях Хаттаба. Туда попадали практически все иностранные наемники, а не только те, кто желал получить образование в ИИКе. Основная база Хаттаба находилась на территории бывшего пионерского лагеря в районе населенного пункта Сержень-Юрт на левом берегу реки Хулхулау. Там располагалось семь учебных лагерей. Каждый назывался именем руководителя и имел свою специализацию. Так, в центральном «Хаттаб-лагере» постоянно проходили подготовку 100 иностранных наемников и несколько чеченцев. Они становились специалистами минно-взрывного дела. «Абу Джафар-лагерь» делал упор на обучении методам ведения партизанской войны и стрелковой подготовке. «Якуб-лагерь» учил курсантов обращаться с тяжелым вооружением. Специализацией «Абу Бакр-лагеря» являлась подготовка диверсантов и террористов. «Давлат-лагерь» готовил профессионалов психологической войны и идеологической пропаганды [90].

Отличительной особенностью получивших такую подготовку арабских боевиков, повышающей их неуязвимость, стала способность к изменению тактики боевых действий в зависимости от активности подразделений федеральных сил. Если чеченские полевые командиры (А.Масхадов, А.Бараев, Р.Гелаев) открыто демонстрировали свои возможности в противостоянии федеральным силам, стремясь захватить или уничтожить военный объект, населенный пункт, то боевики Хаттаба уклонялись от прямых боевых столкновений, скрыто передвигались по территории освобожденных районов и совершали диверсионно-террористические акции на тыловых коммуникациях.

Следует отметить, что освещение в российских СМИ событий на Северном Кавказе и интерпретация фактов возможной причастности к ним арабов вызвали серьезные претензии со стороны официальных представителей арабских государств. Возражения арабской стороны вызывали, в первую очередь, ошибочные ссылки на национальную принадлежность боевиков (например, иорданские чеченцы). По мнению арабских дипломатических кругов, такое положение является следствием безответственного подхода части российских СМИ, которые в погоне за сенсацией часто бездоказательно тиражируют версию о якобы широкомасштабном участии представителей арабских стран в боевых действиях в Чечне на стороне сепаратистов. При этом, по их мнению, у российского обывателя создается впечатление о чуть ли не «государственной поддержке» арабскими странами чеченского экстремизма, а у наименее психологически устойчивой части населения России грозит перерасти в арабофобию (исламофобию). Вместе с тем анализ положения, которое складывается вокруг, условно говоря, «арабского фактора» в нашей стране, показывает, что процессы распространения идей «радикального» ислама в России уже не могут рассматриваться вне рамок влияния конкретных стран Арабского Востока на развитие религиозно-политической ситуации в нашей стране.

2. Саудовская Аравия и события на Северном Кавказе

Происходившие во второй половине 90-х годов события на российском Северном Кавказе, особенно после начала контртеррористической операции в Чечне в 1999 г., стали серьезным испытанием для «исламской составляющей» внешне- и внутривнутриполитического курса Эр-Рияда. Добившись создания в предшествовавшие годы определенных позиций в российском исламе, саудовцы оказались перед угрозой резкого изменения ситуации, когда нужно было решать задачу со многими неизвестными. С одной стороны, в рассматриваемый период Эр-Рияд настойчиво стремился отгородиться от политического и религиозного экстремизма, направленного, в том числе, и против нынешнего саудовского режима и препятствующего сохранению ведущих позиций Саудовской Аравии в исламском мире. С другой стороны, выступая в роли защитника мусульманских народов, правящая династия вынуждена была реагировать на любые факты притеснения мусульман, особенно когда велись вооруженные действия против единомышленников, сопровождавшиеся к тому же жертвами среди мирного населения.

В этих условиях поддержать чеченцев на официальном уровне означало бы для Эр-Рияда ослабить позиции собственных местных исламских радикалов и одновременно испортить отношения с Россией. Это неминуемо повлекло бы за собой ответные меры российских властей по ограничению саудовского влияния в российских мусульманских общинах, что привело бы к потере всего приобретенного в предшествующий период ценной значительных временных и материальных затрат, а также политических, дипломатических, организационных и иных усилий. В то же время этот путь способствовал бы повышению авторитета Саудовской Аравии во влиятельных радикальных исламских кругах арабских стран, но затем грозил бы повторением «афганского варианта» 80-х годов, то есть прошедшие боевую и идейную закалку уже арабские «чеченцы» пополнили бы ряды саудовских исламских радикалов.

Как показало развитие событий на Северном Кавказе, Эр-Рияд в конечном счете все-таки оказался заложником собственной внутривнутриполитической ситуации. Официально саудовское руководство неоднократно и на различных уровнях заявляло о том, что оно рассматривает происходящее в Дагестане и Чечне как внутреннее дело России, подчеркивая недопустимость вмешательства извне. При этом Эр-Рияд никогда не ставил под сомнение территориальную принадлежность Чеченской Республики российскому государству, а также суверенное право Российской Федерации положить конец деятельности сепаратистов.

Не удалось сломить такой подход и побывавшему на хадже в Саудовской Аравии в 1997 г. А.Масхадову. Не найдя искомой поддержки у саудовского истеблишмента, он в дальнейшем перенес акцент на контакты с другими мусульманскими странами, стал демонстрировать свое неприятие «ваххабизма», хотя ранее делал реверансы в сторону саудов-

цев и местных почитателей этого течения, к которым относятся З.Яндарбиев и М.Удугув. Его последующее прибытие в Мекку на хадж в 1999 г. не повлияло на характер отношений с саудовским королевством [68, с. 56]. Только после резкого обострения ситуации в декабре 1999 г., связанного с блокадой Грозного федеральными войсками, саудовское руководство дало понять Москве, что российскому правительству следует искать пути сближения с Масхадовым, а не отталкивать его в ряды экстремистов, поскольку это ведет к затягиванию кризиса в регионе и обостряет проблему беженцев.

Причины такого подхода официального Эр-Рияда к силовым действиям российских федеральных войск в Чечне кроются в особенностях саудовской внешней и внутренней политики. Существование позиции Саудовской Аравии по чеченскому вопросу сводилось к следующей формуле: дистанцироваться от событий на Северном Кавказе и не осложнять отношения с Россией, но при этом продемонстрировать решимость в деле «защиты мусульман». Этим целям, в первую очередь, служила риторика в пользу моральной солидарности с чеченскими мусульманами, политического невмешательства и готовности оказания гуманитарной помощи. В то же время, несмотря на все политические усилия Москвы, а также собственных прагматиков, руководство Саудовской Аравии уходило и от критики в адрес чеченских экстремистов, которые пытались оправдать свою деятельность исламскими и национально-освободительными лозунгами. В результате стало складываться впечатление, что в создавшихся условиях такой двойственный подход стал наиболее оптимальной позицией для правящего дома Саудидов. Однако, как оказалось на деле, этот дуализм разделялся не всеми членами королевского семейства. Для части из них «исламская составляющая» стала все же выше государственного прагматизма. Более того, исламский фактор всегда выступал однозначно приоритетным для стоящей на позициях радикального фундаментализма части священнослужителей, которые традиционно оказывают большое влияние на общественное мнение страны.

Динамика вовлечения Саудовской Аравии в события на Северном Кавказе стала все больше определяться борьбой между собственными умеренными прагматиками и религиозными радикалами. Основным каналом, по которому саудовцы вольно или невольно втягивались в чеченский кризис, стала исламская гуманитарная помощь, которую они в силу обязательных происламских внешнеполитических установок не могли не оказывать. С начала контртеррористической операции в Дагестане и Чечне саудовские власти в лице своих официальных представителей неоднократно делали заявления о намерении сотрудничать с российскими властями с помощью органов в деле оказания гуманитарной помощи беженцам из этих двух республик. Придание этому вопросу государственного уровня произошло в октябре 1999 г., когда вице-президент «Программы короля Фахда по оказанию помощи мусульманам Чечни» при министерстве по делам ислама Королевства Маджид Турции заявил о внесении в

Совет министров предложения об оказании гуманитарной помощи этой категории лиц. При этом имелось в виду направить на Северный Кавказ во взаимодействии с Комиссариатом ООН и МЧС России медикаменты, одежду и палатки.

Однако в дальнейшем вопросы оказания саудовской гуманитарной помощи беженцам на Северном Кавказе стали все больше приобретать политический характер. Причиной этого были попытки саудовских подданных инициативно, минуя правительственные структуры, осуществить сбор и направление финансовых средств в Чечню. В свое время премьер-министр Саудовской Аравии в беседе с бывшим министром внутренних дел России С.Степашиним особо подчеркнул, что у него на родине сбор любых пожертвований по линии частных лиц категорически запрещен [72]. Несмотря на это, начиная с октября 1999 г., проповедники некоторых мечетей в Эр-Рияде, Мекке и Джидде стали призывать верующих принять участие в сборе пожертвований в пользу беженцев из Чечни. При этом желающие могли воспользоваться услугами «Раджи Банка», который предлагал перечислить деньги на счет любого благотворительного фонда с указанием цели и предназначения сбора.

Развернувшаяся в королевстве кампания по сбору пожертвований для чеченских беженцев, в свою очередь, послужила катализатором для роста антироссийских настроений в самом саудовском обществе. Она также спровоцировала экстремистские заявления среди студентов исламских университетов Мекки и Медины – выходцев из республик Центральной Азии. Часть из них выдвинула лозунги «борьбы с российским колониализмом». В саудовской прессе стали звучать заявления религиозных авторитетов о том, что «мусульмане не должны поддаваться на лживую пропаганду, которая изображает варварские действия российской армии как борьбу с терроризмом, но обязаны оказывать материальную помощь чеченцам и открыто молиться за них». При этом подчеркивалось, что «тот, кто помогает нашим братьям своим имуществом и молитвой, может считаться участником их джихада» [41].

Создание соответствующих антироссийских настроений среди саудовского истеблишмента происходило под нажимом со стороны чеченских сепаратистов. Последние достаточно умело пытались использовать двойственность позиции Саудовской Аравии для получения материальной поддержки. При этом давление оказывалось ими как на официальный Эр-Рияд, так и на местных радикалов. В свою очередь, исламские экстремистские организации Ближнего и Среднего Востока также стали объектом повышенного внимания чеченских сепаратистов. Используя паломничество к мусульманским святыням на территории Саудовской Аравии, чеченские представители неоднократно пытались провести негласные переговоры с руководителями исламских организаций радикального толка. В ходе консультаций они настаивали на предоставлении чеченцам материальной помощи, а также оказании поддержки в создании «правительства Чечни в изгнании». Так, по сообщениям СМИ, представитель

президента Ичкерии З.Яндарбиев посетил Саудовскую Аравию (а также ОАЭ, Катар и Пакистан) с целью добиться от радикальных исламских организаций финансирования и переброски в Чечню подготовленных в спецлагерях на территории Афганистана боевиков [71].

Судя по тем же источникам, соответствующие заявления о желании помочь чеченским полевым командирам были сделаны в экстремистски настроенных кругах Саудовской Аравии, а также Иордании, Турции, Кувейта, ОАЭ [84]. По некоторым сведениям, с начала боевых действий на территории Дагестана отдельные исламские экстремистские организации, в том числе из Саудовской Аравии и других арабских стран, активизировали деятельность по консолидации «ваххабитов» Северного Кавказа и Средней Азии. Подтверждением этому служит тот факт, что в начале сентября 1999 г. по их инициативе в г. Карачи (Пакистан) под председательством Хаджи Саббаха Али (подданный Саудовской Аравии) прошло совещание лидеров исламских экстремистских организаций стран Ближнего Востока и Центральной Азии с участием представителей «ваххабитов» Северного Кавказа. Участники совещания якобы высказались за продолжение политики развала российской государственности с использованием исламского фактора путем расширения повстанческой базы на Северном Кавказе [108].

Положение в Чечне и Дагестане стало одной из тем для обсуждения в ходе встреч представителей исламских экстремистских группировок, которые организовывались на территории Саудовской Аравии. Например, в конце ноября 1999 г. в городах Мекка и Медина состоялись встречи представителей радикальных исламских организаций из Турции, Афганистана, Пакистана, Йемена, Ливана, Египта, Иордании, стран Персидского залива, а также членов экстремистских группировок из Узбекистана, Азербайджана и Чечни. Центральное место в ходе проведенных консультаций занял вопрос о выработке совместных действий в поддержку «мусульман Чечни». В частности, указывалось на необходимость применения чеченскими боевиками новой тактики в противостоянии российским войскам: перенести боевые действия с территории Чечни и Кавказа вглубь России. Участники совещания предполагали получить согласие властей Саудовской Аравии на проведение благотворительными ассоциациями королевства кампании по сбору пожертвований в пользу чеченских «моджахедов», изготовление рекламной продукции для распространения в период рамадана. Участниками встречи был сделан заказ организации «Аль-Игаса» на издание ряда книг, листовок, прокламаций и брошюр с призывами к паломникам принять участие в упомянутой кампании. Кроме того, появлялись сообщения о том, что «Аль-Игаса» и «Аль-Муатамар аль-исламай» (Исламский конгресс) собрали в Саудовской Аравии, Кувейте и ОАЭ несколько миллионов долларов для финансовой поддержки исламских экстремистов в Таджикистане и на Кавказе. В свою очередь, египетское отделение «Аль-Игасы» взяло на себя хлопоты по отправке на лечение и реабилитацию боевиков. Известно, что в августе 1999 г. при его содей-

ствии из Чечни и Дагестана были вывезены 13 тяжело раненых сепаратистов для исцеления в Италии. Отмечалось также, что «Аль-Игаса» занимается обеспечением Чечни кадрами медицинских работников [87].

Эта информация находила свое подтверждение в России. Так, Управление ФСБ России по Дагестану обнаружило документы, доказывающие, что зарубежные организации финансировали религиозных экстремистов на Северном Кавказе. Начальник этого управления огласил на пресс-конференции содержание расписок экстремистов в получении денег из Саудовской Аравии и Кувейта. По его словам, было установлено, что закрытый теперь исламский центр «Кавказ» в Махачкале получал деньги от зарубежных спонсоров «для пропаганды идей ваххабизма». В числе получателей был и организатор нападения чеченских бандформирований на Цумадинский район Дагестана Багауддин Магомедов [105]. Некоторые саудовские гуманитарные организации, действующие в соседних странах СНГ, также были замечены в оказании содействия чеченским сепаратистам. Например, расположенное в Баку отделение благотворительного фонда «Ан-Наджда» (Помощь) со штаб-квартирой в Саудовской Аравии осуществляло непосредственное содействие эмиссарам и боевикам из арабских стран при их нелегальном проникновении в Дагестан и Чечню через Азербайджан (в частности, через Закатальский район) [87].

Пожалуй, наибольший резонанс в связи с чеченскими событиями вызвало разоблачение органами ФСБ России противоправной деятельности Международной исламской благотворительной организации Исламский фонд Двух Святынь («Аль-Харамейн») со штаб-квартирой в Саудовской Аравии [122]. Эта организация в свое время была создана для поддержки моджахедов в Афганистане. Генеральным директором «Аль-Харамейна» является шейх Акиль бен Абд аль-Азиз аль-Акиль. Фонд имеет представительства в Албании, Хорватии, Косово, Пакистане, Бангладеш, Кении, Сомали, Грузии и Азербайджане. В 1995 г. его активисты были высланы из Македонии за причастность к вербовке и переброске наемников в Боснию. В 1998 г. было закрыто отделение «Аль-Харамейн» в Кении и арестовано десять его функционеров в связи с делом по взрыву на автостоянке рядом со зданием посольства США. Известно, что чеченский полевой командир Р.Гелаев в период прохождения боевой подготовки в одном из учебных лагерей в Пакистане вел переговоры с представителями «богатых арабских фондов, в частности, «Аль-Харамейн»» [60].

По данным российских СМИ, в 1997 г. эта организация оказывала активную финансовую поддержку дагестанским религиозно-экстремистским группировкам ваххабитов, которые ставили перед собой задачу свержения существующего в республике конституционного строя и создания на территории Дагестана «исламского государства» с одновременным выходом из состава Российской Федерации. Через бакинский филиал «Аль-Харамейна» в один из главных центров ваххабизма в Дагестане, размещавшийся в г.Махачкале и с.Кармахи Буйнакского района (исламский центр «Кавказ»), поступали крупные суммы иностранной валюты. Кроме

того, организация «Аль-Харамейн» создала новый фонд в поддержку Чечни – «Foundation Regarding Chechnya», филиал которого в конце 1999 г. открылся в Азербайджане и пользовался услугами банка «Аль-Барака». Фонд направил в приграничные с Чечней районы 25 «операторов», занимавшихся налаживанием снабжения бандформирований. Несмотря на то, что официально эти финансовые средства направлялись с целью использования в религиозных мероприятиях по проведению мусульманских праздников, фактически они расходовались на нужды чеченских и дагестанских незаконных вооруженных формирований (приобретение оружия, обмундирования, медикаментов, систем связи, автотранспорта и выдача денежного довольствия). Кроме того, часть получаемых финансовых средств от благотворительных сборов шла на личные счета за рубежом командиров боевиков, в том числе Э.Хаттаба и Ш.Басаева [95].

Определенное изменение позиции Эр-Рияда стало заметно в декабре 1999 г. после окружения Грозного федеральными войсками. Блокада чеченской столицы и обращение командующего федеральными войсками к ее жителям с предложением покинуть город в связи с планирующей военной операцией вызвали негативную реакцию среди саудовцев. Верховный муфтий Саудовской Аравии распространил заявление с критикой российской линии в отношении Чечни и призвал население к сбору пожертвований в пользу вынужденно перемещенных лиц. В проповедях и мечетях по случаю наступления месяца «рамадан» повсеместно звучала чеченская тематика. В некоторых саудовских СМИ стали проводиться некорректные сравнения с блокадой Ленинграда во время Отечественной войны. При этом подчеркивалось, что «исламский мир уже высказался против расчленения России, но он решительно отвергает войну на полное уничтожение» [118]. В прессе стали появляться материалы антироссийской направленности. Особый резонанс вызвало интервью с «официальным представителем Республики Чечня» Абд ар-Рахманом Дия ад-Дином аш-Шишани (чеченский выходец из Иордании, в течение многих лет занимавшийся бизнесом в Саудовской Аравии) [120]. Немногим ранее саудовцы приняли решение заморозить переговоры с российскими фирмами, включая «Росвооружение». Кроме того, на фоне северокавказских событий в Саудовской Аравии стало меняться отношение к совершающим хадж российским гражданам. Организаторы встречи и приема гостей начали подчеркнуто уважительно вести себя, главным образом с чеченцами, которых представляли остальным паломникам как истинных мусульман и патриотов веры.

Нагнетанию определенными саудовскими кругами антироссийских настроений способствовало распространенное 16 декабря 1999 г. заявление саудовского правительства в отношении событий в Чечне. В нем, в частности, высказывалось решительное осуждение планов ввода федеральных войск в Грозный. Впервые за все время военной кампании официальный Эр-Рияд выступил с отдельным документом по чеченской проблеме. Этот демарш временно ослабил давление на власти со стороны

местных фундаменталистов, а также панисламистских кругов, критиковавших «пассивную» линию королевства в связи с событиями на Северном Кавказе. Тем не менее, саудовцы не прекратили контакты с МЧС России в целях оказания гуманитарной помощи беженцам.

Был образован специальный межведомственный комитет по оказанию гуманитарной помощи Чечне, который возглавил уже упоминавшийся М.Турки. Кроме того, больше под давлением собственных радикалов, чем это было вызвано реальной необходимостью, в ночь с 25 на 26 декабря по инициативе министра внутренних дел Наифа Совместным комитетом помощи Косово и Чечне и Первым каналом телевидения Королевства была проведена пятчасовая передача по Чечне (телемарафон) с использованием космических средств связи. Данное мероприятие позволило официальному Эр-Рияду продемонстрировать солидарность с проблемами чеченского народа перед лицом собственной общественности, а также на региональном и международном уровнях. В ходе телемарафона было собрано более 12 млн. долл. пожертвований, из которых 5 млн. внес король Фахд. Им же в мае 2000 г. было дано указание направить в Чечню два транспортных самолета с грузами для беженцев.

События на Северном Кавказе были использованы руководством Саудовской Аравии для укрепления своих внешнеполитических позиций, в первую очередь среди исламских стран. В этих целях саудовское руководство стало предпринимать активные дипломатические усилия, стремясь мобилизовать мусульманские страны на «защиту Чечни от российской агрессии». Для этого ими использовались наиболее признанные и авторитетные международные мусульманские объединения – Организация Исламская Конференция (ОИК) и Всемирная исламская лига (ВИЛ). Саудовцы стремились к тому, чтобы председательствующий в ОИК Тегеран согласился на включение в повестку дня саммита обсуждение чеченского вопроса, а также организацию соответствующих официальных демаршей ОИК. Саудовцы пытались также побудить генсека ОИК А.Лараки выступить от имени этой организации с осуждением действий России на Северном Кавказе. При активном участии саудовских представителей 25 ноября 1999 г. в ходе очередной сессии в Рабате (Марокко) Исполнительного комитета Исламской организации по образованию, науке и культуре (ИСЕСКО) при ОИК была принята резолюция об осуждении России за ее деятельность по подавлению сепаратистов в Чечне. В ней говорилось, что ИСЕСКО призывает исламский мир оказать на Россию давление легальными методами, чтобы она «прекратила свою агрессию». В январе 2000 г. министр иностранных дел Саудовской Аравии С.Фейсал направил через генсека ОИК А.Лараки обращение к министрам иностранных дел исламских государств, в котором высказался за коллективное осуждение анти-террористической операции федеральных войск.

Тогда же в Джидде на заседании Комитета экономического сотрудничества ОИК было принято решение с осуждением линии России в Чечне. Комитет предложил Генеральному секретариату ОИК подготовить доклад

о проделанной работе по чеченской проблематике, а также разработать комплекс мер по оказанию помощи чеченцам. Несмотря на усилия саудовской стороны, ОИК в тот период продемонстрировала сдержанную позицию по Чечне и не предприняла активных действий в антироссийском направлении, ограничившись призывами к Москве «найти мирный путь урегулирования и способы облегчения положения беженцев». Вместе с тем по решению Генерального секретариата ОИК Исламский банк развития (ИБР) выделил 1 млн. долл. на оказание гуманитарной помощи беженцам из Чечни.

В свою очередь Всемирная исламская лига (ВИЛ) практически с самого начала чеченских событий взяла на себя роль организатора антироссийской кампании в мусульманских странах. В декабре 1999 г. Генеральный секретарь ВИЛ А. аль-Обейд выступил с осуждением намерения федеральных сил по захвату Грозного. Он призвал международное сообщество оперативно отреагировать, чтобы не допустить развития событий по такому сценарию. Для этого аль-Обейд обратился от имени ВИЛ к Генеральному секретарю ООН, а также в адрес ОБСЕ. Имея своего представителя в Грозном, от которого ежедневно поступали сводки с тенденциозной информацией о событиях в Чечне, ВИЛ располагала возможностями по рассылке этих сведений всем исламским организациям мира с соответствующими комментариями и рекомендациями по противодействию политике России на Северном Кавказе. Именно таким образом было растиражировано обращение «Исламской шуры Чечни» к Генеральному секретарю ВИЛ А. аль-Обейду с призывом оказать срочную помощь «маленькому народу, противостоящему российскому агрессору». Аль-Обейд довел заявление шуры Чечни до правительственных структур Королевства и международных исламских организаций, включая ОИК. В отличие от ОИК, которая направляла финансовые средства через Исламский банк развития и под контролем его представителей, ВИЛ стремилась оказывать гуманитарную помощь непосредственно чеченским «моджахедам» через Грузию.

Предоставление помощи чеченцам со стороны саудовских национальных и международных исламских организаций стимулировало активность боевиков на Северном Кавказе и в прилегающих странах. В конце 1999 г. возрос поток обращений подданных Саудовской Аравии (а также граждан Сирии, Йемена и других арабских стран) в грузинское посольство в Турции за получением въездных виз. В свою очередь, российские власти проявляли обеспокоенность тем, что этот канал может быть использован для проникновения в Чечню представителей исламских экстремистских организаций из стран Арабского Востока. Ранее вполне легально под видом паломников из Саудовской Аравии через территории Иордании, Сирии, Турции, Азербайджана в отряды Хаттаба проникали боевики различных международных исламских экстремистских организаций (через КПП «Яраг-Казмаляр» на российско-азербайджанской границе). По данным Духовного управления мусульман Дагестана, в 2000 г. планировалось отправить в Саудовскую Аравию в хадж порядка 7 тысяч человек (подавляющее боль-

шинство – автомобильным транспортом). Вместе с тем, как сообщило в то время Управление ФСБ России по Дагестану, не исключено, что под видом паломников пределы страны попытаются покинуть члены незаконных вооруженных формирований, в том числе и их лидеры [123].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что в период проведения контртеррористической операции в Дагестане и Чечне Саудовская Аравия оказалась в центре внимания российской общественности и СМИ как наиболее значительное арабо-мусульманское государство, косвенно вовлеченное в этот конфликт. В известной мере этому способствовала двойственность внутри- и внешнеполитической линии правительства Саудовской Аравии. Эта двойственность возникла в результате давления, оказываемого на правящие круги королевства и собственной религиозной оппозицией, и необходимостью координации своего курса с линией Запада по чеченскому вопросу.

3. Арабо-мусульманский фактор в странах Запада и положение на Северном Кавказе

Ситуация на Северном Кавказе и – особенно – ее исламский аспект вызвали большой резонанс не только в мусульманских странах Востока, но и в государствах Запада. Определяя свое отношение к чеченскому вопросу, ведущие страны НАТО не могли игнорировать особенности позиций государств Ближнего Востока и Северной Африки, важных для Западной Европы и США в геополитическом отношении. Как уже отмечалось, власти ряда западноевропейских государств традиционно прибегают к практике «заигрывания» с радикальными исламскими организациями в целях предотвращения экстремистских действий против своих стран и объектов за рубежом.

Кроме того, в 90-е годы на формирование долгосрочной политики западноевропейских государств стали оказывать существенное влияние демографические изменения, вызванные значительным притоком эмигрантов из афро-азиатских стран и ростом рождаемости среди этнических мусульман. Политика в области социального планирования стала осуществляться с учетом возможного превращения в XXI в. в некоторых европейских странах ислама в религию большинства населения (только в Австрии с 1971 по 1991 г. доля мусульман выросла в десять раз – с 0,2 до 2,0%). В этой связи западные политические круги начали придавать большое значение мнению собственных избирателей из числа представителей мусульманских диаспор, включая многочисленные землячества выходцев из арабских стран. Все это предопределило усиление влияния исламского, в частности арабо-мусульманского, фактора как на общественное мнение, так и на политический истеблишмент Запада.

Заметно возросло это влияние в Соединенных Штатах Америки. Как отмечает социолог М.О.Тулский, в 80-е и особенно в 90-е годы ислам

получил огромное распространение среди афро-американской части населения. Для них принятие ислама означает не просто переход из одной религии в другую, а в первую очередь протест против американского общества, строя и власти. Главный пропагандист ислама в США – Луи Фаррахан и его организация Нация ислама выдвигают в первую очередь политические, а не религиозные цели. В 1996 г. Л.Фаррахан организовал марш черных мужчин на Нью-Йорк, где на митинге было показано встреченное аплодисментами выступление Муаммара Каддафи, пообещавшего «взорвать США изнутри». К настоящему времени Л.Фаррахану удалось обратить в ислам более 10% афро-американцев (по данным Бюро переписи, на 1999 г. их было 35 млн. человек) [104].

Всего в США, по данным на начало 90-х годов, мусульмане составляли 1,4% населения. Американские исламские общины к середине 90-х годов состояли из выходцев из Южной Азии (около 25%), арабов (12%) и перешедших в ислам афро-американцев (более половины). В США насчитывается около 1500 мечетей, количество мусульманских школ, по данным Исламского общества Северной Америки (ИОСА), возросло с 49 в 1989 г., до 120 в 1996 г. Ислам – религия, наиболее быстро набирающая последователей в стране, к 1996 г. в США было уже около 5,5 млн. мусульман (данные ИОСА). По данным на 1999 г., число американских мусульман уже превысило 6 млн. человек (в 1990 г. их было 2 млн.), то есть ислам в США стал второй религией после христианства по числу верующих и вышел на пятое место среди американских церквей (после католиков, баптистов, методистов и евангелистов). [Здесь и далее статистические данные по мусульманским общинам в западных странах приводятся по: 104].

Наиболее отчетливо влияние «исламского фактора» проявилось в связи с проведением контртеррористической операции на Северном Кавказе. В частности, в Вашингтоне было заявлено, что ошибочная позиция России по урегулированию ситуации в Чечне фактически исключила возможность политических переговоров с «избранными представителями власти республики» и привела к значительным жертвам среди части мирного населения, не вовлеченной в терроризм. США потребовали прекращения военных действий и начала политического диалога между противоборствующими сторонами. Их позиция включала также оказание гуманитарной помощи «народу Чечни и законным политическим силам».

Такой подход американской администрации к урегулированию северокавказского конфликта способствовал активизации международной деятельности чеченских представителей. Прибывший в США «министр иностранных дел Чечни» И.Ахмадов выступил 12 января 2000 г. в Вашингтонском Институте стран Центральной Азии и Закавказья (один из спонсоров его поездки), где заявил о возникновении на территории Чеченской Республики гуманитарной катастрофы. По его словам, в лагерях беженцев в Ингушетии находилось более 250 тыс. человек, к которым российские власти не допускают представителей гуманитарных организаций. Освещая ход боевых действий, представитель Ичкерии обвинил федеральный

центр в непропорциональном применении силы, массовых преступлениях против мирных жителей, применении химического оружия. В этой связи И.Ахмадов призвал администрацию США оказать политическое давление как на Россию, так и на европейские страны с целью немедленного прекращения боевых действий.

Визит чеченской делегации вызвал широкий резонанс среди действующих в США исламских организаций. Их особое внимание привлекло заявление первого заместителя госсекретаря США Строука Тэлбота американской информационной компании PBS 17 января 2000 г. Смысл его выступления сводился к тому, что Вашингтон не считает И.Ахмадова и представляемое им «руководство Чеченской Республики Ичкерия» причастными к организации и проведению террористических актов на территории России. Более того, в американской администрации рассматривают И.Ахмадова в качестве «полномочного представителя законного правительства А.Масхадова». Вслед за этим в контролируемых исламистами американских СМИ появились сообщения о якобы признании администрацией США официального статуса возглавляемой И.Ахмадовым чеченской делегации.

В начавшейся кампании давления на администрацию США для принятия антироссийских санкций заметную роль сыграли некоторые неправительственные организации и исследовательские учреждения страны (Центр оборонной информации США, Аналитический центр «Стратфор» и др.). Подготовленные ими материалы распространялись среди конгрессменов и влиятельных политиков, что не только оказало определенное влияние на формирование общественного мнения, но и дало американской администрации соответствующие аргументы для критики российского руководства. Ряд влиятельных международных и национальных американских правозащитных организаций также предпринял попытки активно воздействовать на исполнительные и законодательные органы США. Они потребовали принятия срочных политических, экономических и дипломатических мер по оказанию воздействия на Россию в связи с якобы имеющимися «массовыми нарушениями прав человека в Чечне». Например, в ходе состоявшихся в апреле 2000 г. слушаний в сенате США американская правозащитная организация «Physicians for human rights» внесла на рассмотрение сенаторов предложения по содействию администрации США в оказании давления на Россию по чеченскому вопросу.

В районах компактного проживания северокавказской диаспоры в США в штатах Нью-Джерси, Иллинойс и Мэриленд активизировались попытки сбора финансовых средств и иной помощи Чечне и Дагестану. В результате обращения президента Чечни А.Масхадова к председателю Исламского верховного совета Америки (ИВСА) последним было принято решение о сборе дополнительных пожертвований для оказания гуманитарной помощи лицам, временно покинувшим территорию Чечни. Всем мусульманам, проживающим на территории США предлагалось перечислять через ИВСА пожертвования в размере не менее 150 долла-

ров. К оказанию финансовой помощи Чечне подключилось более 50 официально зарегистрированных в США исламских общественных некоммерческих организаций. Среди них можно выделить: «International Relief Association» (Международная благотворительная организация, г.Дирбон, собрала 1 млн. 183 тыс. долл.), «Islamic Relief Worldwide» (Исламская благотворительность по всему миру, г.Бербанк, штат Калифорния, – более 6 млн. долл.), «Mercy International» (Международное сострадание, г.Плимут, штат Мичиган, – 2 млн. долл.) [87].

В рассматриваемый период в США активно действовали в поддержку Чечни Фонд Хаккани, уже упомянутая Нация ислама Л.Фаррахана, Чечено-ингушское общество Америки, Фонд исламского образования, Исламо-американский фонд «Закят» и др. Действующие в США исламские организации «Джамаат аль-Муслимун» и «Аль-Гамаа аль-исламийя» (г.Балтимор и г.Колледж Парк, штат Мэриленд) обратились к мусульманам и сочувствующему населению США с призывом оказать помощь «борющемуся народу Чечни». Их представители не только предлагали осуществлять финансовые пожертвования в пользу чеченских беженцев, но и направлять добровольцев сражаться вместе с «моджахедами» против российских войск. Они также призывали американских мусульман заявлять протесты в отношении действий России в Чечне в посольства мусульманских государств в Вашингтоне, требовали разрыва их торговых связей с Россией, а также бойкота поставок российского вооружения в страны Ближнего Востока.

Собранные мусульманами США и их объединениями пожертвования в пользу чеченских единоверцев аккумулировались некоторыми коммерческими банками (например, «Fleet Bank»), процедура открытия счетов в которых значительно упрощена. Все расчеты по заключенным сделкам с иностранными партнерами проводились через крупные американские финансовые институты, которые подключены к международной электронной системе «SWIFT», что существенно облегчало их переброску в российские адреса. Соответствующие банки канализировали в нужном направлении доходы от внешнеторговых контрактов через подставные фирмы, что позволяло обходить действующее в США законодательство. В частности, основным источником переводимых в Россию средств для «гуманитарной помощи» Северному Кавказу являлись сделки с энергоносителями с привлечением трейдеров-посредников, в результате чего деньги «растекаются» и с трудом поддаются контролю соответствующих органов [85]. Кроме того, по мнению специалистов, для обналаживания банковских счетов использовались подставные компании и банки на Кипре и еще в нескольких европейских странах [72]. В этой связи интересно отметить, что по данным некоторых обозревателей, первоначальным источником финансов для Чечни являлись средства, выделенные США для восстановления Боснии и Косово [91]. Позднее финансовыми органами США был усилен контроль за сбором исламскими организациями средств в пользу Чечни.

В общественно-политических кругах Канады (мусульмане составляют здесь 1% населения) уже давно проявляли озабоченность тем, что их страна становится «убежищем для террористов», базой для сбора финансовых средств и подготовки террористических акций (по некоторым оценкам, около 50 международных экстремистских, в том числе исламских, организаций используют Канаду как своего рода «банковский центр»). Этому способствуют либеральные иммиграционные законы, относительно открытые границы, свобода передвижения, развитые коммуникационные системы, а также близость к США. В этой связи радикальные меры российского правительства по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике в целом нашли в Канаде положительный отклик. Авторитетные общественно-политические деятели этой страны стали высказываться в поддержку усилий российского федерального центра. Так, бывший командующий канадским миротворческим контингентом в Боснии и Герцеговине генерал-майор в отставке Л.Маккензи, имеющий в Канаде самый высокий рейтинг как военный обозреватель и аналитик, заявил, что в настоящее время «Россия ведет в Чечне вооруженную борьбу с радикальными сепаратистами, опирающимися на чеченских и международных террористов». Именно поэтому, по его мнению, мировое сообщество должно «отойти от стереотипов» и оказать России содействие и моральную поддержку в борьбе против международного терроризма [123].

События на Северном Кавказе повлекли за собой активизацию радикальных исламских организаций в ряде европейских стран. Как уже отмечалось, государства Западной Европы в силу географической близости представляют особый интерес для исламистов из стран Ближнего Востока. С их точки зрения, это удобный регион для создания своих убежищ и материально-технических баз, получения и размещения финансовых средств. В настоящее время в Европе проживает до 20 млн. выходцев из арабских стран, поэтому здесь имеются большие возможности для ведения исламистами активной пропаганды своих идей, а также привлечения новых сторонников среди увеличивающихся мусульманских общин и их структур.

С начала проведения контртеррористической операции в Чечне на территории европейских стран происходили контакты отдельных представителей радикальных исламских организаций с чеченцами. Российским спецслужбам стало известно, что в Копенгагене состоялась встреча эмиссара бен Ладена Мустафы Хамзы, которого разыскивают как террориста правоохранительные органы у него на родине в Египте, с главой «информационного центра Ичкерии» в Дании Османом Фирзауи. Последний заверил собеседника, что базы в Чечне готовы к приему «борцов за веру», и просил перебросить в Чечню ПТУРСы «Милан», минометы и современное стрелковое оружие, которое предназначалось еще для исламистов в Косово. В качестве инструкторов по обращению со сложными видами вооружений приглашались арабские «афганцы». Все это предназначалось персонально Хаттабу и его отрядам [86]. На территории Европы началась вер-

бовка наемников для ведения боевых действий на российском Северном Кавказе. В частности, по сообщениям прессы, в конце сентября 1999 г. в Боснии были сформированы 9 групп боевиков в основном арабской национальности, способных вести боевые действия, в том числе на Кавказе [86]. Сообщалось также, что для переброски на Кавказ подготовлено около 1500 «моджахедов», которые до этого находились в Боснии, Ливане и Пакистане. Их переброска была временно приостановлена в связи с ужесточением режима на российско-грузинской границе [92].

В отдельных странах Западной Европы под эгидой различных международных правозащитных организаций была развернута антироссийская информационная кампания. Главным образом ими выдвигалось требование к руководителям западноевропейских государств оказать давление на Россию с целью привлечения к ответственности участников антитеррористической операции, «виновных в массовых преступлениях против человечности». Для активизации этой кампании в страны Балтии, Европы и Ближнего Востока были направлены делегаты парламента Чечни, а также даны указания представителям сепаратистов в этих странах по развертыванию так называемых «чеченских информационных центров». В СМИ сообщалось, что на эти цели из казны А.Масхадова выделено около 2 млн. долл. [92]. Кроме того, чеченские сепаратисты имели прямое отношение к организации митингов чеченских беженцев и переселенцев в Ингушетии. Например, во время посещения делегацией Парламентской Ассамблеи Совета Европы палаточных городков «Спутник», «Северный» и «Барт» со стороны размещенных там лиц звучали призывы к «выводу войск из Чечни» и заявления о том, что «чеченский вопрос должна решать Европа».

Стало заметно, что под выдвигаемые европейцами в адрес российских властей обвинения подбираются аналогичные балканским событиям формулировки, планируются структуры международного присутствия на Северном Кавказе. Как заявил, в частности, председатель Комитета министров Совета Европы (КМСЕ) Б.Коуэн, «если Москва в ближайшее время не возьмет твердых обязательств по расследованию военных преступлений, майское (2000 г.) заседание КМСЕ может оказаться очень неприятным для России». Одновременно с этим генеральный секретарь Совета Европы В.Швиммер в публичном выступлении призвал российское руководство к «сотрудничеству с Международным Судом и наказанию российских военнослужащих за совершенные преступления и нарушение прав человека в Чечне» в соответствии с национальным внутрироссийским законодательством, а в дальнейшем и в соответствии с нормами международного права [123].

В ответ российское руководство заняло достаточно жесткую позицию. В своем выступлении в Лондоне президент России В.Путин упрекнул западные страны в том, что они не поддерживают российскую позицию по вопросу борьбы с «общим врагом» – международным терроризмом, в частности, из-за опасения негативной реакции со стороны своих граждан-

мусульман. Было также заявлено, что «Запад должен быть благодарен российским Вооруженным Силам за то, что федеральные войска выполняют за него грязную работу, сражаясь с исламским экстремизмом, который угрожает интересам безопасности Западной Европы». Такие заявления российской стороны не вызвали, как это было ранее, резких антироссийских нападок ведущих средств массовой информации Великобритании. Более того, в британских СМИ стала явно прослеживаться мысль о том, что британский премьер-министр Т.Блэр никому не позволит помешать его контактам с «важнейшим мировым лидером», поскольку полагает, что между Россией и Великобританией должны существовать «теснейшие взаимоотношения» [123]. Можно отметить, что после визита президента России в Англию значение чеченской темы для западных стран снизилось до уровня лишь одного из средств давления на Москву.

В то же время англичане не пошли на принятие мер по ужесточению на своей территории контроля за участием радикальных исламских организаций в антироссийской кампании (в середине 90-х годов 9 из 58 млн. человек населения страны составляли мусульмане). Наоборот, в этот период в Великобритании активизировала деятельность радикальная мусульманская организация «Аль-Мухаджирун» (Эмигранты). Она осуществляла подбор британской мусульманской молодежи для последующей военной подготовки и отправки в Чечню, а также другие районы боевых конфликтов. Так, за последние три года в Чечню, Афганистан и Индию (Кашмир) этой организацией было отправлено около 200 британцев, в основном, пакистанского происхождения. После избития российских корреспондентов в Лондоне в декабре 1999 г. в условиях бездействия официальных властей по указанию лидера организации «Аль-Мухаджирун» Омара Баكري Мухаммада был проведен сбор денежных средств для формирования Ш.Басаева (по оценочным данным, сумма собранных средств составляла не менее 250 тыс. долл.).

Следует отметить, что 45-летний саудовский эмигрант Омар Баكري Мухаммед, известный также под именем «шейх Баكري», получил убежище в Англии около 12 лет назад. Баكري регулярно поддерживал контакты с представителями бен Ладена, чеченской и дагестанской диаспорами в Иордании. Ему принадлежит торговая фирма ANFO SOF TA VIR Limited (головной офис расположен в Лондоне на улице Тотэнхам, имеет филиалы в Шеффилде, Бедфорде и Личестере). На счета фирмы Баكري поступали пожертвования, собиравшиеся в указанных диаспорах, которые затем переводились в Россию под прикрытием псевдокоммерческих сделок. В прессе сообщалось также, что Баكري финансирует вербовку боевиков в арабских странах из числа арабских «афганцев» для участия в военных действиях на Северном Кавказе. Указанные наемники группами по 10 человек выезжали в Чечню через Турцию [85].

Кроме того, в Англии активизировал свою работу центр «International Alert» (Международная бдительность). Им была предпринята попытка создания организации под названием Кавказский форум молодых журна-

листов за мир и согласие, целью которой должна была стать соответствующая пропагандистская обработка общественного мнения. В свою очередь, международная организация «Islamic Relief Agency» (Исламское благотворительное агентство) потребовала от своих филиалов в Европе ускорить направление материальной помощи Чечне, которая должна была направляться через Боснию и Герцеговину в Турцию. Грузы оформлялись как «помощь пострадавшим от землетрясения» [87].

События на Северном Кавказе вызвали широкий резонанс в ФРГ, которая считается одной из наиболее исламизированных стран Западной Европы. Сегодня в Германии ислам является второй по значимости религией. По оценкам Федеральной статистической службы и других институтов, от 2,8 до 4,1 млн. жителей Германии являются мусульманами [56]. (По данным М.О.Тульского, к исламу причисляют себя 1,7 млн. человек). Подавляющее большинство из них составляют турки (более 70%). Кроме турок, в Германии много мусульман – выходцев из Северной Африки, бывшей Югославии, а более 150 тыс. мусульман являются этническими немцами. Арабы-мусульмане, прибывшие в 70-е годы из Палестины и Северной Африки, постоянно живут в Германии, тогда как остальные эмигранты-мусульмане – временно.

Постоянно живущие в Германии мусульмане объединены в союзы, группы и землячества. По мнению одного из видных представителей мусульманской общины в Германии Сулеймана Вильмса, «при относительно большой численности мусульманских объединений и их хорошей технической оснащённости, они все равно рассматриваются как маргинальные». Рост участия мусульманских предпринимателей в экономике Германии обусловил создание ими своих собственных союзов, представляющих интересы их фирм (например, объединение MUSIAD в Кельне) [56]. По мере развития событий в Дагестане и Чечне Германия стала сталкиваться с активизацией деятельности местных исламистов в пользу северокавказских сепаратистов. В первую очередь в центре внимания прессы оказались их попытки оказания финансовой помощи Дагестану и Чечне. Сообщалось, что сторонники турецкого исламиста Метина Каплана провели кампанию по сбору средств якобы в помощь пострадавшим от землетрясения. Однако вырученные 75 тыс. марок были направлены дагестанским сепаратистам [85]. Запрещенная в Турции организация Федеративное исламское государство Анатолия (штаб-квартира находится в г.Кельне, ФРГ) в этих же целях собрала с проживающих в Германии мусульман около 200 тыс. долл. [91].

Следует отметить, что в 90-е годы отмечалось увеличение потока в Германию этнических мусульман из России, в том числе беженцев с Северного Кавказа. Это обстоятельство послужило дополнительным стимулом для активизации кавказского направления внешней политики ФРГ. Накануне открытия саммита Евросоюза в Хельсинки в декабре 1999 г. Канцлер ФРГ Г.Шредер заявил, что если Россия незамедлительно не прекратит «войну против собственного народа», международное сообще-

ство будет вынуждено продолжить давление на нее. В германских СМИ практически ежедневно стали публиковаться материалы, тенденциозно освещавшие ход контртеррористической операции в Чечне. При этом приоритет отдавался информации, получаемой от корреспондентов чеченской национальности, работавших в зоне боевых действий на стороне сепаратистов в качестве сотрудников западных информационных агентств («Ассошэйтед Пресс», «Рейтер» и др).

Позднее официальные власти ФРГ стали воздерживаться от критических оценок действий федеральных войск на Северном Кавказе. В определенной мере это явилось результатом поездки делегации Федеральной разведывательной службы БНД в апреле 2000 г. на Северный Кавказ, где немецкая сторона получила достаточно полное представление о событиях в Чечне. Как сообщила в своем заявлении СМИ представитель Ведомства федерального канцлера ФРГ Г.Фолмер, в подготовленном по итогам посещения Чечни докладе сотрудников БНД был представлен развернутый анализ положения дел в республике, а также перспективы дальнейшего развития политической и социально-экономической ситуации. По мнению Г.Фолмер, из содержания доклада следовал однозначный вывод о необъективности и тенденциозности освещения на Западе положения в Чечне и необходимости учета этого обстоятельства политическим руководством Германии при формировании своего подхода к чеченской проблеме [124].

Наличие во Франции большой арабской диаспоры определяет значительное влияние арабо-мусульманского фактора на общественно-политическую жизнь этой страны. По данным на середину 90-х годов, 4,3 из 58 млн. населения страны являлись мусульманами. Следует отметить, что Франция до сих пор испытывает своеобразный «комплекс вины» за колониальное прошлое, а также в определенной мере чувство своей ответственности за создавшуюся в 90-е годы ситуацию в Алжире. События в северокавказском регионе 1999-2000 г. вызвали определенный негативный резонанс среди французских арабов, однако он не был сравним с развернувшейся под эгидой французских правозащитных организаций кампанией критики российского правительства. Отделением организации «Амнисти Интернациональ» в Марселе была предпринята попытка сбора подписей под петицией в адрес французского руководства с требованиями введения экономических санкций в отношении России. Другие французские правозащитные организации активно призвали общественное мнение к «солидарности с Чечней», что встретило поддержку со стороны посещавших в то время Францию представителей Чечни. Последние обвиняли Россию в геноциде и преследовании чеченских граждан на территории субъектов Российской Федерации, создании невыносимых условий для чеченских беженцев, что, по их мнению, чревато возникновением сложной эпидемиологической обстановки.

В частности, в середине декабря 1999 г. французскую столицу посетила группа чеченских эмиссаров в составе четырех человек: Р.Гайтемирова –

председателя партии «зеленых» Чечни и совета по защите окружающей среды Кавказа, М.Шовказовой – председателя партии «Женщины Северного Кавказа», Х.Атаева – заместителя председателя комитета Чечни по обороне и безопасности, Б.Тутакова – депутата партии «зеленых» Чечни, ответственного за международные связи чеченского парламента. В ходе состоявшейся пресс-конференции чеченские представители акцентировали внимание французской общественности на необходимости прекращения антитеррористической операции в Чечне, мотивируя это «ужасающими последствиями экологической катастрофы во всей Черноморско-Каспийской зоне» якобы вследствие ударов российских ВВС по объектам нефтехимии и местам захоронения ядерных отходов.

Значительное внимание чеченской проблематике было уделено в других европейских странах – ведущих членах НАТО. Испания, где проживает большое число выходцев из стран Магриба, в том числе политических эмигрантов, расценила действия федеральных войск на Северном Кавказе как исключительно внутреннее дело России. В Мадриде было подчеркнuto, что там знают о поддержке боевиков извне, попытках интернационализировать весь узел чеченских проблем. Опираясь на собственный опыт борьбы с «мятежной территорией» (Страна Басков), испанцы полагали, что в интересах России – скорейшее завершение чеченской кампании, так как ее затягивание будет неизбежно «раскручиваться» мировым сообществом в антироссийском духе. В политических кругах Италии, где мусульмане составляют 2% населения, развитию ситуации на Северном Кавказе придали особое значение. Наибольшую активность в этой связи проявили мусульманские общины, объединенные вокруг Миланской мечети (г.Милан) на севере страны. В этих кругах достаточно сильны позиции «Братьев-мусульман», которые уже длительное время используют территорию Италии для пополнения финансовых средств за счет коммерческой деятельности.

Из других ведущих стран НАТО следует особо выделить позицию Турции, руководство которой не решилось открыто выступать в поддержку чеченских сепаратистов. Однако оно терпимо относилось к деятельности на своей территории различных политических партий, религиозных и общественных организаций, занимавшихся сбором денежных средств и иной поддержкой чеченских сепаратистов. Основой для такой политики Турции в отношении чеченцев служат геостратегические и политические интересы Анкары, а также религиозные, культурные и исторические аспекты отношений Турции с народами Северного Кавказа. Так, в Стамбуле в составе многонациональной общественной организации Кавказский фонд, объединяющей представителей мусульманских народов Северного Кавказа России, был создан так называемый «чеченский комитет», состоящий из 10 лиц чеченской национальности под руководством представителя А.Масхадова в Турции И.Абзотова.

Члены «чеченского комитета» осуществляли организацию и проведение общественных мероприятий в поддержку Чечни, принимали участие

в неофициальных и официальных переговорах с представителями государственных структур европейских и мусульманских стран (например, на саммите глав государств ОБСЕ в Турции). Они также участвовали в пропагандистских акциях и телепередачах, которые организовывали турецкие СМИ, принимали раненых чеченских боевиков, распределяли их по больницам и семьям черкесской диаспоры, а также организовывали распределение финансовых средств, получаемых от Кавказского фонда. В свою очередь, Кавказский фонд проводил сбор частных пожертвований для поддержки действий чеченских сепаратистов в Чечне и за границей. Для этих целей фондом были открыты счета в ряде коммерческих банков Турции и некоторых других мусульманских стран. Как представляется, в обозримой перспективе позиция Турции в отношении помощи чеченским сепаратистам не претерпит существенных изменений.

Таким образом, в начале проведения контртеррористической операции в Дагестане и Чечне (август 1999 – январь 2000 г.) большинство стран НАТО заняло настороженную позицию в отношении действий Москвы. В значительной мере эта позиция строилась с учетом настроений избирателей-мусульман (включая арабов), последствий развернутой национальной и международными правозащитными организациями кампании за предотвращение «гуманитарной катастрофы», а также мнения арабских союзников на Ближнем Востоке. Критическое отношение стран НАТО к политике российского руководства на Северном Кавказе стало одним из проявлений растущего влияния мусульманского фактора в западных странах.

ГЛАВА IV
ОПЫТ АРАБСКИХ СТРАН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

**1. Подходы арабских государств к вопросам борьбы
с религиозным экстремизмом и терроризмом**

Отношение арабских стран к складывающейся в России, в том числе под влиянием событий на Северном Кавказе, религиозно-политической ситуации во многом явилось отражением их собственных острых внутренних проблем. В последней трети XX века на политическую обстановку в целом ряде арабских государств все большее воздействие стал оказывать рост религиозного экстремизма. Связанные с ним террористические проявления поставили перед руководством этих стран задачу организации эффективного противодействия исламистам. С учетом растущего внимания в России к данной проблематике представляется интересным рассмотреть накопленный в 90-е годы арабскими странами в этой области опыт.

Проблема религиозного экстремизма и терроризма затронула не только Арабский Восток, но и многие другие мусульманские страны. В настоящее время более чем в 70 странах мира насчитывается около тысячи групп и организаций, прибегающих в своей деятельности к методам террора. По экспертным оценкам, примерно 200 из них используют ислам в качестве идеологии своей деятельности. Существенно возрос уровень их технической оснащенности и финансирования. Согласно секретному докладу ЦРУ, около 120 «террористических исламских группировок» по всему миру получили в 1998 г. финансовую помощь на сумму 4,5 млрд. долл. [30, с. 7]. Заметно усилилась их связь с наемничеством и наркобизнесом. Отмечавшиеся до недавнего времени попытки политических кругов США связать понятия «исламский экстремизм» и «международный терроризм» претерпели изменения.

В 80-е годы проблема «терроризма ближневосточного происхождения», по существу, стояла в числе приоритетных угроз, в первую очередь для США и некоторых их союзников. Уже в наши дни, когда американцы переориентировались на поддержку албанских мусульман (события в Косово), ситуация стала меняться. В то же время в России 90-х годов (главным образом в электронных СМИ) стали проявляться рецидивы времен «холодной войны» западных подходов к исламу. Наметилась тенденция увязать «арабо-мусульманский фактор» с «исламским терроризмом» или «исламским экстремизмом» уже в нашей стране. Такого рода попытки усилились в

связи с проведением контртеррористической операции на Северном Кавказе, но они не получили широкой поддержки среди научных кругов и практических работников-арабистов. Как отмечал заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России А.Подцероб, «арабские государства не поддерживают терроризм в России. И у арабских правительств, и у нас один общий враг – это экстремизм, который на данном этапе прикрывается исламскими лозунгами» [30, с. 31].

В минувшее десятилетие в разных странах Арабского Востока проблеме борьбы с религиозным экстремизмом придавалось большее или меньшее значение, в зависимости от конкретных условий. Это можно выборочно проиллюстрировать на примере некоторых арабских стран. Так, в Арабской Республике Египет в 90-е годы в силу ряда причин социально-экономического и политического характера вопросы борьбы с исламским экстремизмом стали в разряд приоритетных [См.:76]. В этот период руководство АРЕ начало оценивать исламский экстремизм как одну из основных угроз национальной безопасности. Это связано с намерениями исламистов произвести замену существующего конституционного строя формой государственного устройства, основанного на предписаниях Корана и шариата.

Созданная в 90-е годы в АРЕ система борьбы с экстремизмом включала в себя большинство органов законодательной и исполнительной власти. Важное значение в Египте придавалось налаживанию взаимодействия в данной сфере всех государственных органов. Для этих целей при правительстве страны была образована Межведомственная рабочая группа по координации деятельности правоохранительных органов, учреждений пропаганды и просвещения, министерств и ведомств социального и экономического блоков правительства. Значительная роль в этой системе отводилась Высшему суду безопасности, членами которого назначались армейские офицеры. Приговоры суда обжалованию не подлежали. По характеру действий и полномочий он соответствовал чрезвычайному трибуналу. Основной мерой наказания за преступления террористического характера стали каторжные работы или смертная казнь.

После покушения в 1995 г. в Аддис-Абебе на президента АРЕ Хосни Мубарака в Египте была разработана комплексная программа борьбы с терроризмом. В рамках ее реализации в 1997 г. были приняты дополнительные меры по усилению противодействия исламскому экстремизму. В частности, увеличена численность и усовершенствована программа подготовки кадров, расширены полномочия Главного управления государственной безопасности МВД. Новый глава этого ведомства Х.Албери, который занял пост в 1998 г., сумел заметно активизировать антитеррористическую деятельность в Египте. Так, по его приказу было усилено патрулирование египетско-ливийской границы для ограничения возможности передвижения подозрительных лиц. Кроме того, в морских портах и аэропортах АРЕ была установлена закупленная в США аппаратура для обнаружения взрывчатых веществ.

Одновременно был усилен государственный надзор за религиозными учреждениями страны. Для затруднения использования исламистами мечетей в своих целях египетскими властями в 1996 г. был принят рассчитанный до 2000 г. план перевода под контроль Министерства вакуфов около 30 тыс. небольших мечетей. Тем самым устанавливался контроль над сбором пожертвований, которые служили одним из источников финансирования исламских группировок. Кроме того, были проведены аудиторские проверки финансовой деятельности Ассоциации «Братья-мусульмане», профсоюзов врачей, адвокатов, инженеров, фармацевтов, которые, по данным властей, поддерживали экстремистов. К августу 1996 г. благодаря соглашениям о сотрудничестве в области безопасности, подписанным Египтом с рядом стран, МВД АРЕ во многом удалось решить проблему перехвата поступлений из-за границы средств, предназначенных исламистам [4, с. 51]. Из-за резкого сокращения в результате таких действий финансовой базы многие исламские организации Египта были вынуждены отказаться от участия в выборах в местные органы власти.

В последние годы власти Египта продолжали проводить жесткую линию в отношении исламских экстремистов. При этом игнорировались как их призывы к «перемирию» с властями, так и угрозы в их адрес. Руководство АРЕ считало, что «заигрывание» с экстремистами только спровоцирует усиление их намерений по захвату власти. Такой курс египетского правительства позволил органам власти к 1998 г. добиться определенного снижения активности экстремистов внутри страны. Вместе с тем, признавая заметные тактические успехи египетских властей в борьбе с религиозным экстремизмом, нельзя не отметить, что в стратегическом плане силовые акции в отношении исламистов зачастую давали обратный эффект. Они способствовали росту их популярности в своей среде и авторитета среди тех слоев населения, которых можно отнести к их социальной базе. Более того, военные и полицейские методы увеличивали напряженность в египетском обществе, вызывали критику со стороны правозащитных организаций.

В создавшихся таким образом условиях исламские фундаменталисты получали возможность не только критики режима за проводимую им прозападную политику, идущую, по их мнению, вразрез с местной культурой, традициями, образом жизни и т.п., но и приобретали «имидж» борцов за «подлинную независимость» страны. Показательно в этой связи высказывание верховного наставника «Братьев-мусульман» в Египте Мухаммеда Хамида Абу ан-Насера, который заявил, что члены этой организации не только «требуют введения шариата как гарантии свобод и защиты имущества граждан», но также «прилагают все свои душевные и физические силы в интересах независимости страны, освобождения ее от любых форм иностранного проникновения или вмешательства во внутренние дела» [43, с. 72]. При этом исламисты ориентировались на недовольство части египетского населения значительным американским присутствием в стране (в том числе большим количеством американских советников и специалистов в министерствах и ведомствах АРЕ).

Не имея возможности на данном этапе кардинально решить весь комплекс проблем, способствующих сохранению влияния исламских экстремистов, египетские власти ищут наиболее оптимальные варианты действий. Так, в последние годы наряду с жесткими репрессивными мерами в отношении исламистов, осуждением к длительным срокам тюремного заключения и каторжным работам время от времени проводились амнистии, сопровождавшиеся выдачей денежных средств осужденным на обустройство после выхода из мест заключения. Например, только в 1998 г. из египетских тюрем было освобождено около 5 тыс. человек, осужденных по Закону «О чрезвычайном положении». В мае 1999 г. было амнистировано около 1200 членов «Аль-Гамаа аль-исламия». Кроме того, осознавая, что проблема экстремизма имеет глубокие экономические и социальные корни, руководство АРЕ для ослабления влияния исламских экстремистов среди населения провинций юга Египта реализует комплексную программу социально-экономического развития этой части страны.

На сегодня власти АРЕ считают, что основная угроза для национальной безопасности страны исходит от зарубежных руководящих структур исламских экстремистов, которые в своей деятельности опираются на многочисленные египетские общины за рубежом, в том числе в странах Западной Европы и США. В этой связи египетские правоохранительные органы рассматривают поддержку со стороны иностранных коллег как один из факторов, способствующих успешному решению задачи эффективного противодействия этим структурам. Однако не всегда попытки египетских властей добиться арестов и депортации в страну находящихся за границей наиболее радикально настроенных руководителей основных исламских организаций находят поддержку у зарубежных партнеров. В этом плане у египетских властей иногда возникают серьезные проблемы, в частности с Великобританией.

В 90-е годы вопросы борьбы с религиозным экстремизмом особенно остро встали перед руководством Алжира. Власти этой страны прибегли к самым крайним мерам подавления экстремизма и терроризма, вплоть до введения в законодательном порядке режима чрезвычайного положения. Как известно, в результате предпринятых правительством АНДР в 1992 г. радикальных мер по недопущению к приходу к власти исламистов в стране фактически началась гражданская война. На первом ее этапе (1992 г. – середина 1996 г.) между двумя сторонами развернулись боевые действия в обширных районах, подконтрольных исламистам. Масштаб противостояния свидетельствовал о том, что армия и силы безопасности ни в техническом, ни в тактическом плане оказались не готовы для ведения борьбы с «исламским» терроризмом. В дальнейшем постоянное и скоординированное давление со стороны армии и сил безопасности, использование сил самообороны, хорошо знающих местность в районах боев, позволили локализовать очаги сопротивления исламистов. На втором этапе войны (с середины 1996 г. и до конца 90-х годов) действия исламских экстремистов стали носить более ограниченный характер. Закре-

пившись в труднодоступной гористой местности, они осуществляли отдельные террористические акции. В этих районах правительственные подразделения продолжают проводить военные операции, в том числе с применением авиации и тяжелой техники.

В рассматриваемый период главной силой в борьбе с терроризмом в Алжире выступала армия. Министерство обороны имеет свое подразделение по борьбе с терроризмом, оснащенное самым современным вооружением, включающим вертолеты и бронетехнику, приспособленные для ведения боевых действий в пустыне. Для координации борьбы с исламскими экстремистами в Алжире был создан специальный Руководящий межведомственный комитет, который принимает решения, обязательные для исполнения всеми силовыми структурами. В зависимости от конкретных условий деятельности властями Алжира применялись различные силы. Так, в крупных городах борьба с экстремистами велась силами спецподразделений национальной полиции, в пригородных зонах и сельских местностях использовалась национальная жандармерия, а в лесных и горных массивах страны привлекались армейские подразделения. В непосредственном подчинении указанного комитета находится «Группа специального назначения», которая проводит операции по освобождению заложников, ликвидации террористов на их базах и т.д.

В свою очередь, правоохранительные органы АНДР осуществляли мероприятия по перекрытию каналов поступления экстремистам финансовой поддержки. Одновременно ими проводились операции по борьбе с наркобизнесом, которым занимаются исламисты для получения денежных средств. Власти Алжира стремились также использовать недовольство населения нападениями террористов и поощряли инициативы жителей ряда городов и населенных пунктов по созданию групп самообороны, обеспечивая в отдельных случаях подобные отряды оружием. За каждого выявленного боевика заявителю выплачивалось денежное вознаграждение в местной валюте, в сумме равное примерно 50 долл. США. В целях дискредитации исламистов в глазах алжирской и мировой общественности власти активно использовали в пропагандистских целях тот факт, что, вопреки исламским нормам, террористы наращивают свою активность в период священного для мусульман месяца «рамадан». Одновременно в этот период во всех населенных пунктах усиливаются меры безопасности. Проводятся массовые превентивные аресты выявленных экстремистов, устраиваются облавы с привлечением антитеррористических подразделений.

Кроме этого, власти АНДР проводили соответствующую профилактическую работу с руководителями религиозных учреждений и проповедниками. В частности, в сентябре 1997 г. было вынесено предупреждение имамам столичных учреждений культа о том, что они несут уголовную ответственность за порядок внутри вверенных им помещений. Кроме того, проповедники были предостережены от каких-либо попыток трансформации мечетей в оплоты подрывной деятельности. Одновременно в качестве одной из штрафных санкций, направленных на недопущение использования мече-

тей экстремистами, алжирские власти стали практиковать перевод частных учреждений культа в государственную собственность [4, с. 110].

Вместе с тем алжирское руководство отдавало себе отчет о невозможности стабилизировать обстановку и приостановить террористическую деятельность экстремистов в стране только репрессивными и административными мерами. В этой связи стали практиковаться переговоры с лидерами исламистов, сомневающих в возможности захвата власти вооруженным путем, а также проведение амнистий. Однако такие акции давали лишь частичные результаты из-за отсутствия единства в правительстве относительно критериев освобождения от судебной ответственности членов экстремистских организаций. В Алжире действует положение, согласно которому от такой ответственности освобождаются лица, не причастные к преступлениям против гражданского населения. Что касается активных боевиков, то они должны привлекаться к ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Комплексное применение в Алжире мер по противодействию исламскому экстремизму принесло определенные результаты. Среди наиболее значимых в этом плане событий можно назвать самороспуск Исламской армии спасения (вооруженное крыло Исламского фронта спасения – ИФС), завершившийся в январе 2000 г. Большинство ее боевиков и полевых командиров во главе с Мадани Мезрага сложили оружие и были амнистированы. Исламисты частично утратили имевшиеся у них внутри страны возможности для организации борьбы за захват власти, многие из них были вынуждены выехать за границу. Указанное обстоятельство побудило алжирское правительство более активно идти на многостороннее и двустороннее сотрудничество с другими странами в вопросах борьбы с терроризмом и экстремизмом.

В Саудовской Аравии проблема исламского экстремизма в 90-е годы также была весьма актуальной [См.:77]. Для ее решения власти королевства использовали весь арсенал имевшихся средств. Наряду с принятием соответствующих политических решений государством продолжали создаваться законодательные предпосылки для принятия мер полицейского, административного и уголовно-процессуального характера. Они разрабатывались с учетом особенностей применявшихся исламскими экстремистами форм и методов распространения своих идей и проведения антиправительственных акций в предыдущий период (70-80-е годы). Вслед за подавлением экстремистских выступлений, связанных с вооруженной попыткой захвата мекканского храма в ноябре 1979 г., король произвел значительную реорганизацию руководства полиции и армии, сменил чиновников в Западной и Восточной провинциях, а также пригласил французских и западногерманских специалистов для укрепления службы безопасности. Власти потребовали от религиозных лидеров взять под контроль исламских радикалов, лишив их права на чтение проповедей в мечетях.

Однако королевская семья отдавала себе отчет в недостаточности запретительных и репрессивных мер в борьбе с религиозным экстремиз-

мом. Социально-экономические и политические трудности побудили правящую династию пойти на определенные уступки в вопросе о власти. Прежде всего Саудида прибегли к консультациям со своими подданными, что было необходимо для снижения социальной напряженности путем расширения участия рядовых саудовцев в управлении страной. Тем самым, с одной стороны, частично удовлетворялись требования части саудовского общества, вовлеченной в процесс модернизации, по либерализации и реформированию жизни в стране, а с другой, как бы делалась уступка мусульманским традиционалистам, возглавляемым улемами, которые выступали за возврат к принципам демократизма уммы. Сторонники либерализации настаивали на учреждении парламента в рамках существующего монархического режима, а улемы добивались ужесточения борьбы за чистоту ислама и возврат к его первоосновам [110].

В результате было принято компромиссное решение: в марте 1992 г. король Фахд внес ряд изменений в политическую систему страны, подписав три декрета. В соответствии с одним из них он учредил Консультативный совет («Маджлис аш-шура»), который стал прообразом представительного органа. В его функции входило обсуждение деятельности правительства и выработка рекомендаций для короля. Учреждение такого органа означало некоторое отступление от абсолютизма. В состав Консультативного совета вошло 60 человек, которые представляли академические круги, предпринимателей и умеренных улемов. Все члены Консультативного совета были назначены королем Фахдом. При этом приоритет был отдан сторонникам прозападной ориентации. Так, 32 члена Совета являлись выпускниками различных западных университетов, а представительство улемов-традиционалистов было весьма ограничено [37, с. 222–223]. Следует отметить также, что в общественно-политической системе большую, хотя и опосредованную роль играет Совет улемов, являющийся совещательным органом при короле.

В 90-е годы исламская оппозиция в Саудовской Аравии получила пополнение в лице так называемых «неоваххабитов-проповедников». На защиту традиционных исламских ценностей и ваххабитского аскетизма встали представители интеллигенции – учителя школ, преподаватели и студенты теологических факультетов вузов. Занимая антизападную и антииитскую позицию, «неоваххабиты» развернули активную деятельность под радикальными лозунгами. Все возрастающей симпатией это движение стало пользоваться среди молодежи. Зарождение «неоваххабизма» относится к 1991 г., когда некоторые преподаватели – сторонники традиционализма в своих университетских лекциях подвергли критике политику официального Эр-Рияда при проведении операции «Буря в пустыне», а также определенную либерализацию, допущенную правящим режимом в отношении женского вопроса, в частности по проблеме разрешения женщинам водить автомобили.

Кроме того, «неоваххабиты» резко осудили действующую в стране банковскую систему, построенную, по их мнению, на ростовщическом

проценте, что, как известно, противоречит предписаниям Корана. Радикалы выступили также против распространения западной видеопродукции в стране, считая, что через этот канал в страну проникают порочные социальные и сексуальные нормы Запада. Одновременно они призвали правоверных к бдительности в связи со «всемирным иудейско-христианским заговором против мусульманских народов». Наконец, в своих выступлениях «неоваххабиты» назвали проводимую домом Саудидов внешнюю политику «неисламской», после чего в январе 1992 г. власти Саудовской Аравии провели кампанию арестов наиболее активных сторонников новой «ваххабитской» оппозиции.

Меньшим влиянием в 90-е годы в саудовском обществе пользовались сторонники «либерального» крыла религиозной оппозиции. Они выступали за устранение наиболее одиозных пережитков прошлого, смягчение норм шариата в повседневной жизни. К исламской оппозиции их можно было отнести в значительной мере условно и только в той степени, в какой любое движение политического протеста может существовать в исламизированном саудовском обществе. «Либералы» были представлены Комитетом защиты законных прав (The Committee for the Defense of the Legitimate Rights), который возглавил саудовский диссидент Мухаммед аль-Масари, по специальности профессор-физик. Комитет был создан в 1993 г. в Эр-Рияде, однако затем запрещен властями, после чего его штаб-квартира была перенесена в Лондон. Оттуда поддерживалась постоянная связь со сторонниками Комитета в Саудовской Аравии. Эта группировка обвиняла королевский режим в коррупции, недемократических методах управления, игнорировании требований проведения реальных политических реформ. Значительные усилия прилагались Комитетом в плане критики жестких мер саудовского правительства против оппозиционно настроенных деятелей страны [См. подробнее: 35, с. 175-233].

Шиитская часть религиозной оппозиции в минувшее десятилетие также представляла собой предмет беспокойства для саудовских властей. Это было связано с тем, что шиитская община в Саудовской Аравии состоит главным образом из рабочих и служащих на нефтяных месторождениях в Восточной провинции. Вследствие этого их политическая лояльность к правящему режиму имеет огромное значение. Исламисты, выступающие от имени шиитского меньшинства, заявляли об ущемлении прав на свободное отправление священнослужения, а также на замещение шиитов с руководящих постов в армии и государственном аппарате.

В 90-е годы правительство Саудовской Аравии продолжило меры по снятию социальной напряженности в Восточной провинции (реализация экономических проектов, увеличение расходов на здравоохранение, образование и пр.). Осенью 1993 г. король Фахд вступил в контакт с шиитскими диссидентами, которые вели активную антисаудовскую пропаганду за рубежом, призвав их вернуться домой и обещая им разрешить строительство шиитских мечетей и создать новые рабочие места специально для шиитской общины [110]. Эти шаги позволили Эр-Рияду значительно осла-

бить напряженность в Восточной провинции, но не сняли окончательно с повестки дня шиитский вопрос в Саудовской Аравии.

Однако присутствие многотысячного контингента западных войск в районе Персидского залива продолжало вызывать негативную реакцию исламских радикалов. В ноябре 1995 г. экстремистами на улице в Эр-Рияде была взорвана автомашина, груженная взрывчаткой. Теракт произошел возле Центра военных коммуникаций, используемого военными советниками США, в результате чего погибли семь американских военнослужащих. Второй, более мощный взрыв такого же рода произошел в июне 1996 г. на базе ВВС в Хубаре (Восточная провинция), также используемой американцами. Погибли 19 американских военнослужащих и 64 человека были серьезно ранены [52, с. 119]. В ответ на новый вызов исламских экстремистов власти Саудовской Аравии в конце 90-х годов начали действовать сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, были приняты меры по усилению служб безопасности и органов правопорядка, главным образом с привлечением западных специалистов. Одновременно саудовцы активизировали свое участие в межарабском переговорном процессе по выработке соответствующих соглашений в сфере борьбы с международным терроризмом. Во-вторых, были разработаны программы социально-экономического развития, реализация которых способна, по мнению правительства, сбить волну исламских оппозиционных настроений в обществе. В-третьих, значительное внимание саудовские власти стали уделять последовательному и целенаправленному формированию в общественном сознании через государственные средства массовой информации идеи саудовской нации [35, с. 132]. В-четвертых, правящий режим начал демонстрировать свой отказ от проводившейся ранее практики поддержки различных исламских движений за рубежом.

В 90-е годы в Республике Судан исламский экстремизм не считался преобладающей угрозой среди других видов экстремизма и терроризма. Противодействие религиозному экстремизму в этой стране имело ряд специфических особенностей, связанных с общественно-политической ситуацией в этой стране и ее международным положением. В частности, это было вызвано обвинениями США в адрес Судана о якобы осуществляемой им поддержке международного терроризма, что как бы автоматически вытекало из сути господствующей в стране идеологии исламского фундаментализма. Руководство Судана категорически опровергало эти утверждения. Оно заявляло, что на государственном уровне поддерживает (наряду с другими вероисповеданиями) умеренный традиционный ислам маликитского толка, который, по его мнению, наилучшим образом сочетается с многонациональным составом суданского общества.

Лидеры исламского движения в стране отрицали также якобы экспансионистскую направленность своих взглядов. «Суданцы, – отмечал в 1999 г. генеральный секретарь Национального конгресса Судана (правящей партии) Хасан ат-Тураби, – не занимаются экспортом исламской ре-

волюции. Для них ислам – это одна из составляющих национальной идеологии наряду с патриотизмом, принадлежностью к арабскому и африканскому сообществу». В то же время суданцы осуждали любые проявления экстремизма, в том числе религиозного (исламского, христианского и т.п.). По этому поводу ат-Тураби не так давно заявил: «Религия призывает нас, чтобы мы исповедывали ее в доброжелательном диалоге, чтобы мы на равных взаимодействовали с теми, кто не согласен с нами, и убеждали их работать вместе» [111].

С середины 90-х годов власти Судана начали принимать меры по борьбе с отдельными проявлениями исламского экстремизма, в том числе с деятельностью радикально настроенных группировок ханбалитского толка (как их называют в Судане, «ваххабиты»). Правоохранительные органы страны были ориентированы на противодействие незаконной деятельности любых религиозных группировок экстремистской направленности, использующих методы террора, а также оппозиционных сил, ведущих вооруженную деятельность против режима. Под последними подразумевалась, главным образом, действующая на Юге страны Национально-освободительная армия Судана во главе с Дж.Гарангом. В настоящее время в Судане осуществляется разработка Закона «О борьбе с терроризмом», фактически завершена процесс присоединения Республики Судан к международным и региональным конвенциям по борьбе с терроризмом. В то же время в рассматриваемый период суданское руководство придерживалось дифференцированного подхода к оценке деятельности исламских движений и групп, часть из которых обвиняется США в проведении международного терроризма.

Суданцы разграничивают понятия «терроризм» и «национально-освободительное движение», считая правомерным выражать свою политическую поддержку народам, борющимся за независимость. В частности, суданцы признают право ХАМАС на ведение национально-освободительной борьбы за создание независимого палестинского государства на основе шариата. Однако они считают, что борьба должна вестись прежде всего политическими методами, исключая терроризм, и подчеркивают недопустимость смешения понятий «ислам» и «терроризм». В свое время суданская сторона осудила деятельность египетской Ассоциации «Братья-мусульмане» и возникших на ее основе экстремистских группировок «Аль-Гамаа аль-исламийя» и «Аль-Джихад аль-исламийя», ставших в 70-е годы на путь сектантства в исламском движении, прибегнув к использованию террористических методов борьбы.

Во второй половине 90-х годов суданцы начали прилагать значительные усилия для организации контрпропагандистской кампании на региональном и международном уровне, включая ООН. Они делали акцент на том, что за обвинениями США, включающими Судан в зону своих «жизненных интересов», в поддержке международного терроризма проглядывает недовольство американцев внешней и внутренней политикой Судана. Суданская сторона признавала, что в первой половине 90-х годов

в интересах укрепления внешнеполитических позиций страны пошла на неоправданно широкую трактовку принципа «исламской солидарности», в результате чего был ослаблен контроль за въездом в страну граждан из мусульманских стран Арабского Востока. Отменой визового режима для данной категории лиц воспользовались для въезда в Судан отдельные исламисты, в том числе и Усама бен Ладен. Это дало повод западным странам развернуть пропагандистскую кампанию, обвиняя правительство Судана в поддержке международного терроризма. Позднее суданское руководство пересмотрело свой прежний подход, снова введя практику визового въезда для всех иностранных граждан. Кроме того, в целях дальнейшей нормализации отношений с западными странами суданцы выдали французским властям международного террориста «Карлоса», а в 1996 г. предложили Усаме бен Ладену покинуть территорию Судана. До этого бен Ладен занимался в Судане бизнесом, являясь владельцем строительной компании «Аль-Хиджра» и ряда объектов недвижимости.

Несмотря на последовавшее за этим улучшение суданских отношений с рядом западных государств, США продолжили оказание давления на Судан. Используя проблему международного терроризма, США стремились облегчить приход к власти в этой стране проамерикански настроенных сил. В ответ суданские власти активизировали шаги по нейтрализации этих обвинений. В частности, в начале 1999 г. они приняли решение о приостановке деятельности Народной исламской конференции («Аль-Муатамар аш-шаабий аль-ислами») – международной организации, объединяющей представителей общественных, религиозных, научных и журналистских кругов. По первоначальному замыслу суданской стороны эта организация должна была способствовать повышению международного авторитета Судана. Однако в западных средствах массовой информации была развернута пропагандистская кампания с целью дискредитации этой организации, и суданцы были вынуждены отложить на неопределенное время проведение намечавшейся на февраль 1999 г. очередной сессии этой организации.

Следует отметить, что после неудачной попытки США дестабилизировать хартумский режим, оказав военную помощь противникам Судана в лице Эритреи, Эфиопии и Уганды, в апреле-мае 1999 г. Соединенные Штаты приняли решение о частичной отмене санкций против Хартума. Налаживанию отношений с США, обвинявшими Судан в производстве компонентов химического оружия на фармацевтической фабрике «Аш-Шифа» (Хартум), способствовало также заявление МИД Судана о том, что он подпишет вскоре Конвенцию о ликвидации и запрещении химического оружия. В свою очередь правительства европейских стран, за исключением Великобритании, стали обмениваться с Хартумом визитами на уровне министров [123].

В последние годы большинство северосуданских оппозиционных группировок дислоцировалось в Каире и пользовалось негласным покровительством египетских властей. Это обстоятельство было использова-

но суданской дипломатией для оказания соответствующего нажима на АРЕ. При этом суданцы умело обыграли так называемую проблему «внутреннего терроризма», совпавшую, кстати, с новой волной антитеррористической кампании в мире. В Судане 19 сентября 1999 г. на нефтепроводе в районе г.Атбара был совершен акт диверсии. В результате взрыва была на некоторое время прервана подача нефти на терминалы в г.Порт-Судан. Ответственность за эту акцию (не повлекшую гибели людей) взяла на себя так называемая «Группировка объединенной оппозиции» (состоит в основном из представителей светской оппозиции). По мнению властей, эти действия были инспирированы некоторыми зарубежными странами, не заинтересованными в развитии нефтедобычи в Судане, которые стремятся дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в стране.

В последовавшем официальном заявлении государственный министр МИД Судана Али Абд ар-Рахман Нимейри охарактеризовал инцидент со взрывом нефтепровода как «террористический», расследование которого и выдача преступников должны проводиться в рамках международного сотрудничества, в частности, в соответствии с положениями межарабской Конвенции по борьбе с терроризмом (см.далее), участником которой является Судан. В этой связи он призвал все арабские государства к активизации сотрудничества по антитеррористической линии: к отказу от участия в подготовке или финансировании любой террористической деятельности на своей территории, предоставлении террористам убежища, аналогичного тому, которым пользуются на законных основаниях политические беженцы, к обмену информацией в соответствии с национальным законодательством и международными соглашениями, взаимодействию в решении административных и законодательных вопросов для предупреждения терактов, к усилению международного правового порядка для борьбы с терроризмом.

Кроме того, Судан потребовал от государств-участников межарабской Конвенции по борьбе с терроризмом оказать содействие в выдаче Абд ар-Рахмана Саида и Абд аль-Азиза Халя, обвиняемых по делу о взрыве нефтепровода, которые взяли на себя ответственность за эту акцию. В свою очередь, Генеральный прокурор Судана, возглавивший следственную комиссию по факту взрыва, советник юстиции Абд ан-Насер Ваннан направил соответствующее требование в комитет Интерпола о международном розыске и аресте этих двух лиц на случай, если обвиняемые покинут территорию Египта [46, с. 7-9]. В сложившихся условиях суданские власти намерены и дальше использовать факты оказания поддержки соседними странами суданской оппозиции, прибегающей к террору, для отвлечения внимания мировой общественности от навязываемой США проблемы «исламского терроризма суданского происхождения».

Таким образом, выборочное рассмотрение подходов отдельных арабских стран (Египет, Алжир, Саудовская Аравия, Судан) к решению проблемы религиозного экстремизма и организации борьбы с террористи-

ческими проявлениями на этой почве показывает следующее. В целом в указанных странах проблема радикального ислама возникает в контексте неразрешенности политических противоречий. Исламский экстремизм как явление подпитывается социально-экономическими причинами, и переход его носителей на позиции терроризма во многом предопределяется неспособностью правящих режимов устранить эти причины. Вместе с тем проведение комплексных мер, включая политические, экономические, социальные, религиозно-профилактические, законодательные и правоохранительные, позволяет существенно снизить возможность обострения ситуации в этой сфере. При прочих равных условиях относительный успех достигается в случае проведения взвешенной внутренней и внешней политики, основанной на адекватной ситуации оценке уровня угроз безопасности государства, общества и личности.

2. Межарабское сотрудничество по противодействию религиозному экстремизму и возможности использования опыта арабских стран в России

Во второй половине 90-х годов налаживание межарабского сотрудничества в области борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом затруднялось рядом проблем. В первую очередь, они были вызваны разногласиями в оценках приоритетов безопасности. Так, многие арабские страны продолжали считать, что постоянную угрозу для них представляет Израиль, а борьба с «исламским терроризмом» навязывается им США и некоторыми их союзниками по НАТО. Другие, прежде всего Саудовская Аравия (отвергая в принципе наличие у себя какой-либо «исламской оппозиции»), вообще отрицали связь между терроризмом и религиозным экстремизмом. По мнению саудовцев, последний носит «интеллектуальный и духовный» характер и поэтому якобы не может деградировать до терроризма, представляющего из себя уголовную деятельность. Несмотря на имеющиеся расхождения по вопросам оценки тех или иных проявлений религиозного экстремизма, растущая в минувшее десятилетие угроза терроризма требовала от арабских стран поиска путей координации совместных усилий по противодействию этим явлениям.

Большое значение для выработки общей позиции по этим вопросам имели прошедшие в 90-е годы встречи на высшем уровне. В ходе проведенных на них консультаций экспертами соответствующих силовых ведомств арабских стран были выработаны скоординированные мероприятия, направленные на пресечение деятельности исламских экстремистов. В частности, саммит в Шарм аш-Шейхе (март 1996 г.) способствовал укреплению сотрудничества арабских стран в этой сфере, прежде всего в рамках Лиги арабских государств (ЛАГ). В 1996 г. странами ЛАГ был принят Кодекс поведения в борьбе с терроризмом, а в 1997 г. одобрена общая стратегия борьбы арабских стран с терроризмом.

Качественно новый уровень сотрудничества был достигнут после подписания на состоявшемся в апреле 1998 г. в Каире совещании министров внутренних дел стран-членов ЛАГ Конвенции по борьбе с терроризмом. В ней впервые было дано общееарабское толкование понятия «терроризм», оговаривалось право народов на борьбу за независимость, в том числе и вооруженным путем, против иностранной агрессии или оккупации их территорий. Конвенция вступила в силу в мае 1999 г. и к настоящему времени ее ратифицировали 8 государств. В документе, в частности, предусматривается выдача заинтересованным государствам преступников, причастных к террористической деятельности на их территории. Конвенция также позволяет странам-участницам соглашения требовать проведения на территории друг друга различных юридических действий, связанных с преступлениями по признакам терроризма: получение свидетельских показаний, передача материалов, осуществление обысков и арестов с составлением соответствующих протоколов, получение документов, расписок и прочих записей или их заверенных копий. Соглашение также предусматривает оказание странами-участницами взаимной помощи в проведении расследований и других юридических процедур, связанных с дознанием по террористическим акциям.

В конце января 1999 г. в Аммане (Иордания) прошла 16-я сессия Совета министров внутренних дел стран-участниц ЛАГ. На сессии впервые в арабском мире была принята совместная декларация, осуждающая терроризм. Совет министров внутренних дел ЛАГ подтвердил свою заинтересованность в созыве международной конференции по борьбе с терроризмом под эгидой ООН, декларировал обязательство арабских стран вести борьбу с терроризмом в рамках единой межаарабской стратегии, кодекса поведения и других документов, призвал государства, на территории которых находятся террористические группировки, не допускать их деятельности в сфере финансирования, вооружения, проведения любых преступных акций и агитации, ведущих к подрыву безопасности сторон.

Следует подчеркнуть, что межаарабское сотрудничество в вопросах борьбы с экстремизмом не ограничивается только уровнем правоохранительных органов. В ряде случаев к этой работе подключаются и другие заинтересованные министерства и ведомства. Например, в конце ноября 1998 г. в Каире прошла встреча министров по делам религии (вакуфов) из Египта, Саудовской Аравии, Иордании и Ирака. В ходе консультаций были достигнуты договоренности о необходимости задействования возможностей этих министерств, в том числе для выявления источников и каналов финансирования исламских группировок, которые используют в своих целях сбор мусульманских пожертвований (закята). Кроме того, арабские страны принимают участие в межафриканских договорах по вопросам борьбы с терроризмом. В частности, 3 июня 1999 г. министры внутренних дел и юстиции стран-участниц Организации Африканского Единства (ОАЕ) подписали в Алжире проект межафриканского соглашения по борьбе с терроризмом, содержащий не только положения относительно их общего

подхода к этой проблеме, но и регламентирующий конкретную деятельность и вопросы взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с этим явлением.

Вместе с тем эффективное использование подписанных в рамках ЛАГ документов по вопросам противодействия религиозному экстремизму наталкивается на различия в подходе к данной проблеме входящих в организацию государств. В этой связи ряд арабских стран стремится к расширению международного сотрудничества в деле борьбы с экстремизмом. Инициатором такого подхода чаще всего выступает Арабская Республика Египет. Именно египтяне наиболее последовательно отстаивают идею созыва всемирной конференции по вопросам борьбы с терроризмом на уровне глав государств под эгидой ООН. Конечной целью египтяне видят создание организационной структуры, которая будет осуществлять координацию международных усилий в борьбе с терроризмом, включая совместный мониторинг перемещения подозреваемых лиц, оружия, банковских переводов и т.п. По мнению египтян, развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества должно подготавливать условия и базу для созыва указанной всемирной конференции под эгидой ООН.

Этим же целям служат различного рода локальные соглашения в дополнение к документам ЛАГ. Так, в апреле 1998 г. было подписано четырехстороннее соглашение между Алжиром, Бахрейном, Египтом и Тунисом, направленное на совместное противодействие исламскому экстремизму. Кроме того, арабские страны предпринимают шаги по использованию возможностей западных партнеров. В частности, в ходе состоявшейся в июне 1999 г. конференции министров внутренних дел стран Западного Средиземноморья между Францией и Алжиром было подписано двустороннее соглашение по безопасности, предусматривающее их взаимодействие в борьбе с исламским экстремизмом. Оно включает в себя обмен информацией по подозреваемым лицам, проведение совместных мероприятий по нейтрализации террористических групп, действующих на территории обеих стран. В свою очередь, Египет активно развивает сотрудничество с США. Об этом свидетельствуют совместные мероприятия правоохранительных органов этих стран по аресту членов экстремистских группировок «Аль-Гамаа аль-исламийя» и «Аль-Джихад аль-ислами». Со своей стороны США предпринимают усилия по развитию под своей эгидой многостороннего сотрудничества с арабскими странами в данной области. В июне 1999 г. Госдепартамент США организовал «круглый стол» по теме «Источники религиозного терроризма в Южной Азии и на Ближнем Востоке» с участием представителей 22 спецслужб стран указанных регионов. Целью совещания являлось исследование политических, религиозных и социальных истоков политического и религиозного экстремизма и терроризма.

Несмотря на достигнутые арабскими государствами результаты в развитии двустороннего и многостороннего сотрудничества в сфере борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом, им приходится постоянно преодолевать существующие в этом вопросе противоречия. Возникающие

между арабскими странами в этой сфере проблемы нагляднее всего можно проиллюстрировать на примере разногласий между Суданом и Египтом.

Следует напомнить, что приход к власти в Судане исламских фундаменталистов в 1989 г. оказал негативное влияние на суданско-египетские отношения. Руководство АРЕ стало обвинять суданские власти в поддержке исламских экстремистов в Египте и на межарабской арене. Вместе с тем объективный анализ такого рода обвинений требует учета особенностей интересов Египта в Судане, в том числе зависимость египетского сельского хозяйства от суданских соседей, которые в силу своего географического положения традиционно обладали преимуществом на распределение вод Нила (гидротехнические сооружения). В этой связи египетское руководство всегда было заинтересовано в приходе к власти в Судане сил, лояльно настроенных в отношении АРЕ. Однако курс нынешнего суданского режима, предусматривающего проведение независимой от Египта политики, создает известные трудности для египтян.

Отношения между двумя странами существенно осложнились во второй половине 90-х годов в связи с требованием Египта к суданским властям о выдаче египетских мусульманских экстремистов из организации «Аль-Гамаа аль-исламийя». Последние предприняли (якобы при содействии суданских исламистов) попытку покушения на президента АРЕ Хосни Мубарака в Аддис-Абебе в июне 1995 г. Террористы, по заявлениям египетских официальных лиц, прошли подготовку в лагерях исламских боевиков, расположенных в Судане, а главным их покровителем был не кто иной, как Хасан ат-Тураби. Несмотря на то, что Судан продолжал отрицать обвинения в своей причастности к попыткам убийства президента Х.Мубарака, Совет безопасности ООН наложил на него частичные международные санкции (сокращение числа и ранга диппредставительства Судана за рубежом, запрет на проведение международных форумов в Судане и др.).

В последние годы президенту Судана Омару аль-Баширу удалось в значительной мере нормализовать отношения с Египтом. В частности, 22 мая 1999 г. в Каире состоялись переговоры между министрами иностранных дел двух стран. Накануне суданские власти передали Египту часть принадлежавшей ему собственности, конфискованной за пять лет до этого, в том числе 17 домов отдыха, находившихся в ведении министерств ирригации и обороны Египта. Всего на первом этапе реализации этого соглашения предусматривалось возвращение 20 домов отдыха египетских ирригаторов, а на втором этапе – возвращение зданий египетских школ, отделения Каирского университета и др. [113]. Возвращение имущества и прекращение поддержки «террористов» являлись ключевыми требованиями Египта в вопросе улучшения отношений с Суданом.

В целом необходимо отметить, что к началу нового столетия в результате скоординированных действий арабских стран на национальном, региональном и международном уровнях, исламские экстремисты частично утратили свои позиции на Ближнем Востоке. Наиболее активные элементы из числа «непримиримых исламистов» были вытеснены за пределы

большинства стран этого региона. Некоторые из них стали перемещаться в государства Центральной Азии, а также в районы традиционного распространения ислама в Российской Федерации.

Опыт арабских стран представляет интерес для России не только с точки зрения предупреждения и локализации внешних угроз со стороны зарубежных исламских организаций экстремистской направленности, но и для анализа внутренних социально-экономических условий зарождения религиозного экстремизма. В 90-е годы для России, значительная часть населения которой исповедует ислам, во многом стали характерны проблемы социально-экономического порядка, которые ранее считались специфичными для стран «третьего мира». Соответственно стали проявляться присущие ранее только «развивающимся странам» некоторые черты религиозно-политической ситуации (обострение межконфессиональных противоречий, проявление религиозной нетерпимости, усиление фундаменталистских тенденций и др.).

Рассматривая практическую деятельность арабских стран в области борьбы с религиозным экстремизмом, не следует абсолютизировать возможность ее успешного применения в российских условиях. В этой связи можно вспомнить удачное выражение Л.П.Сюкияйнена, отметившего, что «чужой опыт, решения, найденные и доказавшие свою эффективность в других государствах, в России могут не подойти и даже скорее всего не подойдут из-за слишком большой разницы «места, времени и условий», по принятой в мусульманско-правовой доктрине терминологии» [29, с. 30]. Это не означает, однако, что подходы арабских стран не приемлемы для российских реалий. Вопрос состоит в том, что заимствование иностранного опыта всегда сопряжено с необходимостью его критического осмысления. В целом анализ опыта борьбы арабских стран с религиозным (исламским) экстремизмом показывает необходимость выделения, как минимум, двух основных направлений противодействия этому опасному явлению – тактического и стратегического. Каждый из них заслуживает внимательного изучения с точки зрения возможного применения в современных социально-экономических и политических условиях России.

Безусловно, в тактическом плане опыт арабских стран свидетельствует, что наиболее эффективным подходом к решению этого вопроса является недопустимость каких-либо уступок экстремистам. В силу специфики условий и политических традиций Ближнего Востока исламисты рассматривают их как слабость центральной власти и, соответственно, активизируют свои действия по достижению поставленных целей. В то же время в стратегическом плане, как показывает опыт арабских государств, наиболее активно противодействующих исламскому экстремизму, одними только силовыми методами добиться надежных результатов в борьбе с ним нельзя. Серьезным недостатком в подходах руководства отдельных арабских государств к решению данной проблемы является стремление их правящих кругов вести борьбу с экстремизмом главным образом силами правоохранительных органов и спецслужб, преимущественно без ре-

шения политических и социально-экономических проблем, которые служат главным источником воспроизводства экстремистских проявлений (в том числе и под религиозными лозунгами), создают благоприятные условия для распространения идеологических доктрин исламистов и привлечения в их ряды новых сторонников.

Более углубленный анализ арабского опыта противодействия религиозному экстремизму свидетельствует также о том, что руководством части арабских стран упускается из вида принципиально важное обстоятельство, а именно: попытки механического перенесения зарубежного опыта социально-экономического развития на национальную почву ведут к нарушению традиционного уклада хозяйственной жизни, способствуют созданию дополнительных возможностей для расширения социальной базы исламских фундаменталистов в виде маргинальных слоев общества и в конечном счете служат причиной ослабления национального иммунитета к иностранному культурному и духовному влиянию.

Из этого следует, что предпосылками для появления практически типовых вариантов программ (в том числе в рамках национальных концепций государственной безопасности) борьбы с религиозным экстремизмом выступают методологические ошибки директивных органов в определении причинно-следственных связей, совершаемые главным образом на этапе выявления причин возникновения экстремистских тенденций в религиозной сфере жизни общества, условий, способствующих (или препятствующих) их развитию, а также факторов, влияющих на их «поведение» и дальнейшую эволюцию. Одними из наиболее часто встречающихся ошибок выступают: поверхностное понимание разработчиками концепций национальной безопасности сути процессов модернизации в современном мире, их соотносимости с формационной (или «цивилизационной») принадлежностью данного социума; а также некритическое заимствование (полностью или частично) иностранных методов противодействия религиозному экстремизму, разработанных для иных социально-экономических и общественно-политических условий, часто коренным образом отличающихся от реалий данной страны и вступающих в противоречие с национальной спецификой.

Как представляется, указанные выше ошибки возникают, в том числе, как результат недостаточно активного со стороны государственного аппарата арабских стран привлечения к разработке программ борьбы с религиозным экстремизмом академических кругов, способных в рамках своей компетенции предложить комплексное научно обоснованное решение данной задачи. Очевидно, этот вывод можно распространить и на ситуацию, которая сложилась в настоящее время в сфере противодействия распространению религиозного (в перспективе, возможно, не только исламского) экстремизма в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже XX и XXI веков возросли попытки внешних и внутренних сил вовлечь Россию в противостояние с исламским миром, чреватое серьезной угрозой ее национальной безопасности и территориальной целостности. Этому способствовали:

- участие России в урегулировании региональных конфликтов (Таджикистан, Косово и др.) и связанные с этим усилия противопоставить православное большинство и мусульманскую общину в самой России;

- активизация исламистов в соседних с Россией регионах (Центральная Азия, Ближний и Средний Восток), которая совпала со стремлением ряда стран спровоцировать в России борьбу с исламским радикализмом;

- проведение в России предвыборных кампаний, которые стали сопровождаться намерениями части политиков использовать религиозную (исламскую, православную и т.п.) риторику в борьбе за власть;

- обострение проблемы сепаратизма Чечни под исламскими лозунгами, что вызвало увеличение попыток вмешательства зарубежных мусульманских кругов во внутрироссийские дела;

- возникновение вооруженного конфликта в Дагестане в 1999 г., который увеличил вероятность начала процесса формирования собственно исламского экстремизма в России;

- проведение террористических актов в российских городах и начало новой военной кампании в Чечне, что придало «исламской составляющей» северокавказских событий международный характер.

В 90-е годы XX века страны Арабского Востока выступили важной составляющей внешнего фактора воздействия на ислам в России. В рассматриваемый период арабо-мусульманское влияние на религиозно-политическую ситуацию в российской «умме» происходило через следующие основные каналы:

- расширившиеся официальные двусторонние связи между мусульманскими деятелями арабских стран и российскими служителями ислама (по линии духовного, просветительского, научно-религиозного и т.п. обмена), а также частные поездки исламских священнослужителей;

- религиозное и светское образование и подготовку кадров священнослужителей из числа российских граждан в учебных заведениях арабских стран, в том числе в ведущих исламских университетах «Аль-Азхар» (Египет), «Каравиин» (Марокко) и «Аз-Зейтуна» (Тунис), участие арабских преподавателей, а также получивших образование в арабских странах российских специалистов в учебном процессе в большинстве исламских образовательных заведений в самой России;

– гуманитарную деятельность на территории России официально зарегистрированных представительств исламских национальных и международных благотворительных организаций («Аль-Игаса», «Ибрагим аль-Ибрагим» и др.);

– общественную и религиозно-просветительскую деятельность представителей арабо-мусульманской диаспоры в нашей стране (участвуют в создании исламских обществ, выступают инициаторами учреждения на территории России мусульманских организаций, распространяют исламскую литературу и видеоматериалы);

– непосредственное участие зарубежных религиозно-политических и общественных деятелей арабских стран в духовной и религиозно-политической жизни российских мусульман (включая общественно-политические, культурно-просветительские мероприятия и т.п.).

– проповедническую и организационную деятельность представителей различного рода исламских миссионерских организаций («Ат-Таблиг» и др.), а также имеющие место попытки ряда НРПО оказания влияния на арабо-мусульманскую диаспору в России.

В связи с попытками влияния арабов на процессы активизации общественно-политической роли ислама в жизни России в рассмотренный период возникли следующие проблемы:

– превращение проповеднической деятельности арабских миссионеров, получения исламского образования за рубежом, финансирования исламских социальных проектов, гуманитарной помощи и других проявлений «исламской солидарности» с российскими единоверцами в объект внутренней и внешней политики арабских стран, фактор напряженности в российско-арабских отношениях;

– стремление ряда политических сил сепаратистской и экстремистской направленности и отдельных недобросовестных лиц в России использовать зарубежную помощь, а также авторитет и возможности международных и национальных арабских исламских организаций в своих корыстных интересах;

– несоординированность подходов к ведению миссионерской и гуманитарной (благотворительной) деятельности, осуществляемой представителями арабских стран на территории Российской Федерации, с позицией российской стороны в отношении рамок такого рода работы;

– нарушение зарубежными представительствами ряда национальных арабских и международных исламских организаций в России, а также отдельными гражданами арабских стран, ведущими просветительскую деятельность в нашей стране, действующего законодательства (в отношении деятельности общественных объединений, визового режима и др.);

– прямое или косвенное финансирование и оказание иной материальной помощи дагестанским и чеченским сепаратистам с территории арабских стран; вопросы недопущения властями арабских государств участия своих граждан, а также проживающих за рубежом выходцев из своих стран в боевых действиях на Северном Кавказе;

– возможность включения России в зону влияния радикальных исламских НРПО, вызванная кризисными явлениями в самих НРПО, деятельности в районах их традиционного влияния, а также участием России в разрешении различных региональных конфликтов, значительная часть которых происходила в мусульманских регионах;

– соотносимость «привнесенных» мазхабов с традиционными формами ислама в российских регионах (что несет в себе значительный конфликтогенный потенциал); рост противостояния между российским («традиционным») и арабским («чистым») исламом; а также проникновение в Россию из арабских стран различных исламских идейно-политических доктрин, в том числе радикального свойства.

Основными причинами возникновения в 90-е годы указанных проблем, которые привели к трудностям в российско-арабских отношениях в связи с участием арабов в возрождении ислама в России, послужили:

– последствия идеологического противостояния с рядом арабских стран в годы существования Советского Союза, взаимное недоверие как один из результатов последующей обоюдной вовлеченности в региональные и международные конфликты (Афганистан, Югославия, Центральная Азия);

– неоднозначность мотивов оказания арабскими мусульманами помощи своим единоверцам в России (стремление использовать исламскую гуманитарную помощь для создания своих политических позиций в России; ослабить критику правящих режимов за недостаточное внимание к проблемам мусульман в других странах; переориентировать деятельность наиболее активной экстремистки настроенной части религиозной оппозиции за пределы своих стран);

– спонтанность и нескоординированность как между собой, так и с российской стороной попыток арабо-мусульманских стран, их организаций и отдельных граждан (подданных) оказать поддержку российским мусульманам;

– плохое знание арабскими представителями действующего в России законодательства, российских реалий; отдельные попытки действовать в обход существующих в Российской Федерации официальных религиозных структур;

– отсутствие должного учета российской стороной обязательности исламских приоритетов во внешнеполитической деятельности ряда арабских стран;

– недостаточная проработка российской стороной позиции в отношении проблемы религиозного экстремизма, отсутствие четкого понимания существа проблемы исламского фундаментализма и его связи с мусульманским экстремизмом;

– тенденциозность в освещении рядом арабских и российских СМИ деятельности обеих сторон в связи с событиями в российской «умме» и ходом северокавказского конфликта.

К числу имеющихся предпосылок для преодоления указанных проблем можно отнести:

– снижение уровня опасений арабо-мусульманских стран в отношении экспансии коммунистической (атеистической по своей сути) идеологии; возрождение ислама в России, способствующее налаживанию контактов по гуманитарной линии (миссионерская деятельность, обмен в области подготовки богословских кадров и т.п.);

– сохранение арабскими странами заинтересованности в установлении прочных связей с новой Россией, в которой они видят стратегического партнера в политической, экономической и военно-технической областях, а также союзника в создании справедливых международных отношений, далеких от конфронтации между исламским и христианским миром;

– наличие объективной незаинтересованности арабских стран в развитии конфликта на Северном Кавказе, поскольку его дальнейшая эскалация означает формирование в этом регионе новых геополитических реалий без должного учета их интересов.

В целях преодоления возникающих в связи с арабо-мусульманским влиянием на ислам в России трудностей в двусторонних отношениях представляется необходимым:

– использование имеющегося потенциала для активизации роли России в мировом исламском сообществе, что позволит частично компенсировать утрату позиций на Ближнем Востоке, связанную с развалом Советского Союза;

– приобретение нашей страной ведущих позиций в международных исламских организациях, что позволит существенно увеличить участие России в снижении уровня противостояния между исламским и христианским миром, разрешении региональных конфликтов, в том числе возникающих на межконфессиональной основе в самой России;

– выработка адекватной реальному положению дел политики государственных органов России и арабских стран в отношении миссионерской, благотворительной и т.п. деятельности в России зарубежных неправительственных религиозных организаций для недопущения нецелевого использования иностранной гуманитарной помощи;

– придание государственными органами России приоритетного значения исламскому аспекту, что предполагает, в том числе, активизацию усилий на арабском направлении российской внешней политики, улучшение скоординированности путей его реализации с внутренней политикой российского государства;

– достижение взаимопонимания с арабо-мусульманским миром по комплексу вопросов международного и внутреннего характера, связанных, в частности, с подходами к решению межконфессиональных конфликтов, борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и этническим сепаратизмом;

– объединение усилий России и арабских стран по поиску решения проблемы религиозного экстремизма на основе требования безусловного соблюдения прав человека, уважения чувств верующих всех конфессий, а

также национального суверенитета и не в ущерб двусторонним отношениям с третьими странами;

- недопущение использования США и их союзниками на Западе и Ближнем Востоке международного сотрудничества в борьбе с религиозным экстремизмом для дальнейшего вовлечения России в противостояние с исламским миром;

- привлечение к разработке программ борьбы с религиозным экстремизмом академических кругов, способных в рамках своей компетенции предложить комплексное научно обоснованное решение поставленных задач.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Александров И.А. Монархии Персидского Залива: Этап модернизации. – М., 2000.
2. Анчабадзе Ю. Кавказ после новой чеченской войны // Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. – Исследовательский проект «Раннее предупреждение и управление этническими конфликтами в процессе социально-политической трансформации России через общественный диалог и образование» («Конфликт-диалог-сотрудничество»). – Бюллетень № 1 (сентябрь-ноябрь). – М., 1999.
3. Ахмедов В.М. Россия, арабы и Кавказ // Арабский сборник. – М., 2000.
4. Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 2000.
5. Байба О.И. Эволюция социально-политических структур Саудовской Аравии в XX веке // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М., 1997.
6. Бен Баз, Абдуль Азиз бен Абдулла. Необходимость соблюдения сунны Посланника (да благословит его Аллах и приветствует) и признание безбожниками тех, кто ее отвергает. / Министерство по делам Ислама, вакуфов, призыва и наставления; Благотворительная организация «Ибрагим бен Абд аль-Азиз аль-Ибрагим» (Королевство Саудовская Аравия). – Эр-Рияд, 2000.
7. Борисов А.Б. Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта (XX век). – М., 1991.
8. Гайнутдин, Равиль. Как усилить роль религиозных организаций мусульман в духовном возрождении России? – Доклад на международной исламской конференции «Роль ислама в духовном возрождении России», посвященной 95-летию Московской Соборной мечети и 5-летию Духовного управления мусульман Европейской части России. Москва, 5 июня 1999 г. – М., 1999 г.
9. Игнатенко А.А.. Халифы без халифата. – М., 1988.
10. Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе: Доклад на семинаре в Московском центре Карнеги. – М., 2000.
11. Игнатенко А.А. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор: Доклад на семинаре «Исламизм – глобальная угроза?» в Институте социальных систем МГУ им.М.В.Ломоносова. – М., 2000.
12. История религий в России. – М., 1998.
13. Климович Л. Ислам в царской России. – М., 1936.

14. Кутб С. Вехи на пути Аллаха // Будущее принадлежит Исламу. – Махачкала: «Бадр», 1997.
15. Лайпанов Б. Ислам в истории и самосознании карачаевского народа // Ислам и этническая мобилизация: Национальные движения в тюркском мире. – М., 1998.
16. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995.
17. Макаров Д.В. Радикальный исламизм на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня // Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе... – М., 1999. – С. 48.
18. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М.: Московский центр Карнеги, 1998.
19. Мельков С., Ахмадуллин В. Государственно-исламские отношения в России. – М., 2000.
20. Мельник В.А. Политология. – Минск, 1996.
21. Милославская Т.П. Начальный этап деятельности ассоциации «Братьев-мусульман» // Религии мира. История: Ежегодник. – М., 1982.
22. Наумкин В.В. Россия и ислам // Современный ислам: Культура и политика. – М., 1994.
23. Пиотровский М.Б. Исторические судьбы мусульманского представления о власти // Социально-политические представления в исламе. – М., 1987.
24. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Палестинское движение сопротивления в период интифады: Проблемы и противоречия / Международная общественная организация Центр стратегических и политических исследований. – М., 2000.
25. Поляков К.И. Религиозная оппозиция в Саудовской Аравии // Арабский сборник. – М., 2000.
26. Поляков К.И. Идеология исламских фундаменталистов в Судане // Национализм и экстремизм на Ближнем Востоке. – М., 1999.
27. Примаков Е.М. История одного сговора. – М., 1985.
28. Сажин В.И. Афганистан сегодня – угроза международной безопасности // Ближний Восток и современность. – М., 1999.
29. Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. – М., 1997.
30. Терроризм в России как авантюра и политическая практика. Материалы семинара в Московском центре Карнеги 30.09.1999. – М., 1999.
31. Хаммади, Хамид Юсеф. О выработке совместного подхода России и Ирака к международным отношениям. / Пер. с араб. – Багдад: «Дом Мудрости», 2000.
32. Хоперская Л. Проблемы региональной безопасности на Северном Кавказе // Что хотят регионы России? – М., 1999.
33. Чернов П.В. Динамика политической роли ислама в России и СНГ: Закономерности, тенденции, противоречия // Россия – СНГ – Азия: Проблемы и перспективы сотрудничества. – М., 1993.

34. Шерматова С. Так называемые ваххабиты // Чечня и Россия: Общества и государства. – М., 1999.
35. Яковлев А.И. Саудовская Аравия: Пути эволюции. – М., 1999.
36. Ярлыкапов А.А. Национальное и религиозное в Ногайской степи // Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе... – М., 1999.
37. Gaus G.F. Desert Storm and After // The Middle East After Iraq's Invasion of Kuwait. – Gainesville, 1993.
38. Patterns of Global Terrorism, 1999. – US Department of States. April 2000.
39. Terrorism and Civil Disturbance Threat Assessment. International Monetary Fund Conference. FBI Counterterrorism Division. – Washington, D.C. April, 2000.
40. Terrorist Threat Assessment and Antipathy Report. The 1996 Summer Olympic Games. U.S. Department of Justice, Federal Bureau of Investigation. – Atlanta, Georgia. 1996.
41. Абд аль-Азиз, Абдалла бен. Ваджибуна туджах ихванина (Наш долг перед нашими братьями) // «Масат Аш-Шишан» (Трагедия Чечни). Специальный бюллетень Института исламского вакфа – участника Объединенного саудовского комитета помощи Косово и Чечне. – Эр-Рияд – Дждидда, [Б.г.], (на араб.яз.).
42. Аль-Джихни, Маниа бен Хаммад. Аль-Маусуа аль-муяссара фи аль-адьян ва аль-мазахиб ва аль-ахзаб аль-муасыра (Энциклопедия современных религий, движений и партий. / Под ред. аль-Джихни, Маниа бен Хаммада). – Эр-Рияд, 1418 х. – Т.1 (на араб.яз.).
43. Асакир, Абд аль-Фаттах. Аль-Хакаиик би аль-васаик ан джамаат аль-Ихван аль-муслимин (Документальные свидетельства о группировке «Братьев-мусульман»). – Каир, 1996 (на араб.яз.).
44. Кемаль Хадж Саид Джавади. Ихвон аль-мусульмин дар эстехане тарих: Х.Банна – С.Кутб (Египетские «Братья-мусульмане» на карте истории: от Хасана аль-Банна до Сейида Кутба). – Тегеран, 1979 (на перс.яз.).
45. Кутб, Сейид. Мукаввамат ат-тасаввур аль-исламии (Ценности исламского предствления). – Каир – Бейрут, 1986 (на араб.яз.).
46. Ан-Нашра аль-яумийя. Аль-Муатамар аль-ватаний. Аль-муатамар аль-кауумий ат-таасисий. (Ежедневный информационный бюллетень работы общенационального учредительного съезда Национального конгресса Судана). – Суданское агентство новостей – СУНА. 07.10.1999, № 1 (на араб.яз.).
47. Тахан, Мустафа Мухаммед. Мустакбаль аль-ислам фи аль-Коказ ва биялд ма вара ан-нахр (Будущее ислама на Кавказе и Средней Азии). – Кувейт, 1995 (на араб.яз.).
48. Аганин А.Р. Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве. – М., 2000.
49. Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. – М., 1999.

50. Республика Ингушетия – 5 лет. Хроника становления: 4 июня 1992 года – 4 июня 1997 года. – Назрань, 1997.
51. Российские и зарубежные общественные и религиозные объединения: Справочник. – М., 1993.
52. Современная Саудовская Аравия: Справочник // Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 1998.
53. Арухов, Загир. Ислам и политический экстремизм на Северном Кавказе // Мусульмане. – 2000. – № 1(4).
54. Белянинов К. Затем начнется кошмар, который мы обещаем русским // Новые Известия. 21.09.1999.
55. Биджи-улу, Мухаммад. Страх перед образованием: К вопросу о централизации духовной жизни мусульманской уммы России // НГ-Религии. 23.08.2000.
56. Вильмс, Сулейман. Мусульмане Германии // Мусульмане. – 2000. – № 1(4).
57. Гуляев Ф. Нет пророка в своем отечестве // Профиль. – 1999. – № 35 (сентябрь).
58. Гушер А. Дагестан. Новый очаг напряженности // Азия и Африка сегодня. – 1998. – № 2 (487).
59. Делягин М. Экономика чеченского террора // Коммерсантъ-Деньги. – 1999. – № 36 (сентябрь).
60. Ельцов Д. Неуловимый Гелаев // Разбор (Приложение к еженедельнику «Аргументы и факты»). – 2000. – № 8.
61. Ефремова Н., Рощин М. Особенности дагестанского джихада // НГ-Религии. 23.08.2000.
62. Житич Н. Боевик там правит бал // Российская газета. 14.05.1999.
63. Зданович А.А. Ни один террорист не уйдет от возмездия // Красная звезда. 28.10.1999.
64. Игнатенко А.А. Исламизация по-чеченски // Независимая газета. 20.11.1997.
65. Игнатенко А.А. Фантом, созданный ЦРУ: Усама бен Ладен – террорист, компрометирующий ислам // Независимая газета. 14.09.1999.
66. Лория Е. Чеченская пирамида // Гудок. 13.11.1999.
67. Макаров Д. Дневник террориста // Аргументы и факты. – 2000. – № 38.
68. Мелихов И.А. Арабо-исламская составляющая внешней политики стран ССАГПЗ // Восток. – 2000. – № 2 (март-апрель).
69. Мирский Г.И. Авторитаризм и демократия: две модели? // ПОЛИС (Политические исследования). – 1996. – № 6.
70. Михайлов Е. Тайные тропы оружия // Версты. 25.10.1999.
71. Михайлов Е. Наемники // Версты. 23.11.1999.
72. Михайлов Е. Общак // Версты. 7.12.1999.
73. Новосельцева М. В Чечню с боснийским паспортом // Парламентская газета. 6.10.1999.

74. Поляков К.И. Жизнь и смерть отца «мусульманского братства» (Сейид Кутб, его идеи, последователи и борьба с «глобальным мировым злом») // НГ-Религии. 21.10.1998.

75. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Дагестан: внутренние трудности российского масштаба // Интерфакс-Время. – 1999. – № 10 (192) (5-11 марта).

76. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Арабский Восток и проблемы терроризма // Независимая газета. 7.10.1999.

77. Поляков К.И. Король Фахд между улемами и капитализмом (Опозиция правящему режиму Саудовской Аравии готова распространить по миру идеи самого радикального фундаментализма) // НГ-Религии. 27.01.1999.

78. Поляков К.И. Йеменские экстремисты и Россия (Племенные вожди покровительствуют экспорту исламской революции) // НГ-Религии. 24.02.1999.

79. Поляков К.И. Пути и капканы «исламской революции» (С чем сталкивается российское общество на Северном Кавказе?) // НГ-Религии. 25.08.1999.

80. Рыбаков В.В. Ислам и гражданское общество // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – № 8.

81. Рябов М.В. Ислам как социальный феномен // Религия и право. – 2000. – № 1.

82. Ригер, Абу Бакр. Ислам объединяет материальный и духовный мир // Мусульмане. – 2000. – № 1(4).

83. Ас-Саид, Рифаат. «Эволюция» исламского фундаментализма // Колодец. – 1998. – № 1.

84. Суржикова М., Пономарева А. Боснийский бандит – друг чеченского бандита // Парламентская газета. 18.09.1999.

85. Тыссовский Ю. Исламские деньги текут в Чечню // Век. – 1999. – № 40 (октябрь).

86. Тыссовский Ю. Продайте «Стингер» чеченцу // Век. – 1999. – № 41 (октябрь).

87. Тыссовский Ю. Доллары из-под полы // Век. – 1999. – № 44 (ноябрь).

88. Умнов А.Ю. Афганский пасьянс. (wysiwyg://26/http:www.transcaspia-nan.ru/cgi-bin/web.exe/rus/246.html).

89. Халидов, Деньга. Исламский терроризм в России: мифы и реальность // Мусульмане. – 2000. – № 1(4).

90. Хлыстун В. Наемники // Труд. 19.11.1999.

91. Чародеев Г. Кто помогает чеченским боевикам // Известия. 8.12.1999.

92. Чародеев Г. Интернационал чеченских боевиков // Известия. 24.11.1999.

93. Челноков А. Ваххабиты в Тобольске // Совершенно секретно. – 1999. – № 10.

94. Шаракшанэ С. Ислам и политический экстремизм // Религия и право. – 1999. – № 4-5.

95. Янченков В. «Террористы под крышей «Аль-Харамейна» // Труд. 21.04.2000.
96. Власть. 9.11.1999. – № 44.
97. Время. 28.08.1998.
98. Время МН.
99. Известия. 18.09.1999; 30.09.1999; 20.02.2000.
100. Ислам Минбере (Трибуна ислама). – 1996. – № 4.
101. Континент. – 2000. – № 13.
102. Московский комсомолец. 01.09.2000.
103. Молодежь Дагестана. 23.04.1999.
104. НГ-Религии. 27.09.2000.
105. Независимая газета. 05.05.1996; 29.01.1998; 12.02.1998; 20.10.1999; 30.10.1999; 14.10.2000.
106. Независимое военное обозрение. 5-21.10.1999; 5-11.11.1999.
107. Радонеж (М). – 1999. – № 7-8.
108. Сегодня. 26.03.1998; 23.09.1999.
109. Татарские края (Казань). – 1997. – № 25 (238).
110. The Economist. – 1995. – Vol. 334. – № 7906. – С. 22, 27.
111. Аль-Анба (Хартум). 08.10.1999.
112. Ахбар аль-Халидж (Кувейт). 22.01.2000.
113. Ахбар аль-Яум (Хартум). 26.05.1999.
114. Аль-Ахрам (Каир). 03.03.1998.
115. Аль-Ватан Аль-Арабий» (Лондон). 13.11.1998.
116. Аль-Кабас (Кувейт). 9.12.1999; 23.01.2000.
117. Аль-Муджтамаа (Кувейт). 12.04.1999. – № 1344.
118. Эр-Рияд (Эр-Рияд).
119. Ас-Сафир (Бейрут). 7.10.1999.
120. Указ (Эр-Рияд). 24.01.2000.
121. Аль-Хайят (Лондон). 14.09.1999.
122. ИНТЕРФАКС. 7.07.2000.
123. ИТАР-ТАСС. 11.06.1999; 8.02.2000.
124. Мир и мы (Вестник иностранной информации о России и СНГ). – ИТАР-ТАСС. 24.09.1999.

SUMMARY

Dr. of History **Konstantin Poliakov**

The Arab States and Islam in Russia (90-th of XX century)

The author studies some key problems of the influence which the Arab states conducted on the situation of Islam in Russia in the nineties of XX century. He tries to investigate different sides of contradictory character of the Arab-Muslims' participation in the process of the Islamic revival in Russia. The researcher pays his great attention to the consequences which were caused by the desire of the Arab nations to play an active role in the spiritual, ideological and political life of Russian Muslims' community and to enlarge opportunities for creating contacts and cooperation with post-Soviet Russia. He studies the activities of the Arab national Islamic organizations and most of the International Islamic human Agencies in Russia.

The special interest of the study is directed to «the Islamic factor» in the foreign policy of the Arab states toward Russia. The author analyzes some steps of the Arab Muslims in order of influence on the religion and politic situation in the Russian Federation. He tries to show their aim for creation of own political positions in Russia using Islamic human aids. He points out the desire of the most of the Arab states' authorities to push the local Islamic radicals out of the Middle East region and to cut their possibilities for criticism inside the Arab Muslims society.

The author describes in details the rise of new problems in the Russian Arab relations particularly in context of the current events in the Chechen Republic. On the basis of critical analyze for the difficulties of the cooperation between Russia and the Arab states the author suggests some ways of their overcome in order of the further development of the traditions of friendship relations between the Russian Federation and the Arab World.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I	
РАДИКАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСЛАМЕ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЮ	8
1. Международные условия роста радикальных тенденций в исламе на Ближнем Востоке в 90-е годы и их влияние на Россию	8
2. Исламские неправительственные религиозно-политические организации Ближнего Востока и Россия	19
ГЛАВА II	
СТРАНЫ АРАБСКОГО МИРА И ВОПРОСЫ АКТИВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ИСЛАМА В РОССИИ	31
1. Предпосылки появления идеологии исламского фундаментализма в России и место арабских стран в этом процессе	31
2. Основные каналы арабо-мусульманского влияния на религиозно-политическую ситуацию в России	41
3. Влияние Саудовской Аравии на процессы политизации российского ислама	52
ГЛАВА III	
СТРАНЫ АРАБСКОГО ВОСТОКА И СОБЫТИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	62
1. Арабские страны и северокавказский конфликт	62
2. Саудовская Аравия и события на Северном Кавказе	76
3. Арабо-мусульманский фактор в странах Запада и положение на Северном Кавказе	84
ГЛАВА IV	
ОПЫТ АРАБСКИХ СТРАН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ	95
1. Подходы арабских государств к вопросам борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом	95
2. Межарабское сотрудничество по противодействию религиозному экстремизму и возможность использования опыта арабских стран в России	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	113
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	118
SUMMARY	124

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".
19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 4.
21. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг."
53. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
54. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
55. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
59. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
60. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
66. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Виравов** "Алжир: кризис власти".
69. **Зезв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
70. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (Совместно с Академией геополитики и безопасности).

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev
and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic
Development" by **N.Mamedova**
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov,
L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
42. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
54. "Political Elite in the Middle East"
55. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
56. "The contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
59. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
60. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Poljakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
66. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
67. "The contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
70. "Islamism and Extremism in the Middle East:" (collection of essays) (In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security)
71. " Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Poljakov**